

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1 9 6 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
МАЙ — ИЮНЬ

3

1968

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Я. Гибианский.</i> Разгром буржуазной оппозиции и закрепление победы народной революции в Югославии (июнь 1945 — январь 1946)	3
<i>В. В. Чистяков.</i> Борьба Розы Люксембург против милитаризма и военной опасности в начале XX века.	18
<i>В. А. Дьяков.</i> Новые материалы о Петре Сцегенном . .	30
<i>Г. К. Венедиктов.</i> К истории слов современного болгарского литературного языка	40

СООБЩЕНИЯ

<i>Т. С. Карская.</i> Три месяца в Праге (Записные книжки А. Н. Пыпина)	49
<i>Ф. Стеклова.</i> А. И. Одоевский и Адольф Янушкевич .	58
<i>Т. П. Агапкина.</i> К истории создания книги «День мира»	63
<i>Г. Покровская.</i> Леонид Леонов в Югославии	68

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>К. Л. Струкова.</i> К биографии К. П. Мисиркова . .	70
<i>В. Д. Королюк.</i> Болгарское Возрождение в графике Н. И. Калиты	75
<i>А. И. Рогов.</i> Чаша Ивана Грозного в сербском монастыре.	80

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>С. П. Боброва.</i> Учебник по истории южных и западных славян	81
<i>Ф. Г. Зуев.</i> Материалы сессии, посвященной двадцатилетию Войска Польского	85
<i>С. Сидельников.</i> Иван Н. Унджиев. Васил Левски.	87
<i>Ф. И. Фирсов.</i> Издание советских и чехословацких историков	89

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Е. П. Наумов.</i> Новый коллективный труд югославских историков «История Черногории»	91
<i>Г. Я. Ильина.</i> Ivo Frangeš. Studije i eseji	93
<i>И. К.</i> Второе издание книги об освободительной войне польского народа	94
<i>Е. Львова.</i> Книга о художниках болгарского Возрождения	95
<i>А. Липатов.</i> Новое в исследовании творчества И. Красицкого	98
<i>Йоганнес Шультгейс</i> (ГДР). 20 томов «Исследований по немецко-славянской топонимии»	100
<i>Р. М. Цейтлин.</i> «Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања»	100

Библиография

Книги о современном положении, истории, культуре и языках зарубежных славянских народов, вышедшие в Советском Союзе в 1967 г.	102
Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1967 г. (продолжение)	106
Содержание иностранных журналов	109

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>К. И.</i> X сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы	112
<i>Э. И. Легуров.</i> Защита диссертации	113

Научная жизнь за рубежом

<i>И. Б. Греков.</i> Юбилейная сессия Польской академии наук	113
<i>В. К.</i> Международная научная конференция о сербской Омладине	114
<i>И. Можалева.</i> Курсы славистов в Варшаве	116
<i>В. М. Мокиенко.</i> На летнем семинаре в Праге	117
<i>Л. В. Куркина, И. В. Чуркина.</i> Семинар словенского языка, литературы и культуры	118

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), **И. Ф. БЭЛЗА**, **Л. В. ВАЛЕВ**, **В. Г. КАРАСЕВ**,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), **Д. Ф. МАРКОВ**, **И. С. МИЛЛЕР**,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, **Ю. А. ПИСАРЕВ**, **Г. М. СЛАВИН**, **В. Ф. СТАХЕЕВ** (зам. главного редактора), **Н. И. ТОЛСТОЙ** (зам. главного редактора), **И. М. ШЕНТУНОВ**, **Я. В. ШМЕРАЛЬ**
 Ответственный секретарь **В. В. ЗЕЛЕНИН**

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон К0-27-40

Л. Я. ГИБИАНСКИЙ

РАЗГРОМ БУРЖУАЗНОЙ ОППОЗИЦИИ И ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПОБЕДЫ НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ЮГОСЛАВИИ

(июнь 1945 — январь 1946)

Летом 1945 г. Югославия вступила в своего рода новый этап революционного развития. Народно-освободительная война завершилась. Закончилась и вооруженная схватка революционных сил, во главе которых стояла Коммунистическая партия Югославии (КПЮ), с лагерем буржуазной реакции, так или иначе связавшим свою судьбу с оккупантами. Однако в этой мирной обстановке вновь обостряется борьба между противостоящими классовыми группировками и, соответственно, усложняется вся политическая ситуация.

Такой поворот событий был вызван как дальнейшим углублением революционных преобразований, так и стремлениями буржуазии, разгромленной в военном и политическом отношениях, перейти в своеобразное контрнаступление с целью вернуть, хотя бы частично, потерянные позиции. Эти стремления (подобные тенденции наблюдаются в 1945 г. и в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы) были связаны с новой попыткой югославской буржуазии воспользоваться компромиссными соглашениями, заключенными в конце 1944 г. между Национальным комитетом освобождения Югославии (НКОЮ) и эмигрантским правительством¹. Соглашения эти, подписанные председателем НКОЮ маршалом Тито и эмигрантским премьером И. Шубашичем, были затем поддержаны СССР, США и Англией в рекомендациях Крымской конференции².

Главным результатом соглашений, на которые Народно-освободительный фронт (НОФ) и КПЮ пошли в основном по внешнеполитическим мотивам, было создание 7 марта 1945 г. Временного правительства Демократической Федеративной Югославии (ДФЮ). В это правительство, возглавленное генеральным секретарем КПЮ И. Броз Тито, наряду с членами НКОЮ, вошли и представители буржуазной эмиграции.

Мы уже рассматривали положение в Югославии, сложившееся в результате народно-освободительной войны и соглашений Тито — Шубашич³. Напомним лишь, что практически соглашения вместе с дополнительными рекомендациями Крымской конференции давали буржуазии, во-первых, право определенной, хотя и весьма ограниченной политической

¹ Соглашение от 2 XI 1944 г. см. «Службени лист Демократске Федеративне Југославије», 1945, бр. 11; соглашение от 7 XII 1944 г. см. King Peter II of Yugoslavia. A king's heritage. New York, 1957, p. 242—243.

² См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Документы и материалы, т. III. Госполитиздат, 1947, стр. 108.

³ Л. Я. Гибанский. Расстановка классовых сил в Югославии в 1944—1945 годах. — «Советское славяноведение», 1967, № 1.

деятельности в стране, что не могло не усилить еще имевшееся у нее влияние. Во-вторых, под предлогом «ответственности» за положение в Югославии они могли пользоваться США и Англией для вмешательства во внутренние дела ДФЮ. Такое вмешательство было в тот период главной и, по сути дела, единственной серьезной опасностью для ДФЮ, поскольку в правительстве представители контрреволюционной буржуазии оказались в ничтожном меньшинстве, а в центре и на местах реальная власть целиком сохранялась в руках НОФ — единой революционной организации, полностью направляемой КПЮ и поддерживаемой значительным большинством населения.

К лету 1945 г. было уже совершенно очевидно, что участием в правительстве буржуазия не смогла ни изменить или поколебать характер ДФЮ как государства диктатуры пролетариата, ни остановить дальнейшее развертывание революционных процессов во всех областях общественной жизни. Наоборот, революционные преобразования все активнее охватывали теперь сферу экономики, где политически разгромленная буржуазия сохраняла еще сильные позиции. В конце мая — начале июня 1945 г. были приняты законы об изъятии военной прибыли и о конфискации⁴. Они означали дальнейшее развитие принятых еще в ноябре 1944 г. решений о переходе в государственную собственность имущества врага и его пособников и о государственном управлении имуществом отсутствующих лиц. Фактически это была широчайшая национализация, поскольку почти вся югославская буржуазия как класс оказалась так или иначе в коллаборационистском лагере, а вся иностранная собственность подпадала под категорию имущества отсутствующих лиц.

В такой ситуации под покровительством правящих кругов Англии и США контрреволюционные буржуазные силы предпринимали новые энергичные попытки использовать соглашения Тито — Шубашич хотя бы для частичной ревизии итогов народной революции, для оттеснения НОФ от власти либо на первых порах разделения ее с ним. Особые надежды стали теперь возлагаться прежде всего на широкое включение буржуазных представителей в Антифашистское вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ).

Соглашение от 7 декабря 1944 г., а также рекомендации Крымской конференции, принятые Временным правительством, как и программная декларация последнего⁵, предусматривали, что до Учредительной скупщины законодательную власть в стране будет по-прежнему осуществлять созданное революцией АВНОЮ, преобразованное во временный парламент путем пополнения его депутатами довоенной скупщины, которые не скомпрометировали себя сотрудничеством с врагом, и представителями «прогрессивных политических демократических групп». Речь шла о буржуазных группировках, получавших по соглашениям Тито — Шубашич право участия в политической жизни ДФЮ⁶. Временный парламент должен был определить избирательную систему и политические права граждан в связи с выборами в Учредительную скупщину, назначенными не позднее, чем через три месяца после освобождения всей национальной территории. Ему предстояло решить и ряд других неотложных проблем, в том числе — вопрос об аграрной реформе.

Хотя специальный комитет по расширению АВНОЮ был создан еще в марте 1945 г.⁷, сразу после формирования Временного правительства,

⁴ «Службени лист Демократске Федеративне Југославије», 1945, бр. 36, 40.

⁵ См. «Политика», 10 III 1945.

⁶ Об этих группировках см. Л. Я. Г и б и а н с к и й. Там же, стр. 14—16.

⁷ «Законодавици рад Претседништва Антифашистичког већа народног ослобођења Југославије и Претседништва Привремене народне скупштине ДФЈ (19 новембар

дело это заняло гораздо больше времени, чем ожидалось. В опубликованном 23 июня 1945 г. сообщении агентства ТАНЮГ говорилось, что в результате консультаций между заинтересованными политическими группами взаимоприемлемое решение будет выработано до середины июля, когда и намечалось созвать III сессию АВНОЮ и преобразовать его во временный парламент⁸. Но и этот срок оказался нереальным. Б. Петранович, первый и пока единственный югославский автор, приступивший к исследованию периода существования Временного правительства, верно отметил, что расширение АВНОЮ за счет депутатов довоенной скупщины оказалось чрезвычайно трудным, как потому, что большинство их было скомпрометировано сотрудничеством с врагом, так и вследствие самого характера скупщины: она была «избрана» в условиях грубой фальсификации и террора со стороны антинародного режима Стоядиновича⁹. Вместе с тем здесь, очевидно, играли роль и трудности, связанные с поиском такого конкретного решения о пополнении АВНОЮ, с которым согласились бы и революционный лагерь во главе с КПЮ и представители буржуазной эмиграции, вошедшие в правительство. Между тем речь тут шла о соотношении сил во временном парламенте, и вопрос этот неизбежно оказывался предметом острой политической борьбы. КПЮ и руководство НОФ, видимо, недостаточно учли в тот момент возможность осложнений, вызванных затяжкой в создании временного парламента. А такие осложнения последовали очень скоро.

Югославская буржуазия, хотя и пользовалась в отдельных районах влиянием среди довольно значительной части населения, не имела, однако, достаточных сил внутри страны, чтобы навязать КПЮ и НОФ выгодное ей решение вопроса о расширении АВНОЮ. В результате все свои планы в этом направлении она связывала с поддержкой Запада, который в свою очередь стремился оказать давление на ДФЮ, чтобы помочь югославской реакции и, в конечном счете, повернуть развитие страны вспять. Поводом для такого давления противники новой Югославии избирают в начале лета 1945 г. как раз затяжку с расширением АВНОЮ и выработкой законов о политических правах.

В конце июня — начале июля И. Шубашич, занимавший пост министра иностранных дел ДФЮ, и вице-премьер М. Грол обратились к посольствам США и Англии с просьбой, чтобы Запад поднял на открывающейся в Потсдаме конференции и в прессе вопрос о невыполнении соглашений Тито — Шубашич, аргументируя это затянувшимся расширением АВНОЮ¹⁰. Одновременно Грол вручил Тито меморандум: либо достижение соглашения по поводу пополнения АВНОЮ, основ политической жизни страны и характера режима, толковавшееся Гролом и его приверженцами как удовлетворение их требований, либо последует выход из кабинета¹¹. Вслед за тем английское правительство поставило на Потсдамской конференции вопрос о невыполнении революционными силами Югославии соглашений Тито — Шубашич и необходимости вмешательства союзников¹².

1944 — 27 октября 1945)». По стенографским белешкам и другим изворима. Београд, 1951, стр. 80.

⁸ «Борба», 23 VI 1945.

⁹ В. Петрановић. *Političke i pravne prilike za vreme Privremene vlade DFJ*. Београд, 1964, с. 139—140.

¹⁰ «The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). 1945», v. I. Washington, 1960, p. 828—829, 830, 840.

¹¹ *Ibid.*, p. 829.

¹² «Потсдамская конференция руководителей трех великих держав». — «Международная жизнь», 1965, № 12, стр. 145; «The Conference of Berlin», v. II, p. 1209.

Все это создало весьма напряженное положение. Однако, с одной стороны, попытка Англии, чьи обвинения поддержали и США¹³, сразу же встретила в Потсдаме энергичное противодействие СССР. Глава Советского правительства И. В. Сталин заявил, что «решения Крымской конференции выполняются маршалом Тито полностью и целиком», и отказался обсуждать поднятый англичанами вопрос без официальных представителей Временного правительства ДФЮ¹⁴. Действовать же в обход и даже против СССР западные покровители югославской буржуазии не могли. К тому же по ряду внутривластных причин президент США Г. Трумэн не был склонен дать согласие на приезд в Потсдам маршала Тито¹⁵. Пришедшее к власти во время конференции лейбористское правительство К. Эттли не настаивало на обсуждении югославского вопроса. С другой стороны, не последовало ожидавшегося Западом кризиса в правительстве ДФЮ.

Лидеры контрреволюционной югославской буржуазии, прежде всего М. Грол, возглавивший правую группировку сербской Демократической партии, ставшую в оппозицию к НОФ, рассчитывали перетянуть на свою сторону руководителей ряда входивших в НОФ буржуазных и мелкобуржуазных партий, с тем чтобы они также подали в отставку¹⁶. Но завоеванный самоотверженностью и героизмом во время освободительной войны авторитет КПЮ и НОФ был так высок, что открытый разрыв с ними лидеров какой-либо из входивших в НОФ буржуазных и мелкобуржуазных группировок мог встретить слишком сильное противодействие в ее собственных рядах. В результате даже скрытые противники КПЮ, не говоря уже о колеблющихся элементах, понимали невозможность публично выступить против коммунистов и отказаться от единой политики НОФ, выйдя из правительства вместе в оппозицией. К тому же в руководстве большинства присоединившихся к НОФ партий преобладали революционно-демократические элементы, готовые идти с КПЮ.

Кроме того, подрывные действия реакции были парализованы развернувшейся в это время подготовкой первого общегославского съезда НОФ, в связи с которым КПЮ и революционное ядро фронта выдвинули чрезвычайно гибкую и достаточно широкую политическую, социально-экономическую и организационную платформу. Эта платформа была затем закреплена в программе и уставе, принятых на состоявшемся 5—7 августа 1945 г. I съезде Народного фронта Югославии (НФЮ)¹⁷. В ней нашли выражение глубоко демократические и по существу социалистические (хотя и без прямого упоминания о социализме) требования — демократическая федеративная республика с широким участием масс в органах власти, сосредоточение материальных средств власти в руках трудовых слоев народа и усиление государственного сектора в экономике при плановом ведении хозяйства, аграрная реформа и развитие массового кооперативного движения и т. п. В то же время была обещана помощь средним слоям «во всех областях, где частная инициатива достигает полезных результатов». Одновременно, наряду с закреплением единства организаций руководимого коммунистами Народного фронта на основе индивидуального членства, предусматривалось также введение элементов коалиционности в его руководящих органах. Все это делало программу и организационное строение

¹³ См. «Потсдамская конференция...». — «Международная жизнь», 1965, № 12, стр. 145.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См. «The Conference of Berlin», v. I, p. 829.

¹⁷ Так стал теперь называться НОФ. Устав НФЮ см. «Борба», 7 VIII 1945, программу — см. «Борба», 8 VIII 1945.

Народного фронта приемлемыми для гораздо более широких слоев, предотвращая или замедляя известный отход колеблющихся элементов, крепче привязывая буржуазные и мелкобуржуазные группировки и их лидеров к НФЮ.

В результате, несмотря на отдельные колебания некоторых буржуазных деятелей фронта, входивших в правительство, Грол не получил ожидаемой «объединенной поддержки всех некоммунистических партий». Даже Шубашич, рассчитывавший на постепенное отделение масс внутри Народного фронта от КПЮ, опасаясь дискредитации и надеясь использовать в своих целях коалиционные формы фронта¹⁸, не поддержал в итоге предлагаемой отставки¹⁹, а затем принял участие в I съезде НФЮ²⁰. Поскольку именно Шубашич как глава эмигрантского правительства подписывал соглашения с НКОЮ, его решение остаться в составе кабинета делало бесполезной отставку, задуманную Гролом и министром без портфеля Ю. Шутеем. Они также были вынуждены остаться во Временном правительстве.

После напряженных дискуссий в правительстве и переговоров с представителями различных политических группировок, из-за чего еще дважды переносился срок созыва III сессии АВНОЮ²¹, 4 августа на заседании кабинета было принято согласованное решение по поводу расширения АВНОЮ и выносящихся на его обсуждение проектов избирательных законов²². Буржуазные представители оказались вынужденными принять основные предложения революционных сил. Выработанные проекты законов²³ обеспечивали, во-первых, широкие гражданские права (свободу печати, собраний, организаций и т. д.) и подлинную демократичность выборов (прямые и равные при тайном голосовании, активное и пассивное избирательное право с 18 лет). Во-вторых, они предусматривали наличие в составе Учредительной скупщины двух равноправных палат — Союзной скупщины и Скупщины народов. В последней одинаково представлялась каждая из шести федеральных частей Югославии (т. е. Сербия, Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, Македония, Черногория), чем сразу обеспечивалось равенство югославских народов в определении конституционных основ страны. В-третьих, эти проекты лишали избирательных прав реакционеров, предателей и пособников оккупантов, запрещали деятельность фашистских и реакционных партий и объединений, что в условиях массового коллаборационизма и национального предательства югославской буржуазии в годы войны серьезнейшим образом ограничивало возможности легализованных буржуазных группировок. Потерпели также неудачу надежды контрреволюции на значительную инфильтрацию в АВНОЮ путем его пополнения депутатами довоенной скупщины. Большинство их, как было констатировано на заседании правительства 4 августа, стали предателями²⁴, и в АВНОЮ могли войти всего 36 человек²⁵, т. е. приблизительно лишь $\frac{1}{10}$ довоенной скупщины.

¹⁸ «The Conference of Berlin», v. I, p. 840; v. II, p. 1208.

¹⁹ Ibid., v. I, p. 840; v. II, p. 1210.

²⁰ «Борба», 6 VIII 1945.

²¹ «Треће заседање Антифашистичког већа народног ослобођења Југославије и заседање Привремене народне скупштине. 7—26 август 1945». Стенографске белешке. Београд, стр. 11—13.

²² См. «Борба», 5 VIII 1945.

²³ См. «Rad zakonodavnih odbora Predsedništva Antifašističkog veća narodnog oslobođenja Jugoslavije i Privremene narodne skupštine DFJ (3 aprila — 25 oktobra 1945)». Po stenografskim beleškama i drugim izvorima. Београд, 1952, Prilog.

²⁴ См. «Законодавни рад Претседништва АВНОЈ...», стр. 555.

²⁵ См. там же, стр. 556—557.

Согласие буржуазных представителей, с одной стороны, было вынужденным, особенно после провала попытки вызвать кризис и вмешательство извне, а, с другой, — было своего рода тактическим ходом. Приняв предложенные проекты избирательных законов в Совете министров, Грол затем выступил против них во временном парламенте. Отсюда напрашивается вывод, что он и его группировка сочли целесообразным перенести борьбу из правительства, где они были в совершеннейшем меньшинстве, во временный парламент, где, по их расчетам, контрреволюционная буржуазия была бы представлена более значительно и где, как они полагали у нее будет больше шансов увлечь за собой часть неустойчивых деятелей Народного фронта. Возможно, оппозиция связывала свои планы и с тем, что в соответствии с решениями правительства и Президиума АВНОЮ от 4 и 7 августа, помимо депутатов довоенной скупщины, в АВНОЮ вошли, и представители легализовавшихся буржуазных и мелкобуржуазных партий и групп, как входящих в состав Народного фронта или примкнувших к нему, так и из рядов Демократической партии во главе с Гролом и Радикальной партии во главе с М. Трифуновичем и А. Становичем, противостоящих фронту²⁶.

Конечно, расширение АВНОЮ, собравшегося 7 августа 1945 г. на свою III сессию и преобразованного во Временную народную скупщину, давало буржуазии большие возможности. Но даже если бы все новые депутаты принадлежали к контрреволюционному лагерю, они составляли лишь чуть больше $\frac{1}{4}$ Временной скупщины, а около $\frac{3}{4}$ — прежние члены АВНОЮ, почти целиком состоявшего из коммунистов и их стойких союзников²⁷. Между тем большинство новых депутатов составляли представители, делегированные партиями, входившими в НФЮ.

Оторвать же от НФЮ колеблющихся, а также побудить к выступлению все скрытые контрреволюционные элементы, примкнувшие к нему из двурушнических соображений, создав во Временной скупщине единый противостоящий КПЮ буржуазный блок, теперь, после I съезда НФЮ, было едва ли возможно. Демократически ориентированные силы, чьи представления о будущем югославском обществе отличались от представлений последовательно революционного авангарда, так или иначе разделяли конкретную программу НФЮ, выражавшую устремления к социализму в рамках широких общедемократических требований. Все прежние, даже колебавшиеся союзники КПЮ выступили вместе с коммунистами в рамках НФЮ.

Приемлемость для широчайших масс платформы НФЮ и неспособность оппозиции выдвинуть какую-либо противостоящую позитивную программу заранее лишали буржуазию политической инициативы. КПЮ каждый раз ставила буржуазные контрреволюционные группировки, надеявшиеся использовать соглашения Тито — Шубашич в качестве «тройского коня» и отвоевать какие-то позиции у Народного фронта (Грол) или у коммунистов внутри самого НФЮ (Шубашич, лидер Народно-крестьянской партии Д. Йованович и др.), перед крайне тяжелым выбором: либо соглашаться с предлагаемой НФЮ программой, либо отвергнуть ее и тем самым открыто выступить против революционных изменений и самой концепции новой Югославии. Последнее угрожало буржуазии потерей влияния даже среди колеблющихся слоев. Это повлекло бы за собой неизбежный отход от соглашений Тито — Шубашич, базировавшихся на признании итогов войны, крах всей тактики «тройского коня» и в конечном

²⁶ Там же, стр. 555, 557—560.

²⁷ Это прекрасно сознавало руководство КПЮ и Народного фронта, идя на расширение буржуазного представительства в АВНОЮ. См. В. Р е т р а н о в и ć. Ibid., s. 142.

счете — потерю основы, на которой стала возможной сама легальная деятельность буржуазных группировок.

В итоге враждебные КПЮ и революционной программе Народного фронта буржуазные силы во Временной скупщине, как и в период июльского кризиса, в подавляющем большинстве не отважились открыто выступить против НФЮ и, голосуя вместе с ним, были в сущности вынуждены следовать за его общей линией. В роли оппозиции НФЮ выступила только группа Демократической партии во главе с Гролом (чуть больше 2,5% скупщины)²⁸. Но по тем же причинам, что и другие буржуазные группировки, оппозиция в ряде случаев вынуждена была соглашаться с линией НФЮ. Так было при голосовании по отчету о деятельности правительства²⁹ и во время принятия решения, отвергающего как противозаконное заявление короля об отзыве регентов и переходе власти в его руки³⁰. Аналогичным образом ей пришлось голосовать при рассмотрении законопроектов об аграрной реформе, ликвидации привилегий на горно-промышленные разработки и переходе всех рудных богатств в государственную собственность и т. п.³¹

В тех же случаях, когда оппозиция открыто противостояла во Временной скупщине предложениям НФЮ, — а это касалось практически всех законов, связанных со статусом Учредительной скупщины, выборами в нее и системой политических прав, — она стремилась создать впечатление, что выступает не против завоеваний революции, а лишь против «ущемления» демократии и прерогатив Учредительного собрания «политически нетерпимой» властью. Позиция группы Грола в скупщине была весьма обстоятельно рассмотрена Б. Петрановичем³². Вкратце она сводилась к следующему. Во-первых, оппозиция оспаривала полномочия созданных революцией народных комитетов, осуществлявших власть в стране, утверждая, что им нельзя доверить подготовку и проведение выборов в Учредительную скупщину³³. Во-вторых, она выступала против двухпалатной системы Учредительной скупщины, при которой в Скупщине народов были бы одинаково представлены все шесть федеральных частей ДФЮ, под предлогом того, что вопрос о федерации должно решить Учредительное собрание³⁴. В-третьих, оппозиция возражала против законов о преследовании реакционеров, коллаборационистов и врагов народной власти и стремилась выгородить четников Д. Михайловича, боровшихся, по ее словам, «на два фронта»³⁵.

При всей своей осторожности оппозиция не могла да и не собиралась отказаться от своей основной концепции, которую она упорно пыталась отстоять на всем протяжении действия соглашений Тито — Шубашич: все, что создано в Югославии освободительной войной — временно, судь-

²⁸ Даже группа старой Хорватской крестьянской партии (ХКП), включавшая Шутея, Т. Янчиковича, инж. Ф. Гажи и других весьма правых деятелей, готовых, очевидно, пойти вместе с Гролом, была связана позицией Шубашича, вновь не решившего выступить против НФЮ.

²⁹ См. «Треће заседање АВНОЈ...», стр. 109.

³⁰ См. там же, стр. 128—129; Заявление короля от 8 VIII 1945 г. см. King Peter II. Ibid., p. 280—281.

³¹ См. «Треће заседање АВНОЈ...», стр. 239—241, 247; «Rad zakonodavnih odbora...», s. 405—406.

³² См. В. Петрановић. Ibid., s. 145—161; его же. Gradanska opozicija u Privremenoj narodnoj skupštini protiv odluka Drugog zasedanja AVNOJ-a. — «Historijski pregled», 1963, br. 4.

³³ См. «Треће заседање АВНОЈ...», стр. 134—137, 182—185, 503—504; «Rad zakonodavnih odbora...», s. 329, 345.

³⁴ См. «Треће заседање АВНОЈ...», стр. 153—155; «Rad zakonodavnih odbora...», s. 283—284, 295—296.

³⁵ См. «Треће заседање АВНОЈ...», стр. 303—304; «Rad zakonodavnih odbora...», s. 278—279, 429—430, 485, 489.

бы страны еще только предстоит совершенно заново решить Учредительной скупщине. Отсюда и отказ признать уже существующую на деле федерацию и утверждение Грола, что народной власти еще нет — она только должна быть поставлена народом³⁶. Выступления оппозиции показали, что в действительности ее волнует вовсе не то, что комитеты, по ее словам, «не избраны демократическим путем», а что в них нет «пропорционально представленных» групп вне НФЮ³⁷, т. е. разделения власти.

Однако в соглашениях Тито — Шубашич ничего не говорилось ни о пересмотре итогов освободительной войны, ни о разделении власти. В них речь шла практически об участии известных буржуазных группировок в политической жизни страны, в объединенном правительстве и АВНОЮ. Причем и соглашения и программная декларация объединенного правительства исходили из признания происшедших в стране перемен: фактического федеративного устройства и всей новой структуры власти; они подтверждали необходимость борьбы против враждебных новой Югославии антидемократических сил. Решения II сессии АВНОЮ, закреплявшие все это, объявлялись основой деятельности Временного правительства. Категорически возражая оппозиции, представители революционного большинства в скупщине подчеркнули, что, хотя никто не связывает рук Учредительному собранию, строительство новой Югославии начинается отнюдь не с пустого места, ибо невозможно ставить под вопрос уже завоеванное освободительной борьбой — федерацию и народную власть, а решения II сессии АВНОЮ имеют конституционный характер³⁸. Таким образом, перечеркивая главные результаты освободительной войны, именно оппозиция стала на путь ревизии соглашений Тито — Шубашич.

Закончившаяся 26 августа сессия Временной народной скупщины решительно отвергла контрреволюционную линию буржуазной оппозиции. Принятые законы основывались на первоначальных проектах, предложенных НФЮ. Вопреки реставраторским попыткам Грола и его группы III сессия АВНОЮ и Временная скупщина закрепили в своих решениях политические завоевания революции, продолжив наступление на буржуазию в экономической области. Однако значение Временной скупщины в политической борьбе 1945 г. отнюдь не ограничивалось важностью принятых ею решений. Не меньшее, на наш взгляд, значение имело идейное поражение буржуазных противников НФЮ.

Из-за специфических условий, порожденных соглашениями Тито — Шубашич, и революционный лагерь и оппозиционные буржуазные группы, за исключением отдельных случаев, воздерживались обычно от того, чтобы борьба или разногласия между ними носили публичный характер. Во Временной скупщине впервые с момента образования объединенного правительства это столкновение произошло открыто. В результате все население страны получило возможность непосредственно оценить политическую линию и аргументацию каждой из сторон. Между тем в идейно-психологическом плане Временная скупщина выявила явное превосходство НФЮ. Во-первых, уже потому, что подавляющее большинство буржуазных представителей не только не смогло противопоставить что-либо его революционной линии, но, голосуя вместе с ним, публично поддержало эту линию. Во-вторых, выступившей открыто оппозиции не удалось попытка скрыть свою контрреволюционную платформу, изображая из себя

³⁶ «Треће заседање АВНОЈ...», стр. 353.

³⁷ Там же, стр. 503—504; «Rad zakonodavnih odbora...», s. 329, 345.

³⁸ Напр., заявления руководящих деятелей КПЮ вице-премьера Э. Карделя и вице-председателя скупщины М. Пьяде. «Треће заседање АВНОЈ...», стр. 157; «Rad zakonodavnih odbora...», s. 294.

лишь ревнителя демократии и соглашений Тито — Шубашич, нарушаемых и неправильно толкуемых, по ее словам, коммунистами и НФЮ. Открытое столкновение в скупщине противоположных позиций ясно показало, что концепция Грола исходит из полного игнорирования и непризнания основных итогов революции, в том числе и общедемократических, а следовательно вступает в противоречие с соглашениями Тито — Шубашич. Причем это было убедительно вскрыто не только в выступлениях представителей революционных сил, но и тем фактом, что большинство буржуазных представителей в скупщине голосовало вместе с НФЮ. Такой сокрушительный провал контрреволюционной буржуазии оказал значительное морально-психологическое воздействие на колеблющиеся мелкобуржуазные массы, включая и те, которые так или иначе оказывались под ее влиянием.

Моральное поражение оппозиции имело и большой внешнеполитический резонанс. Рассчитывая сколотить достаточно солидную оппозицию НФЮ, Грол надеялся подкрепить таким образом перед общественным мнением Запада свою версию, что очень большая, если не преобладающая, часть населения и политических группировок ДФЮ выступает против «коммунистического режима», и дать тем самым Англии и США дополнительные аргументы в их антиюгославских усилиях. Однако получилось наоборот. Результаты работы Временной скупщины окончательно дискредитировали югославскую оппозицию, сковывали правящие круги Запада и лишали их предлога для ее активной поддержки.

Исход политической борьбы во Временной скупщине означал крах всей политики «троянского коня», рассчитанной на то, чтобы с помощью соглашений Тито — Шубашич повернуть постепенно развитие страны вспять. Стало ясно, что эти надежды беспочвенны.

Было также совершенно очевидно, что, хотя во время выборов, назначенных на 11 ноября 1945 г., буржуазия сможет провести в Учредительную скупщину гораздо большее число своих представителей, чем это имело место во Временной скупщине, они тем не менее вновь окажутся в явном меньшинстве. Между тем правый лагерь сознавал, что после окончательного утверждения Учредительной скупщиной завоеваний народной революции и социалистической перспективы развития страны шансы на контрреволюционную реставрацию будут и вовсе сведены к нулю. С конца августа 1945 г. позиция Грола и его сторонников полностью смыкается с позицией наиболее реакционных кругов в стране и в эмиграции, с самого начала выступавших против соглашений Тито — Шубашич. Они предпринимают энергичные усилия, чтобы любым способом сорвать соглашения, помешать выборам и добиться открытого, по возможности вооруженного, вмешательства Запада. А активная поддержка в этот момент правительствами США и Англии контрреволюционной оппозиции в Болгарии и Румынии, особенно отсрочка по их настоянию выборов в Болгарии, поощряли югославскую реакцию в ее попытках добиться таких же уступок.

Первым шагом был выход Грола из правительства 20 августа. Однако он не дал результатов. Созыв и нормальная, предусмотренная соглашениями работа Временной скупщины, где оппозиция потерпела к тому же столь сокрушительное публичное поражение, лишали США и Англию возможности обвинить ДФЮ в невыполнении взятых обязательств. Тем более, что Шубашич вновь не решился открыто выступить против НФЮ и остался в правительстве, что вынудило остаться и Шутея.

Вслед за тем в конце августа на встрече с министром иностранных дел Англии Э. Бевином югославский король Петр предложил послать в Югославию специальную «союзническую комиссию» и «соответствующую во-

енную силу», чтобы под их контролем осуществить замену правительства маршала Тито «правительством из всех партий». Такое правительство должно было «пересмотреть» всю законодательную деятельность АВНОЮ и Временной скупщины, а также реорганизовать армию и органы безопасности, чтобы ликвидировать влияние коммунистов³⁹. Этот план контрреволюционного переворота при прямой поддержке извне был подхвачен всей югославской эмиграцией, выступившей на протяжении сентября с рядом аналогичных заявлений в адрес открывшейся 11 сентября в Лондоне сессии Совета министров иностранных дел (СМИД)⁴⁰.

В то же время правые силы в самой Югославии стремились помешать стабилизации в стране, вызвать там неустойчивость и создать тем самым условия для вмешательства Запада.

Через газеты «Демократия» (издававшуюся в Белграде Гролом) и «Народни глас» (выпускавшуюся в Загребе приверженцами правой ХКП во главе с М. Радич) и особенно нелегально они вели усиленную агитацию, направленную на подрыв народной власти. Предпринимались попытки активизировать контрреволюционные банды так называемых «крижаров», разбитых усташей, четников, балистов и других квислинговцев. Наряду с этим реакция направляет основную энергию на организацию публичных политических акций, чтобы сорвать выборы в Учредительную скупщину и дискредитировать ДФЮ. 20 сентября католический епископат выступил со специальным «Пастырским посланием», где обвинял народное государство в преследовании церкви и религии, арестах и убийствах священников и т. п.⁴¹. В тот же день предводительствуемая Гролом «объединенная оппозиция», по ее словам, состоящая из партий демократов, радикалов и земледельцев, заявила об отказе участвовать в предстоящих выборах⁴². Противники новой Югославии развернули среди населения энергичную агитацию за неучастие в выборах. Одновременно представитель группы Грола Д. Йоксимович предложил Президиуму Временной народной скупщины, продолжавшему осуществлять до выборов высшую законодательную власть, проекты ряда законов, прежде всего «закона о свободе от страха», создававшего впечатление что в стране царит атмосфера террора и запугивания⁴³. Наконец, 8 октября Шубашич и Шутей вышли из правительства, мотивируя это тем, что соглашения Тито — Шубашич не проведены в жизнь⁴⁴.

Вся эта шумная кампания эмиграции и буржуазных сил внутри страны, широко подхваченная западной прессой, вновь значительно осложнила внешнеполитическое положение ДФЮ. Еще накануне отставки Шубашича агентство Рейтер информировало о мнении английских официальных кругов, сводившемся к тому, что вопросы, связанные с югославским министром иностранных дел, прямо касаются британского правительства, поскольку речь идет о выполнении соглашений Тито — Шу-

³⁹ См. King Peter II. Ibid., p. 283—284.

⁴⁰ С подобными заявлениями выступили группа эмигрантских деятелей в Риме (М. Крек, Ж. Топалович, А. Прибичевич), лондонская группировка руководителей сербских партий во главе с бывшим эмигрантским премьером С. Йовановичем («The Times», 10 IX 1945; «The Manchester Guardian», 20 IX 1945). К этим действиям присоединился и лидер старой ХКП В. Мачек (В. Pet ran ovi ć. Političke i pravne prilike..., s. 193; In the struggle for freedom by Vladko Maček. New York, 1957, p. 266).

⁴¹ В. Pet ran ovi ć. Aktivnost rimokatoličkog klera protiv sređivanja prilika u Jugoslaviji (mart 1945 — septembar 1946). — «Istorija u XX veku. Zbornik radova, sv. V. Beograd, 1963, s. 297—298.

⁴² «Демократија», 27 IX 1945.

⁴³ «Законодавни рад Претседништва АВНОЈ...», стр. 942—945, 993—994; «Rad zakonodavnih odbora...», s. 697—700, 703—709.

⁴⁴ «Борба», 11 и 13 X 1945.

башич⁴⁵. А вслед за отставкой появились, со ссылкой на «осведомленные круги Вашингтона», сообщения, что США собираются потребовать от правительства маршала Тито «выполнения обязательств о проведении свободных выборов»⁴⁶.

Но опыт Потсдама заставил США и Англию еще до лондонской сессии СМВД отказаться от мысли поднять там «югославский вопрос», тем более что с созданием временного парламента и назначением выборов в Учредительную скупщину, Запад был лишен даже тех аргументов, которые были выдвинуты против ДФЮ на Потсдамской конференции. На закончившейся 2 октября лондонской сессии, где затрагивался вопрос о Юлийской Крайне и Триесте, СССР в противовес антиюгославским усилиям западных союзников вновь выступил в поддержку интересов ДФЮ⁴⁷. В такой обстановке Запад, правящие круги которого, по свидетельству той же «Нью Йорк таймс», не могли не считаться с рискованностью односторонних действий⁴⁸, был принужден и после отставки Шубашича отказаться от прямого вмешательства.

Наряду с позицией СССР большую роль сыграли также решительная позиция ДФЮ, категорически отвергшей всякие попытки вмешательства⁴⁹, а также развитие событий в самой Югославии. Уже с самого начала избирательная кампания НФЮ стала веским опровержением утверждений его противников, что страна отвергает предстоящие выборы. Одновременно в выборах в местные органы власти, прошедших в ряде областей в сентябре-октябре 1945 г., активно участвовало население не только Черногории, Герцеговины, Лики, некоторых районов Боснии и Хорватского Приморья (в среднем свыше 90% избирателей⁵⁰), где НФЮ всегда имел сильные позиции, но и, например, столицы Хорватии Загреб, который реакция считала одним из своих оплотов и где на выборах в городскую народную скупщину и районные народные комитеты 14 октября в голосовании участвовало 85,46% избирателей⁵¹. Что же касается утверждения буржуазных лидеров в стране и в эмиграции о массовом лишении югославских граждан избирательных прав⁵², то они были опровергнуты 11 октября сообщением Союзной избирательной комиссии об исключении из списков избирателей всего 3,06% граждан⁵³. После рассмотрения ряда апелляций эта цифра составила всего 2,3%⁵⁴.

Очень важным для подрыва усилий реакции было принятие 26 октября закона о так называемой «урне без списка»⁵⁵.

⁴⁵ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ЦГАОР), ф. 4459 (фонд ТАСС), оп. 1, ед. хр. 4862, л. 60.

⁴⁶ Об этом сообщали, например, Рейтер (ЦГАОР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 4862, л. 289), а также «The New York Times», 16 X 1945.

⁴⁷ J. J e r i. Tržaško vprašanje po drugi svetovni vojni. Ljubljana, 1961, s. 137, а также «Внешняя политика Советского Союза. 1945 год». Документы и материалы. Госполитиздат, 1949, стр. 64.

⁴⁸ «The New York Times», 16 X 1945.

⁴⁹ См., напр., выступление Тито по радио 12 сентября J. B p o з T и т o. Говори и чланци. Къ. II, Загреб, 1959, стр. 37.

⁵⁰ «Борба», 23, 27, 29 IX; 7, 8, 9, 11, 13 X 1945.

⁵¹ «Vjesnik», 17 X 1945.

⁵² По утверждению Матеча, права голоса лишались 60% избирателей, См. B. Petranović. Političke i pravne prilike..., s. 193.

⁵³ «Борба», 11 X 1945.

⁵⁴ «Политика», 10 XI 1945.

⁵⁵ Отказ оппозиции выдвинуть кандидатов искусственно создал положение, при котором избиратель мог опустить свой шар только в урну НФЮ (для каждого кандидата выделялась урна для голосования, устроенная так, что нельзя было со стороны заметить, в какую из них брошен шар). В конгрессо-революционном лагере стала вынашиваться идея объявления выборов недействительными под предлогом, что противники НФЮ были вынуждены из страха перед репрессиями явиться на избирательные участки и

Неблагоприятный эффект, вызванный первоначально за границей «Пастырским посланием», был также в значительной мере ликвидирован благодаря развернутой НФЮ широкой кампании по разъяснению действительного положения католической церкви и причин ее столкновения с органами народной власти⁵⁶, а особенно после ареста в октябре 1945 г. ряда скрывавшихся усташских преступников, руководителей крижарских банд и сотрудничавших с ними представителей духовенства, когда были разоблачены связи католической верхушки с усташами и «крижарским» подпольем⁵⁷.

Кроме того, буржуазии так и не удалось в какой-либо мере нарушить стабильность в стране и прежде всего в самом НФЮ. Основная причина устойчивости фронта заключалась в том, что конкретная программа НФЮ, отвечая устремлениям большинства народа, оказалась к тому же единственной программой развития новой Югославии. Платформа оппозиции, которая не выдвинула никакой альтернативы, свелась лишь к голому отрицанию этой программы, и тем самым к выступлению против новой Югославии⁵⁸. Поэтому колебавшиеся, не разделявшие социалистического выбора, но демократически настроенные массы, политические группы и лидеры предпочли по-прежнему идти с НФЮ. Элементы же, вступившие в НФЮ из спекулятивных соображений, опасались, что их политическое будущее в случае разрыва с НФЮ может оказаться весьма сомнительным, о чем открыто предупреждала КПЮ⁵⁹.

Большую роль играло и то, что в своей обструкционистской политике оппозиция выступала вместе с эмиграцией, открыто добивавшейся иностранного контроля и посылки в Югославию иностранных войск, что своими действиями накануне и во время лондонской сессии СМИД оппозиция и эмиграция в значительной мере препятствовали благоприятному решению вопроса о Юлийской Крайне и Триесте. Поэтому даже те патристические элементы, которые не соглашались с социальной стороной программы НФЮ, были готовы, как и во время войны, поддержать Народный фронт — защитника национальных интересов Югославии.

Кроме того, отказ оппозиции, выражавшей прежде всего интересы великосербской буржуазии, признать сложившуюся в годы войны федеративную структуру, серьезно подрывал ее возможности за пределами Сербии. В то же время рядом мер, предпринятых во второй половине 1945 г., в национальных районах были в значительной степени ослаблены позиции буржуазных националистов. Прежде всего это касалось Косова и Метохии, где после проведенной в пользу местного населения ревизии аграрных мероприятий довоенных режимов⁶⁰, а также исправления допущенных там коммунистами ошибок во

стало быть голосовать за него. Теперь же можно было в полной тайне голосовать, пользуясь «урной без списка».

⁵⁶ Со специальными заявлениями выступили, в частности, маршал Тито, хорватский премьер В. Бакарич и премьер Словении Б. Кидрич. См. *Журнал Тито*. Там же, стр. 87—91; «*Vjesnik*», 6 X 1945; В. К и д р и ч. *Zbrano delo*. Knj. II. Ljubljana, 1959, s. 419—428.

⁵⁷ См. «*Dokumenti o protunarodnom radu i zločinima jednog dijela katoličkog klera*». Zagreb, 1946, а также В. Р е т г а н о в и ч. *Aktivnost rimokatoličkog klera...*

⁵⁸ Этот тезис неизменно проводился в выступлениях руководителей КПЮ осенью 1945 г. См., напр. *Журнал Тито*. Там же, стр. 32—35, 48—49, 98—101; Е. К а р д е л ь. *Пут нове Југославије. 1941—1945*. Београд — Загреб, 1946, стр. 535—536, 539; М. П и ј а д е. *Изабрани говори и чланци 1941—1947*. Београд, 1948, стр. 326—328; В. К и д р и ч. *Ibid.*, s. 396—397, 434—440; А. Р а н к о в и ч. *Izabrani govori i članci, 1941—1951*. Београд, 1951, s. 56—57, 67—68, 85; М. Ђ и л а с. *Чланци. 1941—1946*. Београд, 1947, стр. 235, 241—243.

⁵⁹ См., напр., *Журнал Тито*. Там же, стр. 37.

⁶⁰ Закон об этом, распространявшийся и на Македонию, был принят 3 VIII 1945 г.

взаимоотношениях албанцев и сербов⁶¹ влияние НФЮ резко возросло. Если весной 1945 г. положение здесь вызывало большую озабоченность руководства НФЮ, то на выборах в Учредительную скупщину в голосовании участвовало свыше 97% избирателей, из которых около 96% отдали свои голоса кандидатам Народного фронта⁶².

Аграрная реформа и другие аграрные мероприятия еще больше укрепили осенью 1945 г. позиции НФЮ в деревне, в том числе, там, где его влияние среди крестьян было слабее, например, в Северной Хорватии. Здесь удалось привлечь значительную часть тех крестьян, которые все еще следовали за Мачеком и католической церковью. Этому способствовали как открытое выступление католической церкви против аграрной реформы, так и разоблачение ее прямых связей с «крижарами» и усташской эмиграцией. В результате этих и других факторов на выборах в Учредительную скупщину в Хорватии в голосовании участвовало почти 92% избирателей, а НФЮ получил около 90% поданных голосов⁶³.

Наконец, в пользу народной власти действовала проводившаяся ею экономическая политика. Были достигнуты существенные успехи в восстановлении разрушенной экономики и снабжении населения⁶⁴. При этом это происходило в условиях широкой экспроприации буржуазии. К концу первого года после освобождения в руках народно-демократического государства сосредоточилось фактически уже 82% промышленности, преобладающая часть финансовой системы и оптовой торговли⁶⁵.

Все эти обстоятельства еще больше укрепляли авторитет НФЮ и были серьезным фактором сдерживания колеблющихся и враждебных революционной линии элементов. Даже Д. Йованович — лидер Народно-крестьянской партии (НКП), предлагавший осенью 1945 г. одному из руководителей ХКП А. Кошутичу создать «крестьянский блок» или единую крестьянскую партию⁶⁶, не решился открыто повать с НФЮ и даже осудил оппозицию на пресс-конференции с иностранными журналистами⁶⁷.

Такая позиция Йовановича, известного своим достаточно враждебным отношением к КПЮ и прозападными симпатиями, а также поведение других фронтовых партий и групп, призвавших голосовать за НФЮ и осудивших оппозицию⁶⁸, укрепляли не только внутреннее влияние фронта, но и международное положение ДФЮ, подрывая обвинения оппозиции и эмиграции.

Одновременно полностью провалились попытки буржуазии вызвать сколько-нибудь значительные выступления против народно-демократи-

⁶¹ Критике этих ошибок было уделено много внимания на состоявшемся в мае 1945 г. I съезде КП Сербии. См. А. Р а н к о в и ć. Ibid., s. 46—47.

⁶² Данные о результатах выборов 11 XI 1945 г. см. «Службени лист Демократске Федеративне Југославије», 1945, бр. 92.

⁶³ По оценке корреспондента ТАСС В. А. Морозова, беседовавшего с рядом руководящих работников компартии, результаты выборов в Хорватии превзошли даже ожидания партии и НФЮ. ЦГАОР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 4865, л. 190, 191.

⁶⁴ С мая по август 1945 г. продукция текстильной промышленности возросла на 157,4%, а промышленности продовольственных товаров — на 68,2%. В. Б е г о в и ć. Развој индустриј Југославије и њена улога у нашој привреди.— «Тридесет дана», 1945, бр. 1, стр. 100.

⁶⁵ V конгрес Комунистичке партије Југославије. 21—28 јула 1948. Стенографске белешке. Београд, 1949, стр. 594, 608; «Уставотворни одбори Савезне скупштине и Скупштине народа». Стенографске белешке. 10 децембар 1945—4 јануар 1946. Београд, стр. 189, 190.

⁶⁶ См. В. Р е т р а н о в и ć. Политичке и правне prilike..., s. 214.

⁶⁷ «Борба», 29 IX 1945.

⁶⁸ Вошедшая в НФЮ часть Демократической партии и Союз земледельцев вообще отвергли право оппозиции выступать от имени демократов и земледельцев. «Борба», 24 IX 1945; «Политика», 28 и 29 IX 1945.

ческого строя, что поддержало бы ее тезис, будто страна раздирается кровавыми конфликтами и находится на пороге гражданской войны⁶⁹. Конечно, ожесточенная кампания, поднятая контрреволюцией осенью 1945 г., привела к частичному усилению влияния буржуазии в некоторых слоях населения. Видимо, здесь была одна из причин того, что в Словении результаты выборов в Учредительную скупщину оказались хуже, чем в народные комитеты в июле — августе⁷⁰ и нежели предполагало руководство НФЮ⁷¹. Однако в обстановке не только явного преобладания, но и в общем значительного усиления позиций НФЮ относительный рост влияния его противников в отдельных районах среди определенных слоев населения не создавал реальной угрозы нарушения стабильности в стране. Наоборот, опираясь на свое еще более укрепившееся положение, органы народной власти нанесли новый удар контрреволюционному подполью. В течение второй половины 1945 г. вдвое упала численность вооруженных банд, насчитывавших к концу года уже только 5700 человек⁷².

Бессилие буржуазии изменить положение в стране было продемонстрировано на состоявшихся 11 ноября 1945 г. выборах в Учредительную скупщину. Вопреки ее стремлению организовать сколько-нибудь значительной бойкот выборов, в них участвовало свыше 88% избирателей. НФЮ получил подавляющее большинство поданных голосов — 90,48% в Союзную скупщину и 88,69% в Скупщину народов. Выборы показали серьезное усиление позиций НФЮ и там, где буржуазия пользовалась до этого значительным влиянием. Помимо Хорватии и Космета это сказалось даже в собственно Сербии, где влияние оппозиции было наибольшим. Хотя здесь в выборах участвовало лишь около 77% избирателей, а общее число бойкотировавших выборы и голосовавших против НФЮ достигло почти 1/3, за Народным фронтом было прочное большинство⁷³. Закрепив господствующее положение фронта, выборы показали также преобладающее влияние в нем КПЮ, получившей намного больше голосов и больше депутатских мест, чем все другие группировки НФЮ⁷⁴. Многие видные деятели партии (И. Броз Тито, В. Бакарнич, М. Белинич, Й. Веселинов, С. Вукманович, С. Жуйович, Дж. Пуцар, М. Пьяде, А. Ранкович, А. Хебранг и др.) и ряд демократических руководителей НФЮ, известных тесным сотрудничеством с коммунистами (И. Рибар, З. Сремец, Ф. Гажи и др.), получили по несколько мандатов. Между тем представители правой группировки руководства НКП во главе с Д. Йовановичем, агитация которых носила далеко не лояльный характер в отношении КПЮ⁷⁵, потерпели в своем большинстве сокрушительное поражение⁷⁶.

⁶⁹ См. заявления короля Петра (King Peter II. Ibid., p. 283) и Мачека (ЦГАОР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 4862, л. 285).

⁷⁰ Процент участия в голосовании был почти одинаков — больше 95%, но летом за НФЮ было подано 95% голосов (см. В. Кидрич. Ibid., s. 409), а 11 XI — около 83%, причем в двух избирательных районах НФЮ получил даже меньшинство.

⁷¹ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 4865, л. 190.

⁷² См. А. Ранкович. Ibid., s. 268—269.

⁷³ Оно превосходило даже прогнозы руководства НФЮ. См. ЦГАОР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 4865, л. 191.

⁷⁴ Так как НФЮ выступал с общим списком без деления по партиям, трудно точно определить это соотношение. По некоторым данным, даже в собственно Сербии коммунисты получили свыше 60% голосов, собранных там НФЮ. См. ЦГАОР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 4865, л. 194.

⁷⁵ См. ЦГАОР, ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 4865, л. 193.

⁷⁶ Сам Йованович, баллотировавшийся в четырех местах, был избран лишь в одном, где руководство НФЮ решило не выдвигать других кандидатов, и дало директиву поддерживать его кандидатуру. Там же; «Narodna skupština FNRJ. Prvo redovno zasedanje Saveznog veća i Veća naroda». Stenografske beleške. 15 maj — 20 jul 1946. Beograd, s. 667.

На выборах 11 ноября 1945 г. 4/5 всех избирателей проголосовало за развитие Югославии на революционных, демократических и, по сути, социалистических основах, сформулированных программой НФЮ. Закрепляя этот выбор, Учредительная скупщина, собравшаяся 29 ноября, единогласно приняла декларацию о ликвидации монархии и провозглашении Югославии Федеративной Народной Республикой (ФНРЮ)⁷⁷.

Этот акт, закрепивший итоги революции и реально существующее уже положение вещей, полностью ликвидировал до известной степени юридически двойственное положение новой Югославии, сложившееся в результате соглашений Тито — Шубашич. Он окончательно лишил западные державы всяких формальных поводов для вмешательства. Правда, США и Англия пытались еще в течение некоторого времени оттянуть признание ФНРЮ. Однако, имея в виду позицию СССР на декабрьском совещании министров иностранных дел «большой тройки» в Москве, в рамках достигнутой там общей договоренности по ряду проблем США и Англия 22 декабря согласились порвать с королем Петром и признать ФНРЮ⁷⁸.

Вслед за декларацией о провозглашении республики и подтверждением всех актов новой Югославии, начиная со II сессии АВНОЮ⁷⁹, Учредительная скупщина приступила к обсуждению конституции, которая была единогласно утверждена 31 января 1946 г.⁸⁰

Эта конституция⁸¹ отразила кардинальные общественно-политические и экономические перемены, происшедшие в ходе четырехлетней освободительной войны и народной революции.

Подводя итог революционным изменениям югославского общества, она создавала основу для развития народно-демократической Югославии по пути строительства социализма.

⁷⁷ «Zasedanje Ustavotvorne skupštine. 29 novembar 1945—1 februar 1946 godine». Stenografske beleške. Beograd, s. 48, 74, 78. Текст декларации: Ibid., s. 75—77.

⁷⁸ См. В. И. Лан. США в военные и послевоенные годы (1940—1960). М., 1964, стр. 183.

⁷⁹ «Zasedanje Ustavotvorne skupštine...», s. 89—90, 105.

⁸⁰ Ibid., s. 502, 507, 851, 854, 858.

⁸¹ См. ее текст «Службени лист ФНРЈ», 1946, бр. 10.

В. В. ЧИСТЯКОВ

БОРЬБА РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ ПРОТИВ МИЛИТАРИЗМА И ВОЕННОЙ ОПАСНОСТИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Выдающийся деятель польского, германского и международного рабочего движения Роза Люксембург родилась 5 марта 1871 г. в Царстве Польском. В 1888 г. она вступила в Варшаве в социалистическую партию «Пролетариат» (так называемый второй «Пролетариат») и начала участвовать в нелегальной революционной работе.

В 1893 г. вместе с Ю. Мархлевским, Я. Тышкой и А. Варским Р. Люксембург основала социал-демократическую партию Польши, которую впоследствии В. И. Ленин назвал действительно марксистской, действительно пролетарской партией в Польше¹.

Роза Люксембург приняла участие в разработке и обосновании ее программы. Ведя беспощадную борьбу против национализма ППС, она защищала идеи пролетарского интернационализма и доказывала необходимость тесного братского союза между польским и российским рабочим движением². Однако, борясь против мелкобуржуазного национализма ППС, Р. Люксембург недооценивала значение национального вопроса в Польше, а несколько позже выступила против пункта о праве наций на самоопределение в программе РСДРП. Отмечая крупные заслуги Р. Люксембург перед рабочим движением, В. И. Ленин подверг глубокой критике ее серьезные ошибки по национальному вопросу³.

В 1898 г. Р. Люксембург, оставаясь одним из руководителей СДКПиЛ, начала свою деятельность в германской социал-демократической партии. В качестве делегата польской социал-демократии она участвовала в Лондонском (1896 г.), Штутгартском (1907 г.) и Копенгагенском (1910 г.) конгрессах II Интернационала. С 1904 по 1914 г. она была представителем СДКПиЛ в Международном социалистическом бюро. Р. Люксембург вела многогранную теоретическую и практическую работу. Мы остановимся здесь лишь на одном аспекте ее деятельности — на борьбе против милитаризма и агрессивной внешней политики Германии и других великих держав.

В СССР и ГДР имеется ряд работ, посвященных этому вопросу. Все они касаются борьбы Р. Люксембург против милитаризма во время пер-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 294.

² См. ее статьи 90-х годов XIX в. в кн. «R ó z a L u x e m b u r g. Wybór pism. T. I. Warszawa, 1959.

³ См. статьи В. И. Ленина «Критические заметки по национальному вопросу». — Полн. собр. соч., т. 24; «О праве наций на самоопределение». — Там же, т. 25; «О брошюре Юниуса». — Там же, т. 30; и др.

вой мировой войны и незадолго до нее ⁴. В данной статье мы остановимся на более раннем периоде этой деятельности Р. Люксембург (до 1907 г. включительно).

Первой работой Р. Люксембург, специально посвященной раскрытию реакционной сущности милитаризма, была ее статья «Милиция и милитаризм», опубликованная в газете «Лейпцигер Фольксцейтунг» в феврале 1899 г. В этой статье она подвергла глубокой критике взгляды Макса Шиппеля, который выступил в печати против требования Эрфуртской программы о замене постоянной армии милицией, т. е. всеобщим вооружением народа. Шиппель мотивировал свое предложение тем, что расходы на вооружение якобы служат укреплению экономики буржуазного государства. Полемизируя с Шиппелем, Р. Люксембург подчеркнула, что, хотя содержание постоянной армии действительно способствует сокращению резервной армии труда, но вместе с тем крупные расходы государства влекут за собой рост налогов и снижение реальной заработной платы, а сама армия используется буржуазным государством для подавления рабочего движения и в качестве надежного орудия политической реакции внутри страны ⁵. «Милитаризм, — отмечала Р. Люксембург, — представляющий для общества в целом с экономической точки зрения бессмысленную растрату огромных производительных сил, ведущий к снижению жизненного уровня рабочего класса в целях его же социального порабощения, в то же время для к л а с с а к а п и т а л и с т о в в экономическом отношении является самым лучшим, незаменимым способом помещения капитала, а в социальном и политическом отношениях представляет собой лучшую опору господства этого класса». Р. Люксембург охарактеризовала взгляды Шиппеля как яркое проявление оппортунистической политики, один из признаков которой состоит в том, что «конечные цели движения, освобождение рабочего класса, приносятся в жертву его ближайшим и притом мнимым целям» ⁶.

В статье отмечалось, что в милитаризме концентрируется сила и власть капиталистического государства и класса буржуазии, и поскольку «социал-демократия является единственной партией, ведущей против этого государства п р и н ц и п а л ь н у ю борьбу, то принципиальная борьба против милитаризма неотделима от сущности социал-демократии. Отказ от борьбы с милитаристской системой означает отказ от борьбы с современным общественным строем вообще» ⁷.

Р. Люксембург предложила, чтобы партийная печать заняла ясную позицию в вопросе о милитаризме, чтобы выступление Шиппеля было рассмотрено и подвергнуто критике на партийных собраниях, а социал-демократическая фракция рейхстага публично осудила его взгляды. Она предложила также обсудить выступление Шиппеля на ближайшем партийном съезде ⁸. Полемизируя с Шиппелем на Ганноверском партейтаге (октябрь 1899 г.), Р. Люксембург подчеркнула, что если партия откажется от борьбы с милитаризмом, то она вообще перестанет быть социалисти-

⁴ Б. А. Айзин. Роза Люксембург — борец против германского милитаризма и империализма (1913—1914). В сб. «Европа в новое и новейшее время», М., 1966; Р. Я. Евзеров. Роза Люксембург — против германского милитаризма накануне первой мировой войны. — «Новая и новейшая история», 1966, № 2; W. Bartel. Die Linken in der deutschen Sozialdemokratie im Kampf gegen Militarismus und Krieg. Berlin, 1958; K. Stenkewitz. Gegen Bajonett und Dividende, Berlin, 1960; H. Wohlge m u t h. Burgkrieg, nicht Burgfriede. Berlin, 1963.

⁵ R o s a L u x e m b u r g. Ausgewählte Reden und Schriften. Bd. II, Berlin, 1951, S. 39—40.

⁶ Ibid., S. 41—42.

⁷ Ibid., S. 46—47.

⁸ Ibid., S. 48—50.

ческой партией и ее борьба против капитализма превратится в пустую фразу. Она напомнила также, что в защиту милитаризма выступают и такие видные деятели партии, как И. Ауэр, Г. Фольмар, В. Гейне. Отметив, что в выступлениях всех этих лиц проявляется оппортунизм в самой яркой форме и что ей непонятно, как эти люди могут быть настолько нелогичными, чтобы, считая милитаризм необходимым в техническом отношении и полезным в экономическом отношении, голосовать против военных расходов, Р. Люксембург сказала: «Правда, сейчас они еще отклоняют военные расходы, но если их взгляды получат распространение, то в конечном счете они будут голосовать за эти кредиты»⁹. Это ее предсказание оказалось пророческим.

На Майнцском партийном собрании (сентябрь 1900 г.), на котором обсуждался вопрос о «мировой политике» в связи с подавлением империалистическими державами народного восстания в Китае, Р. Люксембург выступала два раза. В речи по вопросу о деятельности правления СДПГ она отметила, что одного лишь разоблачения политики Германии в Китае социал-демократической печатью явно недостаточно. «Центр тяжести агитационной работы в данном случае должен находиться не в печатной пропаганде, оказывающей влияние на небольшую часть населения, а в устной агитации, проникающей в широкие слои населения, стоящие еще далеко от нашего движения»¹⁰. Поэтому, по мнению Р. Люксембург, серьезный недостаток в работе партии заключался в том, что она не организовала в этот период собраний протеста против интервенции великих держав в Китае¹¹.

Выступая по другому вопросу, она снова подвергла правление партии резкой критике за то, что оно не организовало устной агитации в массах против интервенции германских войск в Китае. Она говорила: «Война в Китае является первым событием эры „мировой политики“, причем в эту войну втянуты все культурные государства, и на это первое выступление международной реакции, нового „Священного союза“, нужно было бы сразу ответить объединенным движением протеста рабочих партий Европы»¹². По мнению Р. Люксембург, социал-демократические партии должны были привести в движение народные массы во всех европейских странах. Она отметила, что СДПГ как самая влиятельная партия II Интернационала несет ответственность и за то, что такие выступления не были организованы в других странах.

В конце сентября 1900 г. в Париже заседал V конгресс II Интернационала. Один из пунктов его повестки дня был сформулирован «Мир между народами, милитаризм и постоянная армия». Комиссия, разрабатывавшая резолюцию по этому вопросу, поручила Р. Люксембург сделать доклад на пленарном заседании. В этом докладе она подчеркнула необходимость поисков новых форм борьбы против военной опасности, соответствующих эпохе «мировой политики».

В этом докладе Р. Люксембург развивала мысль, высказанную еще на Майнцском партийном собрании, что социал-демократические партии должны организовать в международном масштабе движение протеста против агрессивной политики империалистических государств. Она говорила: «Повсюду получили развитие милитаризм, маринизм, погоня за колониями, реакция во всех областях и, прежде всего, возникла постоянная опасность мировой войны или, по крайней мере, постоянная напряженность в отношениях между всеми цивилизованными государствами, играющими важ-

⁹ Ibid., S. 88—89.

¹⁰ «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitag der SPD. Abgehalten zu Mainz». Berlin, 1900, S. 116.

¹¹ Ibid., S. 117.

¹² Ibid., S. 165.

ную роль в мировой политике. Благодаря этому появилась новая основа для единых политических действий. Альянсу империалистической реакции рабочих класс должен противопоставить международное движение протеста»¹³.

В докладе Р. Люксембург была показана связь между борьбой рабочего класса против военной опасности в международном масштабе и подготовкой пролетарской революции, которая, как считали тогда все марксисты, победит более или менее одновременно в развитых капиталистических странах. Она заявила: «Международное сотрудничество рабочих партий является теперь настоятельно необходимым и не только с точки зрения повседневной борьбы против милитаризма, но также и в связи с нашей социалистической конечной целью. Становится все более вероятным, что к р а х к а п и т а л и с т и ч е с к о г о с т р о я произойдет в результате не экономического, а политического кризиса, вызванного „мировой политикой“. Возможно, господство капиталистического строя продлится еще долго. Но рано или поздно его час пробьет, и для того, чтобы мы были способны сыграть в решающий момент великую роль, пролетариату всех стран необходимо готовиться к этому моменту при помощи постоянных действий международного масштаба»¹⁴.

Р. Люксембург предложила конгрессу обратиться к рабочему классу со следующим лозунгом: «Пролетарии всех стран, в ожидании совместной решающей борьбы против капиталистического строя, объединяйтесь на совместную повседневную борьбу против милитаристской реакции, против „мировой политики“»¹⁵.

В резолюции, единогласно принятой конгрессом по докладу Р. Люксембург, отмечалось, что милитаризм представляет собой серьезную угрозу для политических завоеваний пролетариата и для нормального развития общества вообще, что политика экспансии и ограбления колоний может привести к превращению войны в постоянное явление, экономические, политические и моральные тяготы которого легли бы исключительно на плечи пролетариата. Резолюция призвала социалистические партии вести борьбу против милитаризма с удвоенной энергией и «на создание альянса буржуазии и правительств в целях увековечения войны ответить созданием альянса пролетариев всех стран в целях увековечения мира»¹⁶. Конгресс рекомендовал перейти от более или менее платонических проявлений международной пролетарской солидарности к энергичным международным действиям, к совместной борьбе против милитаризма и «мировой политики». В резолюции были указаны следующие практические меры этой борьбы: 1) Воспитание и организация молодежи социалистическими партиями для борьбы против милитаризма и колониальной политики. 2) Голосование депутатов парламента — социалистов против всех военных расходов и против расходов на колониальные экспедиции. 3) Создание постоянной международной социалистической комиссии, которой будет поручено в случае международных кризисов призвать к организации единовременного движения протеста во всех странах, проводимого по единому плану¹⁷.

О второй из этих мер борьбы рабочего класса против военной опасности говорилось уже в решениях Цюрихского конгресса 1893 г. Но первая и третья меры были впервые включены в резолюцию конгресса. Нез-

¹³ «Internationaler Sozialisten — Kongress zu Paris 1900». Berlin, 1900, S. 27.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid., S. 28.

¹⁷ Ibid., S. 28. Эта комиссия, избранная Парижским конгрессом, получила название «Международное социалистическое бюро».

вестно, кто внес предложение о воспитании и организации молодежи в антимилицаристском духе. Но, несомненно, предложение об организации движения протеста в международном масштабе исходило от Р. Люксембург, так как она высказала эту мысль еще до конгресса в речи на Майнцском партийтаге 1900 г.

В 1901 г. на страницах теоретического органа СДПГ «*Нейе Цейт*» были опубликованы две статьи Р. Люксембург, содержавшие резкую критику взглядов баденских социал-демократов — депутатов ландтага, голосовавших за бюджет.

В феврале 1904 г. Люксембург опубликовала несколько статей о русско-японской войне¹⁸, в которых показала, что эта война вызвана столкновением империалистических интересов России и Японии на Дальнем Востоке, а трудящиеся обеих стран убивают друг друга ради благополучия царя и японских капиталистов. Она подчеркнула, что «в современную эпоху „мировой политики“ любая война между двумя державами несет в себе угрозу превращения в вооруженное столкновение противоречащих друг другу интересов всех стран, во всеобщую кровавую бойню»; тем самым русско-японская война «представляет опасность для всего международного пролетариата, жизненные интересы которого требуют прекращения войны и установления международной пролетарской солидарности»¹⁹.

Р. Люксембург разоблачала германский милитаризм не только в печати, но и в своих выступлениях на массовых собраниях. Живя в Германии, она уделяла много внимания агитации среди польских рабочих, проживавших на западных польских землях. Она часто совершала поездки по городам Верхней Силезии и Познаньщины, редактировала популярный еженедельник для польского населения этих земель «*Gazeta Ludowa*». В своих выступлениях на митингах и в печати Р. Люксембург решительно осуждала германизаторскую политику кайзеровского правительства и в то же время выступала против польского национализма²⁰, раскрывала опасность для народных масс милитаризации Германии и агрессивного курса ее внешней политики²¹.

В работах 1905—1907 гг. Р. Люксембург стремилась связать проблемы рабочего движения, в том числе и борьбу против милитаризма, с опытом русской революции. В этом отношении характерна ее статья «Беспримерная провокация» (ноябрь 1905 г.), посвященная законопроекту о новом увеличении ассигнований на строительство военного флота, обсуждавшемуся в это время в рейхстаге. Р. Люксембург убедительно показала опасность гонки вооружений, принявшей в начале XX в. огромные масштабы. Она определила эту гонку как «преступную игру судьбами миллионов людей»²². Обращаясь к опыту революции 1905 г., она отметила, что законопроект об увеличении флота обсуждается как раз в тот момент, когда русская революция еще раз показала немецкому народу, что «господствующие классы используют милитаризм и маринизм всегда и всюду преж-

¹⁸ «Wojna». — «Czerwony Sztandar», 1904, № 14; «Przed wybuchem wojny». — «Gazeta Ludowa», 1904, № 12; «Pokój i wojna». — «Gazeta Ludowa», 1904, № 14.

¹⁹ «Wojna». — «Czerwony Sztandar», 1904, № 14.

²⁰ См.: А. Я. Манусевич. Роза Люксембург и польско-германское революционное сотрудничество. В сб. «Славяно-германские исследования», М., 1963.

²¹ В Центральном партакхиве ИМЛ сохранилось письмо Р. Люксембург, в котором говорится о ее предстоящем выступлении в городе Бреслау (ныне Вроцлав): «Хотя у меня, действительно, голова идет кругом от работы и собраний, но я хочу приехать в Бреслау, так как всегда выступаю там очень охотно и хорошо себя чувствую. Темой выступления, конечно, является „Милитаризация и рабочий класс“». ЦПА ИМЛ, ф. 209, оп. 1, д. 405, л. 1.

²² Rosa Luxemburg. *Ausgew. Reden und Schriften*, Bd. II, S. 249.

де всего не против внешнего, а против внутреннего врага, не как оборонительный вал „отечества“, а как оплот классового и династического господства»²³.

Она выражала надежду, что законопроект об увеличении флота будет способствовать повороту германского пролетариата от парламентских действий к массовым формам борьбы.

Р. Люксембург обвинила правящие классы Германии в политической слепоте, в неумении извлекать уроки из действительности. Имея в виду восстания в русской армии и флоте в 1905 г., она писала: русская революция ясно показала, что «в те великие исторические моменты, когда чаша народного терпения бывает переполнена и, по выражению Гегеля, „количество переходит в качество“ происходит резкое изменение внутренне-противоречивого характера вооруженных сил: солдат и матрос из вымуштрованного инструмента реакции превращается в свобододолюбивого гражданина и верного сына народа»²⁴.

Р. Люксембург принимала и непосредственное участие в русской революции. В конце декабря 1905 г. она нелегально приехала в Варшаву. Вместе с Я. Тышко, Ю. Мархлевским, Ф. Дзержинским и Я. Ганецким она принимала активное участие в работе Главного правления СДКПиЛ и редакции газеты «Czerwony Sztandar».

В начале марта 1906 г. она была арестована. Однако через некоторое время руководство партии добилось ее освобождения под залог²⁵. После освобождения из тюрьмы Р. Люксембург поселилась в дачном поселке Куоккала около Петербурга. В это время (лето 1906 г.) в Петербурге и Куоккале она встречалась с В. И. Лениным и другими видными большевиками и обсуждала с ними проблемы российского и международного рабочего движения²⁶.

В годы первой русской революции ясно проявилось влияние ленинских идей на взгляды Р. Люксембург по вопросам стратегии и тактики рабочего движения. В. И. Ленин отмечал, что большевикам удалось в 1905—1907 гг. идейно завоевать Р. Люксембург²⁷. Весной 1907 г. Р. Люксембург участвовала в работе V съезда РСДРП. Здесь она выступила от имени СДКПиЛ с докладом об отношении к непролетарским партиям, в котором подвергла резкой критике взгляды меньшевиков и выразила согласие с большевиками по важнейшим стратегическим проблемам русской революции²⁸. Особенно наглядно это сближение взглядов Р. Люксембург со взглядами большевиков проявилось на Штутгартском конгрессе II Интернационала (август 1907 г.). В работе этого конгресса активную роль играли представители большевиков во главе с В. И. Лениным²⁹.

В состав российской делегации на Штутгартском конгрессе входили социал-демократы (большевики и меньшевики) и эсеры. От большевиков в работе конгресса участвовали В. И. Ленин, А. В. Луначарский, М. М. Литвинов, И. П. Гольденберг, Б. М. Кнулянец, А. А. Богданов,

²³ Ibid., S. 249.

²⁴ Ibid., S. 251.

²⁵ Подробнее об этом см.: Я. Г а н е ц к и й. Арест Розы Люксембург (Варшава, 1906 г.). — «Красная новь», 1929, кн. 2.

²⁶ См. Н. К. К р у п с к а я. Вспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 120; «Петроградская правда», 1919, 19 января.

²⁷ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 105.

²⁸ См. «V Лондонский съезд РСДРП. Апрель — май 1907 г. Протоколы». М., 1963, стр. 383—392, 432—437; В. В. Ч и с т я к о в. Роза Люксембург о тактике германского пролетариата (1898—1907 гг.). В сб. «Империализм и борьба рабочего класса», М., 1960.

²⁹ См. Н. К р у т и к о в а. Из истории борьбы В. И. Ленина против оппортунизма на международной арене. Штутгартский конгресс. Август 1907 г. М., 1955.

В. А. Базаров, М. Цхакая и другие³⁰. Секретарем социал-демократической секции русской делегации был М. М. Литвинов³¹.

В германской делегации преобладали реформисты. Из левых социал-демократов в ее составе были К. Либкнехт, Ф. Меринг и К. Цеткин. Р. Люксембург хотела получить на этот конгресс мандат от СДПГ. Однако, несмотря на поддержку А. Бебеля, это не удалось осуществить. Реформисты и центристы, зная ее революционные взгляды, решили помешать ей принять участие в конгрессе³². Тогда Р. Люксембург попросила Клару Цеткин оказать ей содействие в получении мандата от женской социал-демократической организации города Лейпцига. Ей был выдан такой мандат³³. Но германская делегация на конгрессе по формальным соображениям признала его недействительным³⁴. После этого Р. Люксембург получила мандат от СДКПиЛ.

В. И. Ленин придавал важнейшее значение борьбе рабочего класса и широких народных масс против военной опасности, считая эту борьбу составной частью мирового революционного движения. Он указывал, что борьба масс за мир способствует подготовке социалистической революции. Поэтому В. И. Ленин принял участие, в качестве представителя российской социал-демократии, в работе комиссии конгресса по вопросу о милитаризме. Вторым представителем РСДРП в этой комиссии был Ю. О. Мартов. От польских социал-демократов туда вошли Р. Люксембург и Ю. Мархлевский.

Комиссия обсуждала четыре проекта резолюции о борьбе против милитаризма и военной опасности — А. Бебеля, Ж. Геда, Ж. Жореса — Э. Вайяна и Г. Эрве. Из этих проектов наиболее правильную теоретическую постановку содержал проект Бебеля. В нем указывалось, что источником войн является капиталистическая система, и подчеркивалось, что пролетариат является естественным противником войн, так как они противоречат достижению его конечной цели — созданию социалистического общества. В самой общей форме в проекте говорилось, что рабочий класс и его парламентские представители обязаны при помощи применения средств, которые они сочтут наиболее действительными, сделать все, чтобы помешать возникновению войны, а если она все же вспыхнет, выступать за ее быстрое окончание³⁵. Следовательно проект Бебеля не рекомендовал никаких конкретных мер борьбы против военной опасности. В своей речи на заседании комиссии 19 августа А. Бебель выступил за то, чтобы конгресс только подтвердил решения предшествовавших конгрессов о борьбе против милитаризма³⁶. Представитель германских реформистов Г. Фольмар 20 августа также высказался за то, чтобы конгресс не связывал социалистические партии применением каких-либо определенных мер борьбы против военной опасности, а предоставил бы им полную свободу действий в этой области. В речи Фольмара ясно прозвучали нотки немецкого национализма³⁷.

Вопросы, входившие в повестку дня конгресса, обсуждались на заседаниях делегаций. Происходили заседания российской делегации, а также социал-демократической подсекции и отдельно большевиков. Кроме этого, 19 и 20 августа В. И. Ленин организовал совещания большевиков,

³⁰ Там же, стр. 74—75.

³¹ ЦПА ИМЛ, ф. 380.

³² Н. К р у т и к о в а. Там же, стр. 70.

³³ ЦПА ИМЛ, ф. 209 оп. 1, д. 443, л. 1, д. 444, л. 1.

³⁴ «Leipziger Volkszeitung», 20 VIII 1907.

³⁵ «Internationaler Sozialisten — Kongress zu Stuttgart 18 bis 24 August 1907». Berlin, 1907, S. 85—86.

³⁶ Ibid., S. 81—83.

³⁷ Ibid., S. 91—93.

польских социал-демократов и некоторых левых из других делегаций³⁸. Один из представителей большевиков на конгрессе М. М. Литвинов вспоминал много лет спустя (в 1944 г.): «Я припоминаю, что наша делегация, действительно, имела совещания с левыми членами других делегаций. Это были, конечно, совещания не формальные, а созываемые по принципу персональных приглашений. Могу вспомнить присутствие на них лишь Ледебура, Розы Люксембург и Тышки»³⁹.

На этих совещаниях были согласованы позиции революционных социал-демократов по основным вопросам повестки дня конгресса. В частности, было решено голосовать за проект резолюции Бебеля о милитаризме, но внести в него поправки, которые придали бы ему действенный характер. Эти поправки были одобрены всей российской делегацией. Российская и польская секции поручили Р. Люксембург выступить в комиссии по милитаризму с обоснованием поправок. 21 августа 1907 г. она произнесла речь на заседании этой комиссии, в которой от имени российской и польской социал-демократических организаций призвала учиться на опыте революции 1905 года⁴⁰. «Я должна выступить против Фольмара и, к сожалению, также против Бебеля, — заявила Р. Люксембург, — которые говорят, что мы не сможем сделать больше того, что делали до сих пор. Но ведь русская революция не только была порождена войной, но и сама способствовала ее окончанию. В ином случае царизм, несомненно, продолжал бы войну. Мы понимаем историческую диалектику не в том смысле, что она позволяет нам наблюдать, сложа руки, до тех пор пока историческое развитие принесет нам зрелые плоды. Я являюсь убежденной сторонницей марксизма и именно поэтому считаю весьма опасным придавать марксистскому мировоззрению ту окостеневшую, фаталистическую форму, которая в качестве реакции вызывает эксцессы подобные эрвезизму»⁴¹. Далее Р. Люксембург подчеркнула, что огромная масса германского пролетариата отвергает идеи Фольмара. Резолюция Иенского партейтага 1905 г. о массовой политической стачке, по ее мнению, свидетельствует о том, что СДПГ учится на опыте русской революции. Касаясь предложенных комиссией поправок, Р. Люксембург в своей речи отметила: «После речи Фольмара и отчасти Бебеля мы сочли необходимым заострить резолюцию Бебеля и разработали поправки, которые представим на ваше рассмотрение. Я должна лишь добавить, что в своих поправках мы идем в одном отношении дальше товарищей Жореса и Байяна, поскольку мы хотим, чтобы в случае войны наша агитация была направлена не только на окончание войны, но также и на использование ее для ускорения свержения классового господства вообще»⁴².

Эта речь Р. Люксембург была самой революционной по содержанию из всех выступлений в комиссии. Ленин после конгресса отмечал, что «призыв ценить не одни только парламентские способы борьбы, призыв к действию сообразно новым условиям будущей войны и будущих кризисов, подчеркнули революционные с.-д., особенно Роза Люксембург в своей речи»⁴³.

В тот же день, 21 августа, А. Бебель предложил избрать для выработки единого текста резолюции подкомиссию под председательством Вандервельде и включить в нее по два представителя от великих держав — Франции, Германии, Англии, России, Италии и Австро-Венгрии.

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 681.

³⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 380.

⁴⁰ «Internationaler Sozialisten — Kongress zu Stuttgart...», S 97.

⁴¹ Ibid., S. 97.

⁴² Ibid., S. 97—98.

⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 87.

Э. Вайян предложил предоставить одно место в подкомиссии Польше и ввести в нее в качестве представителя СДКПиЛ Розу Люксембург. В немецком издании протоколов конгресса после реплики Вайяна идет следующее замечание: «Ленин передает Розе Люксембург мандат России»⁴⁴. В более полном издании протоколов, опубликованном секретариатом Международного социалистического бюро в Брюсселе, приводится высказывание Ленина: «Я передаю мандат России в распоряжение гражданки Люксембург»⁴⁵. В результате этого заявления Ленина Р. Люксембург вошла в состав подкомиссии в качестве представителя РСДРП.

Почему же выступление от имени российской и польской делегаций в комиссии было поручено именно Р. Люксембург? Почему Ленин передал ей мандат РСДРП для участия в подкомиссии? Это, по-видимому, объяснялось, во-первых, тем, что между большевиками и российской делегацией, с одной стороны, и польскими социал-демократами, с другой, была достигнута полная договоренность о содержании поправок, и, во-вторых, тем, что Р. Люксембург имела широкую известность в партиях II Интернационала, участвовала в его конгрессах с 1896 г., часто выступала в печати СДПГ — ведущей партии Интернационала. И, наконец, Р. Люксембург, являвшаяся одним из руководителей СДКПиЛ, входившей в РСДРП, имела право представлять последнюю в подкомиссии.

В. И. Ленин, хотя и не был членом подкомиссии, но как один из авторов поправок участвовал в их формулировании и редактировании. Впоследствии (в 1916 г.) он вспоминал об этом: «Я хорошо помню, что окончательному редактированию этой поправки предшествовали продолжительные непосредственные переговоры наши с Бебелем. Первая редакция говорила гораздо прямее о революционной агитации и революционных действиях. Мы показали ее Бебелю; он ответил: не принимаю, ибо прокурорская власть распустит тогда наши партийные организации, а мы на это не идем, пока нет еще ничего серьезного. После совещания с юристами по специальности и многократной переделки текста, чтобы выразить ту же мысль легально, была найдена окончательная формула, на принятие которой Бебель дал согласие»⁴⁶. Н. А. Семашко, участвовавший в конгрессе в качестве журналиста, впоследствии вспоминал, что Бебель «боялся, что за antimилитаристские нотки в речах и проектах резолюции, особенно в знаменитых поправках Ленина — Розы Люксембург... германское правительство разгонит конгресс»⁴⁷.

22 августа Р. Люксембург представила в комиссию текст поправок, под которым стояло три подписи: Р. Люксембург, В. И. Ленин и Ю. О. Мартов⁴⁸. Но из анализа их содержания видно, что они были разработаны Лениным и Р. Люксембург. В первой из этих поправок указывалось, что конгресс подтверждает резолюции предшествовавших конгрессов II Интернационала о борьбе против милитаризма и вводит дополнительное положение: «Эти войны порождаются с естественной необходимостью непрерывным усилением милитаризма, являющегося главным инструментом классового господства буржуазии и экономического и политического порабощения пролетариата»⁴⁹.

В проекте Бебеля говорилось, что войнам благоприятствуют националистические предрассудки, систематически культивируемые в инте-

⁴⁴ «Internationaler Sozialisten — Kongress zu Stuttgart...», S. 101.

⁴⁵ «VII Congrès Socialiste international tenu a Stuttgart». Bruxelles, 1908, p. 164—165.

⁴⁶ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 238.

⁴⁷ Н. А. С е м а ш к о. Прожитое и пережитое. М., 1960, стр. 95.

⁴⁸ «Internationaler Sozialisten — Kongress zu Stuttgart...», S. 102.

⁴⁹ Ibid.

ресах господствующих классов. Во второй поправке эта мысль была продолжена так: «...с целью отвлечь пролетарские массы от их собственных классовых задач, а также выполнения долга международной классовой солидарности»⁵⁰. В резолюции Бебеля указывалось, что все рабочие и особенно их представители в парламентах, обязаны бороться всеми силами против вооружений на море и на суше, отказывая в ассигнованиях на эти нужды. В третьей поправке вносилось важное дополнение: «...атакже содействовать тому, чтобы рабочая молодежь воспитывалась в духе братства народов и социализма и систематически проникалась классовым самосознанием, чтобы господствующие классы не осмеливались использовать ее в качестве орудия укрепления своего классового господства против борющегося пролетариата»⁵¹.

В проекте Бебеля говорилось, что в случае угрозы войны рабочие и их парламентские представители должны сделать все, чтобы помешать возникновению войны, а если она вспыхнет, то выступать за ее быстрое окончание. Вместо такой слишком общей и неопределенной постановки вопроса знаменитая четвертая поправка Ленина — Р. Люксембург давала пролетариату ясные указания о применении революционных методов борьбы. Эта поправка гласила: «В случае угрозы войны рабочие соответствующих стран и их парламентские представити должны сделать все, чтобы помешать возникновению войны путем применения соответствующих средств, которые, естественно, изменяются и усиливаются в связи с обострением классовой борьбы и общей политической обстановки. В случае, если война все же вспыхнет, они должны выступать за ее быстрое окончание и всеми силами стремиться к тому, чтобы использовать вызванный войной экономический и политический кризис для пробуждения политической активности народных масс и для ускорения свержения классового господства капиталистов»⁵².

В поддержку этих поправок на заседании комиссии выступили К. Брантинг (Швеция), Х. Раковский (Румыния), Г. Роланд-Гольст (Голландия) и И. Рубанович (Россия, партия социалистов-революционеров)⁵³. Подкомиссия, созданная для выработки окончательного текста резолюции, решила положить в его основу проект Бебеля и внести в него все предложенные поправки, в том числе и поправки Ленина — Р. Люксембург. Редактирование окончательного текста резолюции было поручено Э. Вандервельде, В. Адлеру и Ж. Жоресу.

Редакционная комиссия по соображениям легальности смягчила некоторые формулировки третьей и четвертой поправок В. И. Ленина — Р. Люксембург. В третьей поправке, говорившей о необходимости воспитания рабочей молодежи в духе братства народов и социализма, была опущена концовка «чтобы господствующие классы не осмелились использовать ее для укрепления своего классового господства против борющегося пролетариата»⁵⁴. В первом предложении четвертой поправки, где говорилось, что в случае угрозы войны рабочие должны применить соответствующие средства, которые изменяются и усиливаются в связи с обострением классовой борьбы, комиссия выбросила слово «усиливаются»⁵⁵.

23 августа Вандервельде зачитал на заседании комиссии по милитаризму окончательный текст резолюции. Комиссия единогласно приняла этот текст и поручила Вандервельде сделать доклад для обоснования ре-

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid.

⁵² Ibid.

⁵³ Ibid., S. 102—104.

⁵⁴ Ibid., S. 65.

⁵⁵ Ibid., S. 66.

золюции на пленарном заседании конгресса⁵⁶. 24 августа состоялось заседание конгресса, посвященное вопросу о милитаризме и международных конфликтах. На нем был заслушан доклад Вандервельде и единогласно, без прений, принят текст резолюции, представленный комиссией⁵⁷.

Штутгартский конгресс имел важное значение в истории международного рабочего движения. На этом конгрессе В. И. Ленин начал свою борьбу за сплочение левых, революционных сил в партиях II Интернационала. Тесное сотрудничество большевиков и предствителей левых течений способствовало принятию конгрессом по основным вопросам решений в духе революционного марксизма. Большую роль это сотрудничество сыграло при разработке резолюции о борьбе против милитаризма и военной опасности. В резолюции, принятой с поправками конгрессом, по выражению Ленина, «строгость ортодоксального, т. е. единственно научного марксистского анализа соединилась с рекомендацией рабочим партиям самых решительных и революционных мер борьбы»⁵⁸.

Исключительно важное значение из поправок В. И. Ленина — Р. Люксембург имела четвертая поправка. Несомненно, что она была предложена В. И. Лениным, так как исходила из тактики большевиков во время русско-японской войны. Известно, что большевики оценивали эту войну как империалистическую и выступали за поражение в ней царского правительства. Они подчеркивали, что это поражение будет способствовать победе буржуазно-демократической революции и расчистит путь для социалистической революции в России⁵⁹.

Четвертая поправка представляла собой дальнейшее развитие тактики большевиков в отношении империалистической войны по сравнению с 1904—1905 гг. В ней была четко поставлена задача использования военной обстановки для ускорения пролетарской революции. Это была принципиально новая постановка вопроса, в корне отличная от подхода к этой проблеме в резолюциях всех предшествовавших конгрессов II Интернационала. В этой поправке была намечена идея превращения империалистической войны в гражданскую, подробно разработанная и обоснованная В. И. Лениным осенью 1914 г.⁶⁰.

Важную роль в разработке этих поправок сыграла также и Роза Люксембург. Нельзя согласиться с мнением Н. И. Крутиковой, которая в своей книге пишет, что ни в литературных работах Р. Люксембург, ни в ее выступлениях до Штутгартского конгресса «мы не находим идей, близких к идеям Штутгартских поправок»⁶¹. На самом же деле в работах и выступлениях Р. Люксембург предшествовавшего периода высказывались подобные идеи. Мысль, сформулированная в первой поправке, что милитаризм является главным орудием классового господства буржуазии и средством экономического и политического порабощения пролетариата, как показано выше, неоднократно встречалась в ее более ранних работах. Третья поправка представляла собою развитие положения, вы-

⁵⁶ Ibid., S. 165.

⁵⁷ Ibid., S. 70.

⁵⁸ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 73.

⁵⁹ Там же, т. 9, стр. 135—136, 157—158, 373—374.

⁶⁰ В Манифесте ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия» (октябрь 1914 г.) Владимир Ильич писал: «Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистической войны между высоко развитыми буржуазными странами». — В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 22. Четвертая поправка Ленина — Р. Люксембург вошла без изменений в резолюцию Копенгагенского 1910 г. и Базельского 1912 г. конгрессов II Интернационала.

⁶¹ Н. К р у т и к о в а. Там же, стр. 107—108.

двинутого Р. Люксембург на Парижском конгрессе 1900 г., о воспитании и организации молодежи социалистическими партиями для борьбы против милитаризма и колониальной экспансии. Идея первой части четвертой поправки о необходимости применения пролетариатом всех средств борьбы для предотвращения войны встречалась в ее работах и выступлениях неоднократно.

Положения о необходимости использования вызванного войной кризиса для ускорения пролетарской революции Р. Люксембург ранее не выдвигала. В этом вопросе ярко проявилось влияние на нее В. И. Ленина. Но она была подготовлена к принятию этой идеи. В ряде своих работ, особенно в докладе на Парижском конгрессе 1900 г., Р. Люксембург подчеркивала тесную связь между борьбой пролетариата против военной опасности и его подготовкой к социалистической революции. В годы первой русской революции Р. Люксембург под влиянием ленинских идей приблизилась к большевикам по ряду важных стратегических и тактических вопросов.

Таким образом борьбу против милитаризма и военной опасности Р. Люксембург вела с позиций революционного марксизма и пролетарского интернационализма. В начале XX в. основными формами антимилитаристской деятельности социалистических партий были выступления в партийной печати, в парламентах, на социал-демократических и рабочих собраниях. Р. Люксембург доказывала необходимость применения самых решительных, массовых форм борьбы против милитаризма, необходимость вовлечения в нее широких народных масс. Она связывала с использованием этих форм подготовку пролетарской революции. Вершиной ее антимилитаристской деятельности до начала первой мировой войны являлось ее сотрудничество с В. И. Лениным на Штутгартском конгрессе II Интернационала. Последовательную и неустанную борьбу против милитаризма Роза Люксембург продолжала до своей гибели в январе 1919 г. Она была одним из выдающихся борцов за мир. Многие положения ее антимилитаристских произведений и речей имеют актуальное значение и в современной международной обстановке.

В. А. ДЬЯКОВ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ПЕТРЕ СЦЕГЕННОМ

Выдающемуся деятелю польского освободительного движения и одному из замечательнейших представителей демократической общественной мысли XIX в. Петру Сцегенному посвящено немало довольно значительных по объему специальных исследований. Большинство из них написано польскими авторами: Зофьей Балицкой, Зыгмунтом Млынарским, Марьяном Тыровичем, Мечиславом Живчинским, Чеславом Выцехом, Марьяном Жыховским¹ и др. Несколько таких работ подготовлено и советскими специалистами: И. Беккером, И. И. Костюшко, И. С. Миллером и И. С. Нарским². Кроме этого, многие вопросы, связанные со Сцегенным, в той или иной мере затрагивались в менее значительных исследованиях и в ряде работ по смежной проблематике³.

Изучение жизни, деятельности и мировоззрения Сцегенного, начатое лишь в межвоенный период, за последние 20 лет, т. е. со времени возникновения Народной Польши, было продвинуто вперед весьма и весьма значительно. Однако серьезной помехой на пути дальнейших успехов в данной области являлась узость источниковедческой базы, причем особенно остро чувствовался недостаток материалов, освещающих тот наиболее важный этап биографии Сцегенного, когда он активно участвовал в политической борьбе и стоял во главе конспиративной организации, которая готовила вооруженное восстание. В самом деле, подавляющее боль-

¹ Z. B a l i c k a. Ks. Piotr Ściegienny. — «Księga pamiątkowa ku uczczeniu dwadziestoletniej działalności naukowej prof. Marcellego Handelsmana». Warszawa, 1929, s. 77—91; e e ж е. Legenda o ks. Piotrze Ściegiennym. — «Insurekcje», t. I, Warszawa, 1929, s. 252—270; W i n c e n t y B a n a ś [pseudonim Z. Młynarskiego]. Z. dziejów demokracji w Polsce. Lud Polski, Dembowski, Ściegienny. Warszawa, 1938; Z. M ł y n a r s k i. Z. dziejów demokracji w Polsce. Warszawa, 1946; e g o ж е. W kręgu sprawy ks. Piotra Ściegiennego. Warszawa, 1961; M. T y r o w i c z. Sprawa ks. Piotra Ściegiennego. Warszawa, 1948; e g o ж е. Inedita ks. Piotra Ściegiennego. — В сб.: M. T y r o w i c z. Z. dziejów polskich ruchów społecznych w XIX wieku. Warszawa, 1965, s. 96—112; M. Ż y w c z y Ń s k i. Z. ostatnich lat życia ks. Piotra Ściegiennego. — «Nasza Przyszłość», t. IV, Kraków, 1948, s. 243—250; Cz. W y c e c h. Ks. Piotr Ściegienny. Zarys programu społecznego i wybór pism. Warszawa, 1953; e g o ж е. Петр Сцегенный (Революционная деятельность и общественно-политические сочинения). — В кн.: Ч е с л а в В ы ц е х. Воспоминания, статьи, исследования. М., 1965, стр. 128—246; M. Ż y c h o w s k i. Piotr Ściegienny. — «Nowe drogi», 1955, № 3, s. 74—88.

² J ó z e f B e k k e r. Kartka z życiorysu ks. Ściegiennego. — «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1956, № 3—4 (16—17), s. 109—115; I w a n K o s t i u s z k o. Materiały do biografii Piotra Ściegiennego. — «Rocznik Lubelski», t. I, s. 179—188; И. И. К о с т ю ш к о. Материалы о деятельности повстанческой организации Петра Сцегенного. — «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 20, М., 1956, стр. 50—75; И. С. М и л л е р. И. С. Н а р с к и й. Петр Сцегенный. — В кн.: «Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей» (далее — ИППМ), т. III, М., 1958, стр. 14—83.

³ Более полный перечень литературы о Сцегенном см.: M. T y r o w i c z. Katalog Wystawy Historycznej «Ks. Piotr Ściegienny na tle epoki» Muzeum Świętokrzyskie w Kielcach. Kielce, 1949, s. 1—15; M. Ż y w c z y Ń s k i. Historiozofia Ściegiennego. — «Przegląd Historyczny», 1951, t. XLII, s. 392—403.

шинство опубликованного актового материала и текстов Сцегенного относилось либо к периоду его пребывания на каторге и в ссылке, либо к тому времени, когда он возвратился на родину, но в силу ряда объективных и субъективных причин в значительной мере утратил радикальность мировоззрения и общественную активность⁴. Если же взять начало 40-х годов, т. е. период перед арестом Сцегенного, то он освещается в нескольких сравнительно небольших по объему документах обзорного характера⁵; интересные сведения содержатся также в тексте конфирмации по делу Сцегенного, представленной И. Ф. Паскевичем Николаю I, и в переписке канцелярии наместника с епископскими куриями в Кельцах и Люблине⁶. Из рукописей тех лет опубликовано только «Письмо папы римского Григория XVI», причем рукопись воспроизводилась по различным вариантам, не проанализированным с историко-ведческой точки зрения и не сопоставленным друг с другом⁷, а по вопросу об авторстве текста высказывались самые разноречивые мнения⁸.

Затруднения, связанные с недостатком источников, не раз констатировались в литературе, но положение казалось безвыходным. Между тем автору этих строк удалось обнаружить судебно-следственное дело, которое состоит из 9 томов общим объемом свыше 5300 листов, включающих делопроизводство соответствующих следственных и судебных инстанций, и из вещественных доказательств в виде 10 книжечек⁹.

Перечень составных частей этого большого документального комплекса целесообразно начать с материалов специальной следственной комиссии (под председательством полковника Белоскурского), созданной в Кельцах 13 (25) октября 1844 г. (т. IV, 734 листа). Следствие велось местными чиновниками. Для председателя комиссии польский язык был родным, поэтому все документы составлены на польском языке (их переводы, сделанные в Варшаве, приложены в конце тома).

Наиболее интересными документами тома являются, несомненно, протоколы допросов крестьян, связанных с организацией Сцегенного, и особенно записи его собственных показаний (л. 342—480). Существенно отметить, что допросы П. Сцегенного полковник Белоскурский начал только 31 октября (12 ноября) 1844 г., т. е. после того как были допрошены все остальные арестованные и следствие уже располагало рядом улик против руководителя конспираторов. Именно этим объясняется, по-видимому, то, что П. Сцегенный дал сравнительно подробные показания о себе и назвал много фамилий, однако все они уже были известны следственной комиссии.

⁴ См. называвшиеся работы И. Беккера, И. И. Костюшко, Ч. Выщека и М. Живчинского.

⁵ И. И. К о с т ю ш к о. Материалы о повстанческой организации Петра Сцегенного, стр. 52—62; Cz. W u s e c h. Ks. Piotr Sciegienny, s. 238—240; Z. M ł u n a r s k i. W kręgu sprawy Piotra Sciegiennego, s. 139—155.

⁶ Cz. W u s e c h. Ks. Piotr Sciegienny, s. 228—237, 241—243; M. T u r o w i c z. Sprawa ks. Piotra Sciegiennego, s. 188—192.

⁷ Z. B a l i c k a. Legenda o ks. Piotrze Sciegiennym.—«Insurekcje», 1929, t. I, s. 260—270; Cz. W u s e c h. Ks. Piotr Sciegienny, s. 140—152; ИИППМ, т. III, стр. 14—30; И. И. К о с т ю ш к о. Материалы о повстанческой организации, стр. 62—72. О вариантах текста «Письма» и их публикации подробнее см.: М. T u r o w i c z. W sprawie autentycznych wydań apokryfu k. P. Sciegiennego.—«Przegląd Historyczny», 1954, № 4.

⁸ См., например: М. T u r o w i c z. Legenda i historia dokoło sprawy Sciegiennego.— В кн.: «Z dziejów polskich ruchów», s. 82—95; М. Ż y w c z y Ń s k i. Ks. Piotr Sciegienny w świetle dotychczasowych badań.—«Sprawozdania Tow. Nauk. K. U. L», Lublin, 1945, N 1, s. 82; Z. M ł u n a r s k i. W kręgu sprawy Sciegiennego, s. 122 и др.

⁹ ЦГВИА, ф. 16233, оп. 3/29, д. 84. В дальнейшем ссылки на судебно-следственные материалы о Сцегенном будут даваться в основном тексте. Для делопроизводства будет указан номер тома, а для вещественных доказательств — номер, проставленный на каждой книжечке.

Почти одновременно доносы о деятельности Сцегенного сделали в Кельцах — крестьянин В. Яниц, в Варшаве — дворянин А. Рихтер, управляющий имением в Люблинской губернии и игравший заметную роль в организации, а в Радоме — ремесленник С. Блюх, которого в октябре 1844 г. попытались вовлечь в ряды конспираторов. Еще ранее из имения Ходле, где жил П. Сцегенный с братом Каролем, поступил в Варшаву донос учителя Т. Германиса. Вместе с присланными из Келец сведениями эти доносы послужили основанием для серии арестов по распоряжению Варшавской постоянной следственной комиссии, возглавлявшейся сенатором А. Я. Стороженко. Соответствующая переписка положила начало обособленной части судебно-следственного дела (т. III, 659 листов). В данный том попадали в дальнейшем все документы, касающиеся розыска, арестов и этапирования причастных к делу лиц, обмена информацией с варшавским полицмейстером генерал-майором Абрамовичем и начальником канцелярии наместника П. Ф. Эльшевичем, а также обильная переписка по организации следствия. Здесь же подшиты материалы о результатах длительных и сложных изысканий, связанных с названной П. Сцегенным фамилией Фалинского, который, якобы, передал ему тексты «Письма папы Григория» и некоторых других антиправительственных сочинений (л. 480—500 и др.).

Отдельно (т. V, 225 листов) сгруппированы письма, записные книжки и другие бумаги, изъятые при обысках некоторых причастных к делу лиц (И. Пуро, К. Лапчинского и др.). Среди отобранных бумаг есть два небольших письма П. Сцегенного (они адресованы крестьянину Томашу Адамчику). В томе обращает на себя внимание большое число весьма детальных географических карт, из которых несколько имеют пометки, показывающие, что их владельцы должны были участвовать в осуществлении разработанного конспираторами плана вооруженного восстания.

Подлинные показания обвиняемых в Варшавской следственной комиссии, написанные в основном по-польски, вместе с приложенными к ним переводами на русский язык, разделены на две части по степени виновности тех, кто их давал. Показания лиц, отнесенных к первым трем категориям, составляют т. I (824 листа); показания тех, кого следствие отнесло к 4 и 5 категориям, образуют т. II (545 листов). В I томе наибольший интерес представляют показания, которые дали Петр, Доминик и Кароль Сцегенные, Михал Левицкий, Феликс Карпинский, Ян Варховский, Северин Савицкий, Ян Новаковский. Собственноручные в данном случае показания П. Сцегенного (л. 1—106) по содержанию повторяют сказанное в Кельцах, хотя деталей здесь несколько меньше. Во II томе заслуживают внимания весьма подробные и откровенные показания Францишка Панточка, которые, несомненно, полезны для исследователя, хотя и не наилучшим образом характеризуют автора показаний, не проявившего даже минимального мужества перед следователями (л. 79—138)¹⁰.

Три тома (т. VI, 678 листов; т. VII, 433 листа; т. VIII, 731 лист) занимают материалы военного суда, начавшегося в июле 1845 г. и заседавшего в Варшаве в Александровской цитадели. Эта группа документов, открывающаяся соответствующим распоряжением Паскевича (т. VI, л. 1—6), содержит пространную сводку результатов следствия (там же, л. 7—261), материалы сравнительно кратких и в значительной мере формальных допросов и очных ставок на суде (т. VI, и VII), а также выписку из дела (т. е. обвинительное заключение) и приговор суда (т. VIII). В данной группе

¹⁰ При использовании показаний любопытно сопоставить их с появившимися значительно позднее воспоминаниями их автора. См.: Franciszek Pantoczek. *Losy ucznia kieleckiego sprzed stu lat.* — «Pamiętnik Koła Kielczan», t. I, Kielce, 1927.

могут быть выделены: «вопросные пункты» П. Сцегенному с собственноручными ответами на них (т. VI, л. 295—297), русский перевод «Письма папы Григория XVI» (там же, л. 379—387), дополнительные показания Ф. Карпинского, гораздо более откровенные, чем на следствии (т. VII, л. 347—360).

Наконец, последнюю группу документов образует та часть делопроизводства, которая связана с утверждением (конфирмацией) приговора военного суда и его осуществлением (т. IX, 528 листов). Исполнение приговора над П. Сцегенным, его братьями и несколькими другими осужденными состоялось в Кельцах 24—25 апреля (6—7 мая) 1846 г. Экзекуционные листы и рапорты местного начальства (л. 459—472) позволяют внести весьма существенные уточнения в ту картину расправы царизма над конспираторами, которую имеющаяся литература воссоздала на основании описания, обнаруженного в мемуарах Яна Вноровского¹¹.

В качестве приложения к судебно-следственному делу хранятся, как уже говорилось выше, 10 небольших книжечек. Одна из них представляет собой польский перевод «Книг народа» Ф. Р. Ламенне, который был издан в 1838 г. в Париже со специальным обращением автора, написанным по просьбе руководства Демократического общества. Из пометы следственной комиссии следует, что этой книгой, зарегистрированной под № 3, пользовался некоторое время крестьянин Ян Космбля, затем некий Дверницкий. Кто-то из читателей на обороте титульного листа и на полях некоторых страниц книги сделал надписи, высмеивающие взгляды автора¹².

Все остальные книжечки — рукописные. Они одинакового размера (в шестнадцатую долю листа) и сшиты из одинаковой бумаги. Тексты написаны двумя почерками: в большинстве случаев рукой П. Сцегенного, иногда рукой его младшего брата Кароля, жившего вместе с ним. Пять книжечек (6—10) отобраны у П. Сцегенного — об этом свидетельствует справка келецких властей, а также сделанные в следственной комиссии пометы. В каждой из них по одному произведению. Вот их названия: 1). Краткое и правдивое изложение науки Иисуса Христа (№ 6, 22 листа); 2). Афоризмы об устройстве человеческого общества (№ 7, 24 листа); 3). Нужно только желать (№ 7, 10 листов); 4). Золотая книжечка или История рода человеческого (№ 9, 28 листов); 5). Мысли, облегчающие понимание учения Иисуса Христа (№ 10, 7 листов)¹³.

Из четырех книжечек, переданных П. Сцегенным своим сообщникам, две найдены в населенном пункте Крайна — одна отобрана у крестьянина Бальцера Сусло (№ 1, 26 листов), другую подобрали на земле дети, пасшие скот (№ 5, 16 листов). Третья книжечка была обнаружена при обыске у крестьянина деревни Бильча Томаша Адамчика (№ 4, 16 листов). Помета на четвертой книжечке позволяет установить, что она сначала находилась у упомянутого крестьянина деревни Сукова Я. Космоли, а затем была передана им одному из односельчан (№ 2, 12 листов). Три из перечисленных книжек содержат текст «Письма папы» (№ 1, 2, 5), причем в одном случае (№ 1) рядом переписана также «История рода людского». В книжечке же, зарегистрированной под № 4, содержится только «История рода людского».

¹¹ Biblioteka im. Ossolińskich, wydział rękopisów, № 3204. Ссылки и цитаты см., в частности: М. Т у р о в и с з. Sprawa ks. Piotra Sciegiennego, s. 94—95, 192.

¹² См., например, надпись на титульном листе.

¹³ В качестве авторского заглавия для третьей из перечисленных рукописей избрано латинское изречение «Volenti nihil difficile». В тексте это изречение несколько раз передается словами «trzeba tylko chcieć» (л. 1—2). Их переводом на русский язык и озаглавлена рукопись. Четыре остальные рукописи имеют названия, перевод которых не представляет затруднений. Вот эти названия: «Krótki a prawdziwy wykład nauki Jezusa Chrystusa»; «Aforyzmy o urządzeniu społeczeństwa ludzkiego»; «Myśli ułatwiające rozumienie nauki Jezusa Chrystusa».

Из сказанного явствует, что обнаруженные тексты, если их рассматривать с точки зрения новизны, могут быть разделены на три категории.

К первой из них относится «Письмо папы», текст которого уже был известен ранее и даже не в одном, а в нескольких вариантах. Найдено еще три варианта текста, причем в двух случаях (№ 1 и 2) они написаны целиком рукой П. Сцегенного, а в одном — (№ 5) рукой его брата Кароля. Варианты эти имеют разночтения с ранее публиковавшимися вариантами и друг с другом. Особенную ценность представляет текст из книжечки, отобранной у Б. Сусло: он значительно пространней остальных и содержит несколько больших и интересных фрагментов, не фигурирующих ни в одном из остальных вариантов.

Ко второй категории могут быть отнесены «История рода людского» или «Золотая книжечка» (обнаружена в двух вариантах) и «Афоризмы об устройстве человеческого общества». Названия этих произведений были известны в литературе; однако не только полного их текста, но даже отчетливого представления об их содержании мы не имели.

«История рода людского» — это произведение, аналогичное «Письму папы» в том смысле, что оно написано простым разговорным языком и адресовано к трудящимся массам. Полное название, которое значится на экземпляре, изъятом у П. Сцегенного, звучит так: «Золотая книжечка или История рода людского для хлебопашцев и ремесленников, для крестьян, мещан и солдат, для лакеев, писарей, экономов и иных официалистов, написанная в 1840 г.» (№ 9, л. 1). По своему содержанию «Золотая книжечка» в самом деле является попыткой краткого изложения истории человечества и истории польского народа с библейских времен до момента написания текста. Это такое же, как и «Письмо папы», своеобразное сочетание религиозной фразеологии и нетрадиционно толкуемых христианских догматов с идеологией чрезвычайно радикального крестьянского демократа и неутомимого борца против различных проявлений социального и национального гнета.

Если историческую концепцию «Золотой книжечки» взять в самом кратком, схематическом виде, то она будет выглядеть примерно следующим образом. Бог создал всех людей равными, обеспечил каждого из них землей и иными средствами существования. Помещичий класс, возникший из разбойничьих шайк, отобрал у людей свободу и землю, угнетает их с помощью монархов, опирающихся на армию, и при содействии духовенства, искажающего учение Христа в угоду богачам. Царство небесное, в котором будет восстановлена социальная справедливость, уничтожена национальная вражда и национальное угнетение, может и должно быть создано на земле, при жизни человека, а не после его смерти. Именно за это боролся Христос, но его постигла неудача. Каждый, кто любит свой народ и верит в бога, должен пропагандировать истинное учение Христа и всеми доступными ему средствами добиваться установления царствия небесного на земле. При этом он имеет право пренебречь присягой, которую вынужден был дать царям, панам или чиновникам, и может даже нарушить евангелическую заповедь «не убий», если дело идет об угнетателях или их прислужниках. Налицо, таким образом, прямой призыв к революционному действию.

Обращение к читателю, которым открывается «История рода человеческого», начинается с указания на то, что содержащееся в ней учение имеет целью осчастливить «угнетенный класс людей». Далее в ней говорится: «Прочитай книжечку внимательно раз, другой, третий, а усвоивши как следует, скрыто передай другому, умеющему читать. Таким образом пускай переходит она из рук в руки, из города в город, из деревни в деревню. Тем же, чему ты научился, милый читатель, делись с другим угнетен-

ным, близким своим, но только, если он честный, кроткий и, что особенно важно, непылющий и умеющий молчать, ибо учение это распространяться должно самым скрытым образом. Потому что короли, паны, помещики, офицеры, чиновники, даже многие ксендзы, суть ваши недруги, они не хотят видеть вас счастливыми, и если бы об этой книжечке услышали, то старались бы отыскать ее и уничтожить, а вы навсегда остались бы темными и несчастными. Короли же и паны стали бы вас еще больше угнетать» (№ 9, л. 1).

«Афоризмы об устройстве человеческого общества» (№ 7) имеют иной характер: они адресованы, судя по форме и содержанию, к образованным людям, точнее к тем из них, которые захотят и смогут встать на сторону угнетенных. Текст «Афоризмов» содержит ту же систему взглядов, но для ее обоснования используется не столько толкование общеизвестных религиозных заповедей и комментирование различного рода евангелических или сочиненных заново притчей, сколько доводы морально-этического, религиозно-философского, экономического и политического характера. После двух вводных абзацев, в которых констатируется неудовлетворительность существующих порядков, в «Афоризмах» идет раздел, озаглавленный «Присмотримся к тому, что есть сегодня» (л. 1—12), а затем — раздел «Как было бы лучше» (л. 12—23)¹⁴. В первом из названных разделов интересен подробный, сделанный с весьма радикальных позиций и очень квалифицированный анализ социального состава польского общества, истоков существующих сословно-классовых противоречий. Анализ этот не беспредметен, он используется для обоснования необходимости революционной ломки господствующих порядков. Раздел заканчивается следующими словами: «Роду людскому... следует возратить отнятую собственность и свободу; необходимо ввести равенство и привить братство между людьми, нужно устроить человеческое общество так, чтобы каждый человек был счастливым» (л. 12).

Второй раздел «Афоризмов» включает разработку ряда вопросов, связанных с подготовкой переворота и, особенно, с будущим общественным устройством. Так, в начале его перечисляются требования, которым должны соответствовать деятели, берущиеся за преобразование общества (л. 12). Переходя к самим преобразованиям, автор «Афоризмов» заявляет: «Земля не может быть собственностью отдельного лица, а лишь собственностью народа; поэтому она не может продаваться» (л. 13). Затем подробнейшим образом определяются размеры земельных участков, предоставляемых в пользование крестьянской семье с учетом качества земли в данном районе, говорится, что ремесленникам и фабрикантам следует выделять лишь небольшой участок, так как для них «ремесло и фабрика должны быть занятием, а сад только забавой» (л. 14). «Правительство, которое установлено народом, — говорится в «Афоризмах», — есть власть, присходящая от бога» (л. 15). Страну предполагалось разделить на округа, округа на уезды, уезды на гмины, а гмины на села (осады); управление намечалось выборным снизу доверху. Определялись оптимальные размеры осады: 120 крестьянских семей, 8 семей ремесленников, 1 купеческая, 4 семьи служащих; давались размеры (в смысле численности населения) гмины и уезда, указывалось, что органы управления и суд должны включать представителей всех групп населения, подсчитывалась величина взносов каждой из этих групп и делалась примерная раскладка расходов на общественные нужды (л. 15—22). Подробно была разработана система обучения молодежи, начиная от небольших школ в селах и кончая университетами в ок-

¹⁴ По-польски названия разделов звучат следующим образом: «Przypatrzmy się jak dziś jest»; «Jak by było lepiej».

ружных центрах, система здравоохранения а также некоторые вопросы, связанные с денежным обращением и организацией армии (л. 23).

Текст, озаглавленный «Краткое и правдивое изложение науки Иисуса Христа», вопреки своему названию, является самой пространной из обнаруженных рукописей (объем ее достигает примерно двух печатных листов). Она содержит толкование ряда цитат из евангелия и библии с тех же радикально-демократических позиций, с которых написаны называвшиеся выше тексты. Данное произведение содержит, однако, главным образом религиозно-догматическую аргументацию, которая применялась и в других случаях, но нигде не получила столь значительного развития. Основная задача «Краткого изложения» состоит в доказательстве того, что официальная религия, проповедуя смирение и покорность, искадила учение Христа, что учение это направлено прежде всего на изменение существующих порядков и установление на земле царства небесного, в котором будут господствовать свобода, равенство, братство, где все люди будут счастливы. Текст обращен непосредственно к той части католического духовенства, которая может, осознав приводимые аргументы, встать на сторону народа.

«Мысли, облегчающие понимание учения Иисуса Христа», по своему объему примерно в четыре раза меньше «Краткого изложения»; по содержанию же эти два произведения очень близки друг другу. «Мысли» горячо отстаивают идею извечного равенства людей, всевластие народа, доказывают, что земля и ее плоды не должны быть собственностью отдельного человека, а являются собственностью всех. Всевластие народа, существовавшее в библейские времена, — отмечается в «Мыслях», — сменилось властью богатых и сильных¹⁵, а затем пришло самовластие или деспотизм. Но человек может быть по-настоящему счастлив только при всевластии народа, и оно будет восстановлено. «По нашему мнению, — говорится в «Мыслях», — человека можно считать счастливым тогда, когда он сознает свое истинное достоинство и ни от кого не испытывает пренебрежения, когда он волен делать то, что ему нравится лишь бы не вредить ближним, когда он умеет писать и читать [...], когда, имея силы и здоровье соответственно способностям, может работать исключительно для себя и своих детей, когда плоды труда у него никто не отнимает, когда с домашними и соседями живет в любви и согласии, когда в слабости и несчастье находит утешение и помощь ближних. Словом, если в обществе, состоящем из справедливых людей, господствуют свобода, равенство и братство, то они находят истинное счастье, обретают царство небесное, которое им ошибочно велят ждать после смерти» (№ 10, л. 5).

Особняком стоит последняя из обнаруженных рукописей, которая озаглавлена «Нужно только желать» (*Volenti nihil difficile*). По форме она представляет собой боевую статью, предназначенную для руководящих деятелей конспирации, а по содержанию является подробно разработанным планом вооруженного выступления и первых шагов революции. Начинается рукопись с тезиса о том, что освобождение из волчьей ямы, в которой находится польский народ, вполне возможно, если найдутся люди самоотверженно борющиеся за освобождение, если они смогут построить крепкую лестницу и найти для нее прочную опору. В рукописи говорится: «Такой крепкой лестницей, позволяющей ей выбраться из ямы, является народ, а прочной опорой — демократический принцип, для которого право — любовь к богу и ближнему, а дух и цель — всеобщее счастье. Только эта лестница и только она сможет вызволить нас. Всякая иная лестница и любая

¹⁵ «Możnowładztwo» (№ 10, л. 2).

другая опора будут как тонкая жердь, поставленная на скользкий лед» (№ 8, л. 1).

Весь последующий текст рукописи озаглавлен «Способ возвращения собственности»¹⁶ и подразделяется на две части: «Приготовления» и «Действия». Первая часть содержит подробный перечень подготовительных мероприятий, намечаемых для тех «100, а самое меньшее 50 юношей, которые бы самоотверженно решили ошастливать без малого весь род людской и, прежде всего, поднять из могилы нашу любимую родину, вызволить соотечественников из ярма тяжелой неволи» (л. 2). Центром восстания по плану должен был стать г. Кельце; а территория примерно на 100 км вокруг этого города разбивалась на пять секторов (отделов), каждый из которых, в свою очередь, состоял из трех подотделов. Для руководства восставшими и управления освобожденными районами предполагалось избрать Верховный Совет (Rada Najwyższa) из пяти человек, которых после приведения к присяге следовало облечь диктаторской властью. Предусматривалось распределение обязанностей внутри этого органа, было разработано множество других деталей, начиная от текста речи, которую должен был произнести капеллан в кафедральном соборе в момент объявления восстания (л. 4), и кончая процедурой конфискации у помещиков съестных припасов и иных вещей, необходимых повстанцам (л. 5).

Второй части предпослан эпитаф «Кто не с нами, тот против нас». Здесь столь же подробно планируются действия повстанцев и их руководящего органа после начала вооруженной борьбы. Предполагалось окружить г. Кельцы крестьянскими отрядами, руководимыми членами конспиративной организации. В первый же день повстанческое правительство должно было гарантировать всем «без различия сословия и вероисповедания свободу, равенство и братство», заявить, что оно обеспечивает каждому пользование всеми плодами земли, уничтожает барщину, оброки и другие повинности в пользу помещика, а также отменяет плату духовенству за крещение, венчание и похороны. Было предусмотрено мобилизовать в ряды защитников отчизны всех, способных носить оружие в возрасте от 18 до 50 лет. Для проведения перечисленных мероприятий были разработаны проекты постановлений, которые приводятся в тексте. Между прочим, каждый проект начинается словами: «Верховный совет Всевластия славян во имя свободы, равенства и братства...». Термин «Всевластие славян» для обозначения будущего государства не случаен. В тексте проекта постановления о призыве в вооруженные силы говорится, что цель повстанческой армии состоит в освобождении из-под власти богатых и сильных, в обеспечении собственностью, в завоевании вечного счастья не только для поляков, но и для всего славянского рода.

Как же в свете новых данных решается вопрос об авторстве тех рукописей, которые в той или иной мере были известны ранее, и тех, которые обнаружены вновь? В своих показаниях П. Сцегенный признал себя автором лишь двух текстов: «Краткого изложения» и «Мыслей» (т. I, л. 4). Что касается «Письма папы», «Истории рода людского», «Афоризмов» и «Нужно только желать», то их якобы передал Сцегенному, а в трех первых случаях и написал, приезжавший из Варшавы молодой человек по имени Фалинский¹⁷. Следствие, как уже упоминалось, пыталось пойти по этому следу (т. III, л. 672—679 и др.). В Варшаве были обнаружены два брата — Кандид и Фелициан Фаленские (а не Фалинские), из которых первому было в 1845 г. около 30, а второму около 20 лет. Имеющиеся в судебно-следст-

¹⁶ Под этим названием вся рукопись фигурирует в том перечне отобранных у П. Сцегенного бумаг, который составила следственная комиссия в Кельцах (т. IV, л. 2).

¹⁷ В собственноручных показаниях П. Сцегенного во всех случаях написано «Faliński» (т. I, л. 3—4 и др.).

венном деле данные и иные материалы¹⁸ показывают, что оба Фаленские могли быть известны П. Сцегенному. Материалы эти показывают также, что оба они едва ли могли быть авторами трех названных текстов. Можно, разумеется, предположить, что тот из Фаленских, который был у Сцегенного, являлся лишь их передатчиком. Категорически отвергнуть такое предположение нельзя, но несравненно более вероятной и гораздо лучше согласующейся с известными в настоящее время фактами представляется версия об авторстве Сцегенного. На ней в конце концов остановились следствие и суд, в ее пользу говорит целый ряд разного рода соображений, которые возникли или получили значительное подкрепление в связи со вновь обнаруженными материалами.

Первая группа соображений связана с полным сходством содержания, наличием совпадений и смысловой близостью текстов, принадлежность которых своему перу Сцегенный признал («Краткое изложение», «Мысли» и опубликованные ранее рукописи 1850—1870 гг.), с теми четырьмя рукописями, но отношению к которым он, по вполне понятным соображениям, не подтвердил своего авторства во время следствия и суда. Сходство так велико, совпадений смысловых и текстуальных так много, что трудно предполагать, будто рукописи принадлежат разным авторам.

Вторая группа соображений касается способа, места и времени распространения рукописей начала 40-х годов. Все вновь обнаруженные тексты оказались переписанными П. Сцегенным или его братом Каролом, они были изъяты у самого П. Сцегенного, у связанных с ним лиц либо найдены в районе деятельности и только во время существования возглавляемой им организации. «Письмо папы», «История рода человеческого», «Афоризмы» — первоклассные агитационнопропагандистские произведения. Если бы они были созданы в сравнительно многочисленных и имевших широкие связи варшавских конспиративных организациях начала 40-х годов, то они, несомненно, распространялись бы в Варшаве и ряде районов Царства Польского, они не могли бы остаться неизвестными ни Постоянной следственной комиссии, через которую на протяжении 1840—1844 гг. прошли многие десятки конспираторов из основательно разгромленного в те годы варшавского подполья, ни тем деятелям, близким к этому подполью, которые выступили впоследствии в качестве мемуаристов¹⁹.

Третья группа соображений вытекает из текстологического анализа обнаруженных рукописей. Сопоставление нескольких вариантов «Письма папы» и «Истории рода человеческого», переписанных П. Сцегенным собственноручно либо с помощью брата Кароля, не оставляет сомнения в том, что он относился к тексту по-авторски, сокращая его тем или иным способом (иногда просто исключая целые абзацы и страницы, а иногда заменяя их гораздо менее пространном пересказом), редактируя и исправляя текст как по форме, так и по существу, вставляя поясняющие содержание сноски и т. д. В обнаруженных текстах практически нет механических ошибок, характерных для простых переписчиков, зато есть зачеркивания и иная правка авторского характера. Особенно интересно в этом отношении последнее из произведений 40-х годов — «Нужно только желать», текст которого находился в процессе непрерывной доработки. По показаниям П. Сцегенного и других лиц видно, что несколько экземпляров этой

¹⁸ См.: Z. Młynarski. W kręgu sprawy, s. 115—124; Felicjan Faleński (1825—1910). Wspomnienia z mojego życia. — Biblioteka Narodowa, wydzał rękopisów, № 5812, к. 28—52. В «Воспоминаниях» Ф. Фаленского нет ни малейшего намека на знакомство с П. Сцегенным, хотя они писались тогда, когда соображения конспирации не могли уже повлиять на автора.

¹⁹ Невозможно было бы, в частности, понять, почему такого рода произведения остались неизвестными столь осведомленному мемуаристу, как Генрик Каменский.

рукописи он роздал своим соратникам в сентябре — октябре 1844 г. Отобранный у него экземпляр написан сначала почерком брата Кароля, а затем почерком самого П. Сцегенного. И на первой, явно переписанной с прежнего варианта, и на второй части имеется весьма значительная правка почти исключительно авторского характера, т. е. с существенными вторжениями в содержание, не говоря уже о больших изменениях стилистического порядка.

Четвертая группа соображений относится главным образом к последней из названных рукописей, хотя в той или иной степени сказанное можно отнести и к другим текстам. Достаточно прочесть внимательно «Нужно только желать» и сопоставить это произведение с данными судебно-следственного дела, чтобы убедиться, что оно могло быть написано только П. Сцегенным. Весь план подготовки восстания, начиная от выбора места (г. Кельце и его окрестности) и времени (день престольного праздника, когда в костелы собирается много крестьян из близлежащих деревень), до числа молодых конспираторов, обязанных встать во главе восставших, и способа их действий, все предначертания на будущее от состава и обязанностей повстанческого правительства до направления, целей и конкретного содержания намечаемых социальных преобразований — все это абсолютно, как в целом, так и в деталях, совпадает с тем, о чем Сцегенный писал в «Кратком изложении» и «Мыслях», что он, судя по его собственным показаниям, делал или намеревался делать. В «Нужно только желать» включен даже довольно пространственный текст речи, которую Сцегенный должен был произнести в кафедральном соборе, объявляя о начале восстания (№ 8, л. 4). Ну кто же кроме самого оратора, возглавлявшего заговорщиков, мог бы решиться и сумел бы написать эту речь так, как она написана, и включить ее текст в состав рукописи, размножавшейся самим Сцегенным?!

За недостатком места не буду приводить другие соображения в подтверждение того, что П. Сцегенный является автором «Письма папы» и всех вновь обнаруженных произведений.

Хотелось бы закончить настоящее сообщение развернутыми выводами о научном значении вновь обнаруженных материалов. Однако материалы эти настолько велики по объему и настолько многогранны по содержанию, что формулирование такого рода выводов представляется целесообразным отложить на будущее. Ограничусь здесь лишь констатацией того, что достаточно подтверждается предшествующим изложением: новые материалы намного расширяют наши познания о жизни и деятельности П. Сцегенного, о его мировоззрении и политической программе, о составе возглавлявшейся им конспиративной организации, ее роли в подготовлявшемся восстании, ее месте в польском освободительном движении 40-х годов. Научная ценность обнаруженных материалов, в особенности текстов, написанных рукой Сцегенного, настолько значительна, что их публикация является, несомненно, весьма нужным и неотложным делом. С помощью своих коллег, советских и польских, автор надеется осуществить это дело в возможно короткие сроки.

Г. К. ВЕНЕДИКТОВ

К ИСТОРИИ СЛОВ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Возникновение нескольких слов (*часовник, бележка, вестник, сегашен, околност, разноски, чакалня, смет* и др.), прочно вошедших в словарный состав современного болгарского литературного языка, обычно так или иначе связывается с именем Ивана Богорова — известного пуриста прошлого столетия. Насколько основательно такое мнение в отношении слов *бележка, сегашен* и *разноски*, идет речь в настоящих заметках.

1. Бележка

Мнение о том, что *бележка* — одно из слов, созданных И. Богоровым, достаточно популярно, хотя оно и не разделяется всеми исследователями. О популярности такого мнения свидетельствует хотя бы тот факт, что «Краткая болгарская энциклопедия» без всяких оговорок квалифицирует его как слово, созданное И. Богоровым¹. Так же рассматривали его Б. Пенев², М. Москов³ и, по-видимому, Ст. Стойков⁴. Более осторожно об этом высказывается Р. Русев, который считает, что *бележка* — слово, вероятно, созданное И. Богоровым⁵. Л. Стоичкова относит *бележка* к народным словам, с помощью которых И. Богоров «удачно переводит ненужные и уродливые иностранные слова»⁶.

Иную точку зрения совсем недавно высказал в своей диссертации К. Гутшмидт, который считает, что и само слово *бележка* и его значение 'знак, признак' были присущи народному языку и что поэтому создание этого слова «ни в коем случае нельзя приписывать И. Богорову»⁷. К. Гутшмидт основывается здесь на примерах со словом *бележка* из перевода И. Богорова «Робинзона Крузо» («Чюдосните на Робенсина Круссо», Цариград, 1849) и на известном словаре Н. Герова, где это слово также зафиксировано. Однако этих данных, как нам кажется, недостаточно, чтобы существенно поколебать утвердившееся мнение о создании слова *бележка* И. Бо-

¹ «Кратка българска енциклопедия», т. I. София, 1963, стр. 258.

² Б. Пенев. История на новата българска литература, т. III. София, 1933, стр. 835.

³ М. Москов. Борбата против чуждите думи в българския книжовен език. София, 1958, стр. 53.

⁴ См. предисловие Ст. Стойкова «Д-р Иван Богоров» в кн.: И. Богоров. Избрани страници, София, [1944], стр. XXVIII; Ст. Стойков. Иван Богоров и чуждите думи в българския език. — «Език и литература», 1946, кн. 2, стр. 12.

⁵ См. предисловие Р. Русева «Иван Богоров» в кн.: И. Богоров. Избрани произведения. София, 1963, стр. 11.

⁶ См. предисловие Л. Стоичковой к кн.: И. Богоров. Избрани съчинения. София, [1940], стр. X.

⁷ K. G u t s c h m i d t. Studien zum Wortschatz der frühen bulgarischen Übersetzungsprosa. Berlin. [1966], S. 148 (ротапунктное издание).

горовым. По-видимому, не относят это слово к неологизмам И. Богорова и авторы «Болгарского этимологического словаря»⁸.

Указанные здесь разногласия относительно возникновения слова *бележка* уже сами по себе вызывают особый интерес к этому слову и заставляют более внимательно рассмотреть соответствующий материал.

Среди слов современного литературного языка, создание которых обычно приписывается болгарскому пуристу, слово *бележка* особенно интересно тем, что в произведениях, опубликованных до выхода в свет первых книг И. Богорова, оно, в отличие от некоторых других (например, *часовник*), как будто действительно не встречается. Тем не менее есть, на наш взгляд, достаточные основания, чтобы не включать слово *бележка* в число неологизмов И. Богорова.

Нужно сказать, что *бележка* пять раз встречается уже в «Математической географии», переведенной И. Богоровым и изданной в 1842 г. Во всех пяти случаях *бележка* имеет значение 'знак (зодиака)'⁹: «... Като различни животни дего се находжат на него и се наричат *бележки* на зодиякът. Тия *бележки* съ дванайсет» (стр. 28); «Първите шест *бележки*... наричат се северни» (стр. 29); «Слънцето стъпва в *бележката* на Овена 9-й Марта, а после... в другие *бележки*» (там же).

Широко употребляется *бележка* в последующих произведениях И. Богорова. В значении 'знак (препинания)' это слово встречается в «Първичка българска граматика» (1844): «За *бележките* почиванието», «*Бележки* на почиванието, които са зимат в писмото, за да показуват граматическите свързвания» (стр. 108), пытна *бележка* 'вопросительный знак' (стр. 109, 112), чудовна *бележка* 'восклицательный знак' (там же). В значении 'знак, признак' слово *бележка* 35 раз употреблено в книге «Чюдосиите на Робенсина Круссо», изданной И. Богоровым в 1849 г.¹⁰ Немногим меньше случаев употребления *бележка* в таком же значении и в «Епичерете» (1849 г.), например: «Дадох доста *бележки* на приятелството ми» (стр. 80); «Явяванието ни ще е *бележката* за съшиванието на предавниците» (стр. 217); «Неджиц гледаше да ся развява бяла кърпа, която ся виждаше да я махка жена както *бележка* на него. Недотегна му, че тя *бележка* идеше от Ермения» (стр. 293) и под.

Как видим, уже в первых своих произведениях И. Богоров широко употребляет слово *бележка* в значении 'знак, признак'. В современном литературном языке такого значения это слово не имеет¹¹. Имело ли оно в 40-е годы XIX в. все значения, присущие ему в современном литературном языке, мы за недостатком материала сказать не можем, но некоторые из них в это и ближайшие десятилетия оно бесспорно уже имело. Напри-

⁸ В. Георгиев, И. Гълъбов, Й. Заимов, С. Илчев. Български этимологичен речник. св. I. София, 1962, стр. 41, где *бележка* (в статье на *белег*) указано без ссылки на И. Богорова. Ср. *деец* (там же, св. V, 1966, стр. 351, статья на *бел*), при котором в скобках указано «Богоров». Это, видимо, означает, что, по мнению авторов словаря, слово *деец* сочинено И. Богоровым.

⁹ Ср. *знак (небесни)* и *зодия* в таком же значении в вышедшей в том же году книге Х. Сичан-Николова «Месецослов или календар вечий»: «Солнцето преминува круговидно (околчесто) дванадесете *знакове* (белези) *небесни*, които се именува *зодии*» (стр. 41); «А солнцето докле да заобиколи сичките дванадесет *небесни знакове* или *зодии*» (там же). Обращает на себя внимание то, что заимствованное из церковнославянского или русского языка слов *знак* Х. Сичан-Николов поясняет в первом примере народным словом *белег*. О том, что *знак* в то время пуждалось в пояснении этим словом, видятельствуют и другие примеры; ср.: «Не подобава да ги отпоздравяваме напред догде они нам не дадат *знак (беляк)*» («Славно-болгарское детоводство», ч. 1. Крагуевац, 1835, стр. 22). Все примеры здесь и ниже передаются средствами современной болгарской графики.

¹⁰ Несколько примеров из этой книги приводит в своей диссертации К. Гутшмидт (Ibid., S. 148).

¹¹ «Речник на съвременния български книжовен език», т. 1. София, 1955, стр. 54.

мер, а) значение 'примечание, замечание': «Ако той не измисляше... нови имена, както прилог, местоиме, свързка, сегашно, капка, питна бележка..., ако в *бележките* помещаваше и кавичките, грамматиката му щеше да ся нарече по добра от колкото до сега» (В. Априлов. Мисли за сегашното българско учение. Одесса, 1847 стр. 35; см. также «Любословие», год. II, ч. 22, 1846, стр. 154); в таблице под названием «Борсата в Цариград 1859 (струванието в каиме)» есть графа для примечаний, озаглавленная «Бележки» («България», год. I, № 2 от 4/16 VI 1859); б) значение 'заметка, небольшая статья': «Виш в приключеная *белешка* что съм приуготовил за наш писмений язык за издания» (Письмо Г. Раковского В. Манчову от 16 IV 1857; см. «Архив на Г. С. Раковски», т. I. София, 1952, стр. 99); название статьи «*Бележка* на една Бурмова *бележка*» («Турция», год. II, № 16, 17 от 23 и 30 X 1865); «Следующите *бележки* ся намериха в джюздана на Петра Тодорова» («Македония», год. II, № 38 от 17 VIII 1868); в) значение 'оценка (знаний, поведения учащихся)': «Много добре би било, ако учителите бележат секи ден уроците и поведението на учениците и после тия *бележки* да ги подават на училищното настоятелство, което трябва... да посещава училището за да прегледва *бележките* от уроците и поведението на учениците» («Македония», год. II, № 15 от 9 III 1868) и под. См. также значение 'замечание, выговор', которое А. Дювернуа иллюстрирует примером из «Злочеста Кръстинка» И. Блыскова (1870): «Тешко му припадаше, кога суровий ступанин на къщата му правеше някои безсмислени *бележки*»¹².

Некто П. К. Т. И., выступавший против употребления иностранных слов, предлагал заменить словом *бележка* слово *нота*. Обращаясь к П. Р. Славейкову, редактору газеты «Македония», он писал: «Разве вы не видите, что болгарин скорее поймет, что такое *правоведец*, а не *юрист*,... *проглашение*, а не *прокламация*, *бележка*, а не *нота*». («Македония», год. V, № 27 от 6 VII 1871). Здесь, впрочем, не ясно, что именно имел в виду пурист, предлагаемая такая замена: дипломатический документ, музыкальный знак или оценку знаний (балл).

Если согласиться с теми, кто рассматривает *бележка* как один из неологизмов И. Богорова, то следует признать, что это слово, начиная с 1842 г., во-первых, довольно быстро и широко распространилось в болгарском языке и, во-вторых, столь же быстро расширило круг своих значений. Хотя в принципе подобное развитие конкретного слова и возможно, в данном случае оно вызывает сомнение. Дело в том, что слово *бележка*, в случае его создания И. Богоровым в 1842 г., все же вряд ли смогло бы в течение менее двух десятилетий настолько распространиться, чтобы проникнуть даже в народные песни, как об этом свидетельствует пример из сборника песен Д. и К. Миладиновых (в песне из Кукушко): «Нел зароси ситна роса/, Та си изми *бележките* /*Бележките* църни кърви/, Що бележи дърво камен» («Български народни песни», Загреб, 1861, стр. 19). В этой же песне слово *бележка* употреблено еще раз несколькими строками выше, но оно передано с опечаткой — *беленки* вместо *бележки*: «По *беленки* път ке надиш» (там же).

Нужно иметь также в виду, что словотворчество и пуристическая деятельность И. Богорова уже в середине XIX в. не находили поддержки среди большинства болгарских книжников. Несмотря на это, слово *бележка*, как видно из сказанного, имело широкое распространение, и это также заставляет с сомнением относиться к точке зрения тех, кто приписывает его создание И. Богорову.

Сказанное, разумеется, может лишь косвенно свидетельствовать о том, что слово *бележка* не было создано И. Богоровым. Бесспорным свидетель-

¹² А. Д ю в е р н у а. Словарь болгарского языка, вып. 1. М., 1885, стр. 80.

ством этого могли бы явиться примеры употребления данного слова в тексте, написанном до выхода из печати первых книг И. Богорова. Таким текстом, возможно, является неопубликованный перевод Р. Поповича «Младого Робинсона случаем»¹³, в котором *бележка* встречается в значении 'знак': «Тогава той забележил онова място... с една драскалка, и та драскалка он нарицал *бележка* пладненска, и после колкото пъти дохождада сянката на него място, сиреч на *бележката*, зналял си, чи е совершенно пладне» (т. II, стр. 41)¹⁴.

В связи со сказанным необходимо обратить внимание и на то, что в современном сербско-хорватском языке употребляется *белешка* (*бильешка*), имеющее в общем тот же круг значений, что и болг. *бележка*¹⁵. В словенском языке имеется *beležka*. Если болг. *бележка* создано И. Богоровым, то относительно с.-х. *белешка* (*бильешка*) и слов. *beležka* следовало бы допустить, что они или а) заимствованы из болгарского, причем после издания «Математической географии» в переводе И. Богорова, т. е. после 1842 г., или б) употребляются в них издавна и независимо от болг. *бележка*. Первое предположение явно несостоятельно. Слово *бильешка* в значении 'ein Merkblatt im Buche, nota', приводится, например, во втором издании словаря Вука Караджича (1852 г.)¹⁶. Вряд ли можно доказать, что Вук Караджич или кто-либо до него, как и после него, заимствовали это слово из малоизвестных еще в то время произведений болгарских авторов, в том числе и И. Богорова, и что это слово за короткий срок смогло попасть даже в хорватские народные песни¹⁷. Это же относится и к слов. *beležka*. Следует думать, что рассматриваемое слово появилось в сербско-хорватском и словенском языках независимо от болг. *бележка* и оно представляет собой, по видимому, давнюю общеюжнославянскую лексему.

Распространенное мнение о том, что слово *бележка* было создано И. Богоровым, является заблуждением, источник которого лежит, как нам кажется, в известном критическом высказывании В. Априлова о языке первого издания грамматики И. Богорова. В. Априлов писал: «Если бы он (Богоров. — Г. В.) не выдумывал, что, однако, не имеет никакого существенного неудобства, новых имен, как *прилог*, *местоиме*, *свързка* (у Априлова здесь опечатка: *свъзка* вместо *свързка*. — Г. В.), *сегашно*, *капка*, *питна бележка*..., то его грамматика была бы лучше, чем есть теперь»¹⁸. В. Апри-

¹³ Этот перевод был сделан не позднее 1839 г. (См. письма Г. Крыстевича к З. Зографскому в кн.: И. Снегаров. Принос към биография на Райно Попович. София, 1959, стр. 143, 208). В 1840 г. перевод был заново переписан и послан для просмотра Неофиту Рилскому (Там же, стр. 232, 236), но он не был опубликован ни в 40-е годы, ни позднее. Сохранившийся текст перевода с титульным листом, на котором указан 1857 г. (см. Б. Цонев. Опис на ръкописите и старопечатните книги на Народната библиотека в София, т. I. София, 1910, стр. 423), свидетельствует о том, что Р. Попович в этом году, вероятно, надеялся его напечатать. Поскольку неизвестно, подвергался ли переписанный в самом начале 40-х годов перевод впоследствии каким-либо изменениям или нет, мы не можем с полной уверенностью утверждать, что Р. Попович употреблял слово *бележка* и в первоначальном тексте перевода.

¹⁴ Этот пример мне сообщил К. Гутшмидт (письмо от 10 VII 1966 г.), за что принишу ему искреннюю благодарность. Сам К. Гутшмидт в упомянутой диссертации материал данного текста Р. Поповича почему-то не привлекает для доказательства того, что слово *бележка* не было создано И. Богоровым. Ср. с этим цитируемые им примеры со словом *часовник* из этого же текста. (К. G u t s c h m i d t. Ibid., S. 116).

¹⁵ См. «Речник српскохрватског књижевног и народног језика», кн. I. Београд, 1959, стр. 441.

¹⁶ В. Караџић. Српски рјечник и тумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. У Бечу, 1852, стр. 26.

¹⁷ В выпущенном в начале 80-х годов словаре приводится пример на употребление *бильешка* в хорватской песне. См.: «Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika», d. I. Zagreb, 1880—1882, s. 53.

¹⁸ В. Априлов. Мисли за сегашното българско учение. Одесса, 1847, стр. 35; см. также «Любословие», год. II, 1846, ч. 22, стр. 154, где, правда, примеры указаны в

лов, однако, имел здесь в виду выделенные слова как грамматические термины и возражал против этих слов (хотя этого прямо и не отмечал) именно как грамматических терминов, которыми И. Богоров заменял привычные для В. Априлова термины русской грамматики *местоимение, союз, настоящее (время), точка, знак (препинания, вопросительный, восклицательный)* и др. Но В. Априлов не выступал против слова *бележка* в других значениях. Более того, он сам употреблял его, причем в только что цитированной фразе, где он критикует И. Богорова и за слово *бележка* (болгарский текст этой фразы см. выше, стр. 42). Если бы В. Априлов ставил И. Богорову в упрек употребление этого слова вообще, а не как грамматического термина, то, надо думать, он и сам не употребил бы его.

Однако позднее исследователи языка и творчества И. Богорова, опираясь на мнение его современника — В. Априлова, стали рассматривать перечисленные последним слова не как предложенные И. Богоровым грамматические термины, а как вообще созданные им слова-неологизмы. В этом отношении показательно, например, мнение Б. Пенева. Касаясь неологизмов И. Богорова и отношения к ним его современников, Б. Пенев писал: «Так, например, Априлов осуждал Богорова за слова *бележка, свързка, сегашно*... Теперь эти слова для нас совсем обычны, совсем естественны, и нам даже в голову не приходит, что некогда они могли казаться смешными и невозможными»¹⁹. С. Стойков также отмечает, что В. Априлов якобы упрекал И. Богорова за «неудачные новообразования», например, *бележка, връзка, сегашно*, которые в настоящее время являются «самыми обычными словами»²⁰. О том, что и С. Стойков, по-видимому, рассматривает *бележка* не как неудачно использованное болгарское слово в значении грамматического термина, а как вновь созданное И. Богоровым слово («новотворба»), говорит и отсутствие этого слова среди примеров, которыми С. Стойков иллюстрирует болгаризованные И. Богоровым русско-славянские грамматические термины²¹. На В. Априлова ссылается также и Л. Стойкова²².

Итак, слово *бележка*, как правильно подчеркивает К. Гутшмидт, не было создано И. Богоровым. Оно вошло в литературный язык, видимо, из народного языка. И. Богорова следует считать лишь первым болгарским книжником, употребившим его в печатном произведении. Переводя русск. *знак*²³ этим словом, И. Богоров, правда, придавал болг. *бележка* новые значения, в частности ‘знак (зодиака)’, ‘знак (препинания)’, ранее ему не свойственные. Любопытно, что именно эти значения не закрепились за словом *бележка* в литературном языке. Это, несомненно, свидетельствует о неудачной попытке болгарского пуриста придать слову *бележка* новые значения.

2. Сегашен

Относительно происхождения слова *сегашен* в современном болгарском литературном языке также существуют разные мнения. Б. Пенев и С. Стойков относят его к числу новообразований И. Богорова, казавшихся в

несколько ином порядке и точнее (*свързка*, а не *свръзка*). В обоих изданиях, однако вместо *питна бележка*, как у Богорова (см. «Първичка българска граматика», стр. 109, 112), ошибочно напечатано *питка бележка*, а в «Любословию» даже с запятой между этими словами.

¹⁹ Б. П е н е в. Там же, стр. 835—836.

²⁰ См. предисловие С. Стойкова к кн.: И. Б о г о р о в. Избрани страници, стр. XXVIII; С. С т о й к о в. Иван Богоров и чуждите думи в българския език, стр. 12.

²¹ С. С т о й к о в. Там же, стр. 8.

²² Л. С т о и ч к о в а. Там же, стр. X.

²³ Слово *знак* в народном языке встречается, кажется, только в западной Болгарии. Ср. значение ‘камен кръст на оброчище’ — с. Ново село, Видинско (Т. П а н ч е в. Дополнение на българския речник от Н. Геров. София, 1908, стр. 137); значение ‘поличба, знамение’ — в ихтиманском говоре (М. М л а д е н о в. Лексиката на ихтиманския говор. — «Българска диалектология», кн. III. София, 1967, стр. 74).

его время «смешными и невозможными», а в настоящее время являющихся совсем обычными словами²⁴. Л. Стоичкова рассматривает *сегашен* среди других народных слов, которыми И. Богоров якобы удачно переводил «ненужные и уродливые иностранные слова»²⁵. М. Москов характеризует *сегашен* как неологизм И. Богорова лишь в значении грамматического термина «настоящее (время)», не приводя этому никаких доказательств²⁶. Кто же прав?

Прежде всего следует сказать, что слово *сегашен* еще до начала книжной деятельности И. Богорова широко употреблялось в болгарском языке. Приведем лишь несколько примеров из печатных изданий и писем 20—40-х годов прошлого столетия.

В объявлении, датированном 4 мая 1827 г., А. Кипиловский пишет: «И в *сегашините* времена тя може да ся почита за най-добрата История на нашият народ» (см. Б. А н г е л о в. Рилска преправка на «История славеноболгарская». София, 1966, стр. 138). Неоднократно встречается это слово в «Болгарской грамматике» Неофита Рилского (1835 г.), например, «речи, в които в *сегашиният* славенски язык стоят *e, o* и *y*» (стр. 38) и в брошюре В. Априлова «Българските книжници» (1841 г.): «*Сегашините* солунски жители» (стр. 13); «в *сегашиното* време» (стр. 16); «*сегашиното* просвещение» (стр. 14) и др. Часто встречается *сегашен* в письмах болгар того времени, например: «Ланските ми мъдрувания отстоят.. от *сегашините* (Писмо Н. Рилского от 9 XI 1838 — «Периодическо списание», кн. 25—26, 1888, стр. 59); «А що ме питате за *сегашиното* ми состояние» (Писмо А. Стояновича от 1 XI 1838 — «Училищен преглед», 1906, кн. 7, стр. 724); «за вашето *сегашино* бедно состояние» (Писмо З. Зографа от 7 XI 1838 — «Сборник на Българската академия на науките», кн. XXI, 1926, стр. 193); «*Сегашиният* экзамен е полгодашен» (Писмо Н. Герова 21 XII 1840; см. «Из архивата на Н. Геров», т. I. София, 1911, стр. 356); «Книга весма полезна за *сегашиното* состояние на нашето духовенство» (Писмо Н. Герова от 25 I 1841 — Там же, стр. 330); «Когато отишел *сегашино* кюстенитский просветител Павел Сербин» (Писмо Н. Христовича от 1 II 1842 — «Сборник на Българската академия на науките», кн. XXI, 1926, стр. 245). Р. Попович в книге «Христия или благонаравие» (1837 г.) несколько раз употребляет *сегишен*, например, «Ами от *сегишините* (человеци. — Г. В.)... да ли има някой да дума за това» (стр. 33).

Приведенные примеры, составляющие лишь незначительную часть нашей коллекции, извлечены только из источников, написанных до выхода в свет первых книг И. Богорова. Отметим, что *сегашен* (*сегишен*) встречается и в гораздо более ранних источниках, например в Свиштовском дамаскине (1753 г.): в *сегашиното* време (стр. 204), заради *сегишините* беда (стр. 316). Эти примеры с полной очевидностью свидетельствуют о том, что *сегашен* еще до начала книжной деятельности И. Богорова было вполне обычным и широко употребляемым словом и что его нельзя характеризовать как «невозможное» или «смешное» в то время слово. Они также показывают, что нет оснований безоговорочно причислять *сегашен* к таким народным словам, которыми И. Богоров заменяет «ненужные и уродливые иностранные слова».

Заслуга И. Богорова заключается в том, что он впервые в своей грамматике (1844 г.) использовал слово *сегашен* (точнее: *сегашино*) в значении грамматического термина: *сегашино* (время) вместо русского (и церковнославянс-

²⁴ Б. П е н е в. Там же, стр. 835; С. С т о и к о в. Иван Богоров и чуждите думи в българския език, стр. 12.

²⁵ См. предисловие Л. Стоичковой к кн.: И. Б о г о р о в. Избрани съчинения. София, [1940], стр. X.

²⁶ М. М о с к о в. Там же, стр. 53—54.

кого) термина *настоящее (время)*. До И. Богорова в болгарской грамматической литературе использовался только термин *настояще (время)*, точнее: *настоящее (время)* ²⁷. Этот же термин употребляют многие грамматисты и позднее — И. Груев, И. Момчилов, Д. Войников, С. Радулов, Т. Шишков, Т. Икономов и др. ²⁸.

Что же касается термина *сегашно време*, то первым после И. Богорова его употребил Е. Васкидович, который, объясняя значение форм настоящего времени, писал: «Когато кажа: аз скачам, секий разумява, как аз в тая суща минута скачам, и това е *время сегашно*» ²⁹. В более широкий обиход этот термин стал входить только в конце XIX в. — грамматики Н. Пырванова, А. Теодорова-Балана и др. ³⁰ Любопытно, что сам И. Богоров впоследствии предлагал вместо *сегашно време* употреблять *нинешно време* ³¹.

В случае со словом *сегашен* мы сталкиваемся с тем же заблуждением, какое видели и в случае со словом *бележка*. Причина его лежит в уже цитированном выше критическом замечании В. Априлова относительно некоторых слов в первом издании грамматики И. Богорова. Однако В. Априлов возражал не вообще против слова *сегашен*, а лишь против употребления его в качестве грамматического термина вместо *настояще (время)*, хотя прямо это он и не говорил. Об этом лучше всего свидетельствует то, что сам В. Априлов слово *сегашен* употреблял в той самой брошюре, в которой критикует И. Богорова за выдуманные «новые имена», в том числе и *сегашен*. Ср. хотя бы заглавие самой брошюры: «Мисли за *сегашното* българско учение». Употреблял В. Априлов это слово и раньше (см. выше, на стр. 45, примеры из «Български книжници»), но тоже не в значении грамматического термина.

3. Разноски

А. Теодоров-Балан писал о слове *разноски*, что он был бы рад, если бы мог указать на какое-нибудь созданное им самим болгарское слово, которое бы имело такое же широкое распространение, какое имеет даже «среди хулителей Богорова созданное им слово *разноски*» ³². А. Теодоров-Балан, таким образом, без всяких оговорок считает, что слово *разноски* придумано И. Богоровым. Такое же происхождение этого слова, ссылаясь на мнение А. Теодорова-Балана, не исключал и М. Москов ³³.

Однако А. Теодоров-Балан ошибался. Слово *разноски* в первых произведениях И. Богорова, изданных в 1842 г., не встречается. Между тем это слово в его современном значении «расходы» зафиксировано в одном объяснении А. Экзарха, датированном 24 сентября 1842 г.: «книгите еднош

²⁷ Н. Р и л с к и. Болгарска граматика. Крагуевац, 1835, стр. 122, 123 и др.; Хр. Д у п н и ч а н и н (П а в л о в и ч). Грамматика славено-болгарска. В Будиме, 1836, стр. 20 и др. Весьма показательно то, что Н. Рилский, не употребляя *сегашно време* в качестве грамматического термина, в своей грамматике широко использует это словосочетание в обычном значении «теперь, сейчас», например: «Тия са речи турските обикновени в Болгарията на *сегашното време*» (стр. 35), «Часть слова в языкат, която нито в простолюдното произношение се употребява на *сегашното време*» (стр. 67), «Каквото шо прават сичките народи на *сегашното време*» (стр. 70), «Ако и да искаха некой на *сегашното време* совсем да изостават *ы, и, ъ, ъ*» (стр. 31), «Речи турски и гречески, които са во употребление на *сегашното време*» (стр. 204) и др.

²⁸ Об употреблении термина *настояще време* в болгарских грамматиках XIX в. см. в статье: М. И в а н о в. По историята на нашата граматическа терминология. — «Периодическо списание», кн. 64, 1903, стр. 175 и след.

²⁹ Е. В а с к и д о в и ч. Перва понятия за детинско употребление. Белград, 1847, стр. 81.

³⁰ М. И в а н о в. Там же, стр. 175 и след.

³¹ И. Б о г о р о в. Второ утъване за българский език. Виена, 1870, стр. 6.

³² А. Т е о д о р о в - Б а л а н. Български записи. София, 1956, стр. 278.

³³ М. М о с к о в. Там же, стр. 53.

напечатани трябва да ся продадат... за да въздадат на писателю с лихва причиненните за напечатанието *разноски*»³⁴. Это объявление было издано литографским способом³⁵ и было, надо думать, распространено среди болгар. Возможно, что его читал и И. Богоров. Разумеется, И. Богоров впоследствии мог ввести слово *разноски* в свои тексты независимо от объявления А. Экзарха. Однако приведенный пример убедительно показывает, что, во-первых, слово *разноски* уже было известно болгарам до употребления его в сочинениях И. Богорова и, во-вторых, приписывать с о з д а н и е этого слова И. Богорову нет никаких оснований.

Возможно, что И. Богоров и сыграл известную роль в утверждении слова *разноски* в литературном языке, но это другой вопрос, который еще нуждается в специальном изучении на более широком материале. Прежде всего важно установить, когда впервые употребил это слово И. Богоров. Согласно имеющемуся у нас в настоящее время материалу, впервые он употребил его в приложенном к первому изданию грамматики словарице, где слово *разноска* указано как болгарское соответствие заимствованному из турецкого языка слову *харч* 'расходы, издержки' («Първичка българска грамматица», Букурещ, 1844). В форме единственного числа это слово, как известно, в современном литературном языке не употребляется. Во втором издании грамматики И. Богоров употребляет форму множественного числа *разноски*: «А на старецът не можа да даде никаква наука, колкото дето той сам си беше научил с големи *разноски*» («Първичка българска словница», Стамбул, 1848, стр. 107). Укажем также примеры из газеты «Цариградски вестник», № 54 от 25 VI 1849 г.: «Закопи не дават всякому правдина да казва каквото мисли заради тях, какво заради *разноските* на хазната»³⁶; «Тие задържават поминочното и търговското действие, което лесно може да допълни загубата на войската от голямата *разноска*»³⁷.

Имеющийся материал позволяет утверждать, что в 50-е годы слово *разноски* встречалось довольно часто. Так, в одном лишь разделе «Съвременна летопис» в № 1 журнала «Български книжици» (1858 г.) оно встречается четыре раза: «Всяка гемия... бе длъжна да плаща на местното правителство *разноски* не само за гемията, но и за стоката» (стр. 4); «в възнаграждение за ония *разноски*» (стр. 4); «... средствата, с които ще ся посрещат *разноските*» (стр. 6); «Отоманското правителство приема *разноските* им» (стр. 18). Приведем еще несколько примеров из разных изданий 50-х годов: «И капитанат като ся одолжи да тегли *разноските* за връщането назад, не ще има дозволение нито в пристанището да влезе» («Цариградски вестник», № 255 от 17 XII 1855); «Хюджетите може... да ся пратят на новият сахибия, без да стават излишни *разноски*» (Там же, № 264 от 18 II 1856); «Хотя и да не ся е явило даже до сега толико спомоществувателех, колико може посрешна нуждния *разноски* за издаване тог лист» («Българска дневница», № 1 от 26 VI 1857³⁸); «Султан Махмуд за да посрешне *разноските* и вознаграждението на войната... пусти низка монета» («Български книжици», 1858, ч. I, кн. 2, стр. 39); «По подир бяха създадени кайлета..., за да дадат на правителството средство да посрешне *разноските* на войната с Египет» (там же); «На това имами живи еще доказателства последни севастополски съюзни бой, де толкова кръв ся проля и толкова *разноски* и пагу-

³⁴ Цитирую по тексту объявления, изданному В. Пундевым. См.: В. Пундев. Константин Огнянович.— «Сборник на Българската академия на науките», кн. 36, 1942, стр. 290.

³⁵ В. Пундев. Там же, стр. 233.

³⁶ Цитирую по изданию: «Периодически печат преди Освобождението», ч. 2, София, 1930, стр. 19.

³⁷ Там же, стр. 18.

³⁸ Цитирую по изданию: «Периодически печат преди Освобождението», ч. 2, стр. 30.

би станаха» («Българска дневница», № 5 от 12 X 1860³⁹) и др. Однако какова заслуга И. Богорова в столь широком распространении слова *разноски* в это десятилетие и позднее трудно сказать. Нельзя исключать того, что это слово употреблялось в болгарском языке уже задолго до его первой известной нам письменной фиксации и было общеизвестным для болгар. В связи с этим обращает на себя внимание то, что ни в одном из имеющихся у нас примеров слово *разноски* не сопровождается поясняющими словами, которые книжники того времени указывали нередко при мало известных и непонятных с их точки зрения словах.

Рассмотренные здесь слова *бележка*, *сегашен* и *разноски*, как и анализируемое в другом месте слово *часовник*, также почти всеми считаемое новообразованием И. Богорова⁴⁰, показывают, что действительный вклад И. Богорова в лексику современного болгарского литературного языка нуждается в тщательном изучении. Об этом же свидетельствует и упоминавшаяся выше диссертационная работа К. Гутшмидта, где приведен ряд употребительных ныне слов (в частности, *гледка*, *поврзанина*, *прегръдки*), которые, по мнению К. Гутшмидта, были созданы И. Богоровым и которые раньше ему не приписывались⁴¹.

³⁹ Там же, стр. 48.

⁴⁰ См. нашу статью «К истории болг. *часовник*» в сб. «Этимология», М., 1968. В дополнение к приведенным в этой статье примерам, подтверждающим употребление слова *часовник* 'часы' до выхода в свет книг И. Богорова, укажем еще следующие.

К. Гутшмидт в своей диссертации (K. G u t s c h m i d t. Ibid., S. 116) приводит примеры на употребление *часовник* в дневнике Неофита Рилского: повредился *часовник* мой (запись от 22 II 1837); скорбь о изгублении *часовника* (запись от 17 V 1846) — «Сборник на Българската академия на науките», кн. XXI, 1926, стр. 95, 112) и в переводе Р. Поповича «Робинзон Крузо» (об этом переводе см. выше стр. 43): един солнечный *часовник* (ч. II, стр. 40). Слово *часовник* употребляет также Н. Христович в письме Н. Рилскому от 24 IV 1839: «Да ви испроводим *часовникат* чрез некого Партений, не биде, ... защо сахато беше оставил Кир Алексей за след воскресение да оправи» («Сборник на Българската академия на науките», кн. XXI, 1926, стр. 211). Н. Христович, правда, явно предпочитает *сахат* слову *часовник*, о чем, кроме приведенного, свидетельствуют и два других примера на *сахат* в этом же письме (стр. 211, 213).

К указанным в этой же статье словам со значением 'часы', добавим слово *часник*, дважды употребленное Г. Крыстевичем в одной статье середины 40-х годов: «За това никой дар не требуваше да му е по приятея от чутнияз оний *часник* (сахат), що му проводи калифът Арун-ал-Рашид» (см. К. О г я н о в и ч. Забавник за лето 1846. Париж, 1846, стр. 150); «Бюффон... за това бе дал воля на слугата си, като удари толково *часникът*, да го бие» (там же, стр. 153). И. Добрович в значении 'часы' рекомендовал употреблять слова *часоказ* («Мирозрение», I, 1850, сл. 3, стр. 44); ср. и пример: «По пладняни пристигна чауш Беглер-беов и носящи *часоказ* (сахат), който ние бяхми му дали» (там же, I, 1851, сл. 4, стр. 67).

⁴¹ K. G u t s c h m i d t. Ibid., S. 138, 141.

Т. С. КАРСКАЯ

ТРИ МЕСЯЦА В ПРАГЕ

(Записные книжки А. Н. Пыпина)

Приехав в конце января 1859 г. из Праги в Берлин, Пыпин тотчас же принялся за работу для «Современника». В короткий срок — первая часть очерка предназначалась в мартовский номер — ему предстояло собрать воедино, а затем систематизировать пражские впечатления. Очерк, названный «Два месяца в Праге»¹, должен был по возможности полнее и шире осветить жизнь современного чешского общества, социальную, культурную и научную. Работая над ним, Пыпин использовал свои записные книжки-дневники, которые он то с большим, то с меньшим прилежанием вел во время своего путешествия. Записи подобного рода составили фундамент и очерка — «Из Праги»², написанного через год после второго посещения Пыпиным столицы чехов. Широко пользовался он своими записями, когда писал в 1861 г. очерк-некролог «Вячеслав Гапка»³. Обращался к ним и при написании своих трудов: «Обзор истории славянских литератур»⁴ и «История славянских литератур»⁵, а также при создании автобиографической книги «Мои заметки». Вследствие того, что научная деятельность Пыпина-слависта до сих пор изучалась мало, его записные книжки не привлекали внимания исследователей. Они хранятся в Отделе рукописей Института русской литературы АН СССР в Ленинграде (Пушкинский дом) и зарегистрированы в описи рукописного наследия А. Н. Пыпина (фонд № 250) под № 96.

Большая часть записей производилась вечером того же дня, когда происходили важные для Пыпина встречи и события; только в редких случаях записи опаздывали на день-другой. Они позволяют уточнить даты, а иногда даже и часы встреч и событий, описанных в очерках Пыпина о Праге и в его письмах к В. И. Ламанскому из Праги и Берлина⁶, освещают факты, еще не вошедшие в научный обиход.

Книжек всего три. Одна из них — обозначим ее для удобства № 96-а — содержит материал о первом этапе путешествия Пыпина⁷. В ней нашло отражение его пребывание в 1858 г. в Германии, Франции и Италии. Только на л. 14 помещена запись о его выезде в Прагу: «15-го выехал в Прагу вместе с Раевским». Весь основной материал о пражской жизни Пыпина содержится в книжках, условно обозначаемых нами № 96-б и 96-в. Все три книжки приблизительно одинакового формата и вида. Переплет большей из них (№ 96-в) из темно-синей кожи с тиснением, размер 148 × 82 мм, меньшей

¹ Опубликован в «Современнике», 1859, № 3 и 4.

² См. «Современник», 1860, № 2.

³ Там же, 1861, № 3.

⁴ А. Н. Пыпин, В. Д. Спасович. Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865.

⁵ А. Н. Пыпин, В. Д. Спасович. История славянских литератур, т. II. СПб., 1881.

⁶ Три письма Пыпина к Ламанскому: от 22 ноября и 19 декабря 1858 г. и от 29 января 1859 г. см. в кн.: «Документы к истории славяноведения в России», АН СССР, М.—Л., 1948.

⁷ В автобиографической книге «Мои заметки» (М., 1910) Пыпин пишет, что ему предложили в 1857 г. выехать на два года за границу «в видах приготовления» к профессорской деятельности по кафедре западноевропейских литератур.

(№ 96-а) — 128 × 75 мм. Книжки золотообрезные; число листов в них различное, в среднем около 50, толщина 10—12 мм. На лицевой стороне переплета двух из них вытиснено золотом слово «Notes»; имеются кожаные петли для карандаша-скрепки, кармашки под коркой переплета. Записи, то карандашом, то чернилами, черными или коричневыми, расположены на обеих сторонах листов. Почерк мелкий, бисерный, скоропись, местами с трудом поддающаяся прочтению. Записи чаще всего на русском языке, встречаются выписки по-латыни, на немецком, французском, итальянском и чешском языках. На некоторых листках рисунки, с пояснениями и без них. В книжке № 96-б на оборотной стороне л. 43 карандашный рисунок с пояснением рукой Й. Коларжа; «Jungmannovo rodište v Hudlicich u Beroupa»⁸. Интересны шаржи на Пыпина и его товарищей по путешествию — речь об этом будет ниже — в книжке № 96-в. На одном из ее последних листов, кроме того, нарисованы, довольно неумело, профильные портреты Я. Жижки с повязкой на глазу и приятеля Пыпина Коларжа. Попадают автографы, памятные реликвии. В кн. № 96-б на оборотной стороне л. 28 автограф В. Ганки: карандашом написано четверостишие с указанием автора — Адам Вилем Яновский, весьма острое по содержанию⁹. Здесь же пометка Пыпина: «11 дек[абря] 1858. В. Ганка». К оборотной стороне л. 34 (кн. № 96-в) прикреплен засохший цветок, под ним написано рукой Пыпина: «Цветок, происходящий из Кралева двора, от Коларжа» и в скобках почерком последнего: «Ze Zvičiny». С внутренней стороны нижней части переплета кн. № 96-б подклеена программа концерта, в которой подчеркнуты напечатанные по-чешски названия исполнявшихся номеров: «Сарафан» и «Соловей»¹⁰. В карманчике список фрагмента из поэмы К. Гавличка «Крещение св. Владимира» — «Píseň o Vladimíru» на чешском языке, по-видимому, один из многочисленных списков поэмы, ходивших в то время по рукам, так как листок имеет потертый вид.

Приступая к характеристике содержания записных книжек, прежде всего остановимся на датировке пребывания Пыпина в Праге. Книжка № 96-б открывается следующей записью, помещенной на первом листе: «Вена и Прага, ноябрь 1858 — январь 1859». Последующие записи уточняют даты. На л. 15 записано: «Я приехал в Прагу 16-го ноября утром вместе с Раевским, который поехал дальше в Берлин», а на л. 51: «Вчера, т. е. 25 января, я собирался уже уезжать из Праги, как явился Сухомлинов, и я остался до нынешнего утра». Однако, как явствует из последней уцелевшей записи (от л. 52 сохранилась только узенькая полоска верхней части), Пыпин не уехал и 26-го января¹¹. Вероятно, это произошло только на следующий день — 27-го, но и не позже: он считал все свои дела в Праге оконченными и задерживаться не входило в его планы. Если сосчитать дни, проведенные Пыпиным в Праге, то получится, что в первый свой приезд он пробыл в столице чехов не два месяца, как округлено в наименовании очерка, а семьдесят два дня. Уточняется датировка и второго пребывания ученого в Праге — до сих пор не были известны даже его основные вехи¹². В книжке № 96-в на л. 42 записано: «11-го [декабря 1859 г.] утром в Праге», на л. 48 «января [1860 г.] утром уехал из Праги в Дрезден». Оказывается, что во второй свой приезд Пыпин прожил в Праге 24 дня. Всего же вместе с первым посещением это составляет три полных месяца. Отметим, что за этот срок Пыпин основательно изучил чешский язык.

Точная датировка записей позволяет почти день за днем проследить пражскую жизнь Пыпина. Становится известным, когда именно и при каких обстоятельствах мо-

⁸ Перевод: «Родной дом Юнгманна в Гудлицах близ Бороуна».

⁹ В некрологе «Вячеслав Ганка» Пыпин писал, что Ганка «с удовольствием показывал [...] весьма крепкое четверостишие на немец, отысканное им в старом альбоме чешского патриота из XVIII столетия...» — «Мои заметки», стр. 305.

¹⁰ Как видно из записи на л. 17 (кн. 96-б), этот концерт состоялся в Чешской беседе 18 ноября 1858 г.

¹¹ На обороте уцелевшей части л. 52 запись: «Вечером 26 января 1859 г. я думал уже ехать: я остался, чтобы взять Вацликовы письма и посылку к гр[афине] Блудовой и Катенину...».

¹² Пыпин лишь в самой общей форме писал об этом в очерке «Из Праги»: «Нынешней зимой Прага опять лежала на моем пути, и я с удовольствием надеялся провести там еще несколько недель». — «Мои заметки», стр. 251.

лодой ученый познакомился с В. Ганкой, Я. Е. Пуркине, Ф. Езберой, К. Я. Эрбенем, М. Гатталой, В. Б. Небеским, П. И. Шафариком и его сыном Войтехом, Э. Тонвером, Я. С. Томичком, Ф. Шульцем и многими другими лицами, какого числа он посетил В. Крольмуса, В. К. Клищперу, Б. Немцову, Ф. Палацкого, был в гостях у К. В. Запа, молодого графа Коуница, певицы Медалевой. Открывается возможность уточнить и время работы Пыпина над его первым «Письмом» о русской литературе. В книжке № 96-б на л. 25 записано: «27-го [ноября 1858 г.]. Небеский [...] просил меня сегодня написать им о русской литературе для Часописа¹³. Мне бы очень хотелось это сделать». Просьба Небеского была выполнена. В начале января 1859 г. Пыпин делает следующую запись: «4-го, вторник. Утром в Музее читал с Небеским чешские корректуры своей статьи [...]»¹⁴ (кн. № 96-б, л. 45).

Молодого русского ученого встретили в Праге радушно¹⁵. Дневниковые записи свидетельствуют о том, что он стал своим человеком в пражском учено-литературном кругу. Многие знакомства быстро теряли налет официальности, обретая характер дружеских отношений. Особенно же Пыпин сблизился с хранителем музея Ганкой, уделявшим много внимания русскому гостю, а также с поэтом Й. Коларжем, публицистом Я. Вацликом и певицей В. Медалевой — своими сверстниками. Ганка, Коларж и Вацлик стали главными посредниками в знакомстве Пыпина с чешской культурой и ее деятелями.

Заслуживает внимания уже самая первая запись, сделанная молодым ученым о знакомстве с Ганкой¹⁶: «Я приехал в Прагу 16-го ноября утром вместе с Раевским, который отправился дальше в Берлин. Устроившись в Stadt Wien, наполненном чехами, я сделал первый визит Ганке в его музей. Старый чех, в своем странном паричке, был уже знаком мне по портретам: я узнал его с первого раза. Поговоривши немного, он пошел показывать музей, показал нам¹⁷ старинный Stammbuch, в котором написано весьма нелестное изречение о немцах, потом подобное же в другой рукописи, показал древние книги и рукописи, оружие и вещи, портрет Жижки, автографы его и т. д. и т. д. (кн. № 96-б, л. 15 и 16).

Нередко Ганка сопровождал своего молодого приятеля в прогулках по Праге. Вдвоем они посетили находившуюся в то время на Малой стране семинарию, где обучалась группа лужицких сербов, так как Пыпин хотел услышать их речь¹⁸. Представляет известный интерес запись Пыпина, характеризующая отношение Ганки и его единомышленников к концепции Шафарика, их мнение по некоторым вопросам славянской письменности: «Вчера, 25-го, опять толковал с Ганкой. Они думают, что Шафарик руководился некоторыми ненаучными соображениями, когда писал о происхождении глаголицы. Он протестант и мог бояться католиков, имеющих большую силу перед конкордатом. Защищая кириллицу, он мог восстановить их против себя. Ганка думает, что глаголица выдумана была врагами кириллицы, чтобы затруднить распространение славянского богослужения. В Сазавском монастыре она держалась за старое предание и Карл IV просто по неведению ошибся, взявшись за нее. Ганка большой враг глаголицы» (кн. № 96-б, лл. 23 и 24).

¹³ Так Пыпин сокращенно именовал журнал «*Časopis Musea Království českého*».

¹⁴ Переводчиком статьи на чешский язык был В. Ганка.

¹⁵ Н. Г. Чернышевский писал родителям Пыпина в Саратов 30 декабря 1858 г.: «Мы получили письмо от Сашеньки. Посылаем его вам. В небольшой приписке ко мне он прибавляет, что чехи встретили его как истинные друзья, и не может нахвалиться их радушием». — Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 369.

¹⁶ Эта запись не датирована, однако дату легко установить по следующей записи от 17 ноября.

¹⁷ Т. е. А. Н. Пыпина и Б. И. Утину.

¹⁸ 27 ноября вечером Пыпин записал: «Юноши очень милые, но язык, говоря беспристрастно, ужасен: мне кажется в нем насажена германская грубость выговора. Мы совсем не так читали по-лужицки. Юноша-наставник сначала преподавал математику, потом прочел нам свой лужицкий перевод Песни о колоколе в размере подлинника. Вот, где эти юные подвижники за славянскую народность» (кн. № 96-б, л. 25).

Ганка охотно рассказывал Пыпину о своей деятельности, в частности о поданном **ым** русскому правительству проекте, предусматривающем открытие славянских кафедр в русских университетах. Немало хранил он в памяти воспоминаний о встречах и беседах с русскими; с некоторыми из них он состоял в длительной переписке. 26-го ноября Пыпин записывает по этому поводу: «24-го вечером протолковал с Ганкой в Беседе. Он видел множество русских старого и нового времени, знал давно Уварова, Блудова, Корфа, Сперанского, потом Надеждина, славянофилов и т. д. Сперанский был в Праге в тридцатых годах и много говорил с Ганкой. Он питал большое сочувствие к славянам. Не столько выказывал его Уваров-старший» (кн. № 96-б, л. 22). Из знаменитого альбома Ганки Пыпин выписал себе несколько заинтересовавших его записей, сделанных Тютчевым, Грановским, Добровским, Мицкевичем, Гоголем, Тургеневым (кн. № 96-б, лл. 21 и 22). Отмечая предвзятость некоторых мнений Ганки, ставивших его в невыгодное положение в ученых спорах, Пыпин вместе с тем питал к нему глубокую и искреннюю симпатию за его горячий патриотизм, самоотверженный неустанный труд по укреплению славянской солидарности, ценил его душевную доброту.

О знакомстве Пыпина с Шафариком довольно подробно рассказано в записи от 22 ноября 1858 г.: «...отправился в библиотеку к Шафарику. Нам показали высокого старика. Разговор [вертелся?] на изучении славянской старины и, особенно, права... Шафарик говорил, что: У древних славян одна из наиболее развитых сторон жизни еще до христианства было право; даже ничто не имело такого своеобразного развития как право... Наши археологи вообще хлопочут о том, чтобы отыскать сходство между славянскими явлениями и явлениями жизни других народов, но это ни к чему не приводит. Напротив, все эти явления только одинаковы, но не тождественны: нет совершенно сходных народов, так как это противоречит закону природы. И если мы видим, что дальнейшая судьба этих одинаковых начал различна, это означает, что в них уже был зародыш этой разницы. Еще враг наш иллюзии и ненаучность, в пример которых он проводил Коллара и Мацевского... Он говорил так же много о современной германской науке, которой отдает полную справедливость: «Теперь для науки Германия представляет более, чем всякая другая страна. *Vöcherntschere* очень сильна, можно часто ошибаться в книгах, но все-таки немцы остались жрецами науки». Устройство древнего славянского общества демократическое: потому малое развитие личности. Замечательное отсутствие жрецов у славян-язычников может быть объяснено тем же демократизмом: каждый родоначальник был жрецом своего рода» (кн. № 96-б, л. 19)¹⁹. Большой, пессимистически настроенный, Шафарик пожаловался на то, что «их ученые ничего не делают, или, что у них нет ученых» (там же).

Известный по «Истории славянских литератур» намек Пыпина на его личное знакомство с Боженой Немцовой²⁰ до сих пор не находил документального подтверждения. Из записей Пыпина становится ясно, когда и при каких обстоятельствах он познакомился с писательницей и ее семьей. 23 декабря 1858 г. Пыпин и Коларж хотели посетить Немцову, «но не застали ее дома» — кн. № 96-б, л. 20 (36). Русский гость познакомился с ее мужем Й. Немцем, о чем свидетельствует следующая запись: «Наша писательница имеет старца-мужа, впрочем крепкого еще парня, и как следует страстного славянофила и патриота. Он служил прежде в Уграх, и там жена его насмотрелась словацких обычаев, которые она так хорошо описывает» (там же, на обороте)²¹. Встреча с писательницей состоялась только 9-го января 1859 г. Но, к сожалению, Пыпин оставил о ней лишь беглую карандашную запись: «9-го января, воскресенье. После обеда, перед театром б[ыл] у Б. Немцовой. Очень милая и умная дама, но не *emancipée*. У ней очень милый юноша-сын и дочка» (там же, л. 46).

¹⁹ Некоторые стилистические погрешности этого текста объясняются тем, что Пыпин записывает слова говорящего сразу в переводе на русский язык.

²⁰ Заканчивая характеристику творчества Б. Немцовой, Пыпин писал: «Сочинения Божены Немцовой были отражением ее личной благородной и поэтической натуры, которая осталась для нас лично светлым воспоминанием». — А. Н. Пыпин и В. Д. Спассович. История славянских литератур, т. II. СПб., 1881, стр. 966.

²¹ Часть этого текста вошла в факсимиле к кн.: А. Н. Пыпин. Мои заметки.

В Праге Пыпин горячо заинтересовался личностью К. Гавличка²². Свидетельством этой заинтересованности представляется, в частности, хранившийся у Пыпина список запрещенного в Австрии произведения крамольного поэта. О Гавличке Пыпин толковал со многими: с Вацликом, который, по его же словам, «учился писать в журнале Гавличка»²³, с Палацким, с шурином Гавличка — Ф. Ярошем, хранителем его наследия. Записано высказывание Палацкого: «Гавличек ч[еловек] сильного таланта: надо было любоваться, как он быстро шел вперед, как в каждом новом положении, вопросе, он больше и больше развивал свою силу; он отличался способностью понимать и представлять все чрезвычайно ясно. Это отличный публицист» (кн. № 96-б, л. 50). Закончив конспективную передачу слов Палацкого, Пыпин делает заметку от себя: «Сегодня ходил к Ярошу, чтобы достать эти вещи, и завтра получу, кажется, все. У Яроша живет маленькая дочка Гавличка, очень миленькая, очень миленькая девочка. „То je Rus, citel vašeho rapa-otce“, — сказал Коларж; она отвернулась, кажется, чувствуя свое сиротство. Портрет его видел, но не знаю, буду ли иметь». Мы узнаем далее, что Ярош «очень уважает» Гавличка, хранит бумаги, материалы по русской истории, дал Пыпину издания и портрет Гавличка.

Обращают на себя внимание записи и заметки, посвященные состоянию чешского национально-освободительного движения. Пыпин, как известно, был разочарован представившейся ему в Праге картиной. «Я ожидал найти больше в Праге, — пишет он 19 декабря 1858 г. Ламанскому, — думал найти живое движение, хотя и сдавленное, но, как мне кажется, по крайней мере до сих пор, этого живого движения очень мало; люди разединены, серьезного труда нет; всякой решительной, даже просто несколько смелой попытки выразить свою мысль бояться и отдаются на произвол своих надсмотрщиков»²⁴. Тем не менее Пыпин с большой чуткостью улавливал малейшие признаки этого движения, вникая в его градации и нюансы. Многие из этого отражено в его записных книжках.

Типичную картину «трогательного патриотизма», свойственного, по его наблюдениям, «людям старшего поколения»²⁵ Пыпин запечатлел в подробной записи о посещении им вместе с П. И. Бартевым знаменитого чешского археолога патера Крольмуса, который водил гостей по залам библиотеки Страговского монастыря, показывал им старинные книги — инкунабулы, а затем пригласил к себе домой. Пыпин пишет: «Дом он призвал маленького Зака и заставил его декламировать чешские стихотворения, потом петь песни с аккомпанементом жалчайших разбитых клавикорд, которые были как будто парюю подстать бедному разбитому старику. Живет он очень бедно. Тут же была его Аннинка, старуха, хлопотавшая с кухней. Только два молодые лица скрашивали печальную картину: какая-то mädchen, кот[орая] не улыбалась нам, и осьмилетний певец. Старик оживился, когда стал наигрывать песни мальчугану и потом сам начал петь вместе с ним. Какое странное соединение голосов и какая обстановка для чешской патриотической песни! Когда мы уходили, старик дал мне свои издания. Он пошел провожать нас, с трудом передвигая ноги, мы просили его остаться; прощаясь с нами, старик прослезился» (кн. № 96-б, л. 30).

Интересна запись о посещении Клищеры 23 декабря 1858 г.²⁶ Один из виднейших деятелей чешской драматургии и театра — «довольно милый, слегка глухой, но здоровый, очень румяный старичок» — охарактеризован его же собственными словами (запись представляет собой диалог между Клищерой и Коларжем) как горячий приверженец возрождения национальной культуры, душой болеющий за судьбу чешской литературы и чешского театра. Ему принадлежат слова, проникнутые доброй завистью к великому славянскому народу, не стесненному в своей национальной жизни: «Как

²² Характеристике политической и литературной деятельности Гавличка Пыпин уделил значительное место в своем очерке «Два месяца в Праге».

²³ Из письма Пыпина к Ламанскому от 10 (22) ноября 1858 г. — «Документы к истории славяноведения в России», стр. 19.

²⁴ «Документы к истории славяноведения в России», стр. 21.

²⁵ А. Н. Пыпин. Мои заметки, стр. 142.

²⁶ Эта запись частично вошла в факсимиле, помещенное в кн.: А. Н. Пыпин. Мои заметки.

бы хотелось поехать повидать Петербург, Москву, Киев, как вы живете дома, свободно [...]». «Да, они завидуют нам», — подтверждает Пыпин и продолжает свою «стенотграмму»: «Вы можете говорить о своей народности, ваши художники могут представлять вам картины нашей истории... У нас это есть преступление» (там же, л. 36).

Огромный интерес к России был почти всеобщим явлением. Характерный и прежде для чехов, он неизмеримо вырос к концу 1850-х годов.

В свой первый приезд Пыпин обнаружил среди чешской интеллигенции направление славянофильского толка, возлагавшее большие надежды на «батушку»²⁷ — так именовали они русского царя, а с ним и на всю Россию, от которой ожидалась помощь в освобождении от австрийского гнета. Видным представителем этого направления был Ф. Езбера. 17 ноября Пыпин записал: «Белокурый Езбера познакомился с нами сегодня утром в музее и сразу высказал свои надежды и стремления. Надежды его состоят в том, что славяне должны быть господствующим народом в Европе. Ему хочется ввести у чехов и т. д. кирилловское письмо в видах общения и сближения с русскими. Мне показалось это забавным. Но вечером в Беседе он тронул меня своими жалобами и мечтаниями: „Вы русские должны помочь нам“. „Да, — прибавил другой чех, которого имени я еще не знаю, — если в двадцать лет вы этого не сделаете, может быть худо“. Он сделал решительное движение рукой» (там же, л. 16). Примерно в том же духе высказался и другой пражский знакомый Пыпина — Э. Тоннер. В записи от 4 января 1859 г. сказано следующее: «В шесть часов отправился в пражскую каварну, чтобы итти оттуда с Коларжем к нашей панне²⁸. В кафе встретился с Тоннером, который, как оказалось, порядочно говорит по-русски. Он, верно, научился от Григоровича, которого знал здесь. Он так же как многие, пац [Мувальд?] и другие, настроен по-русски и тоже уверяет, что если бы обстоятельства, то чехи тотчас же были бы православными. Это убеждение существует у многих» (там же, лл. 45 и 46).

Пыпин приводит мнение о России не одних только мечтателей-русофилов. Он регистрирует и взгляды искушенных политиков. В записи от 21 января 1859 г., сделанной после посещения Палацкого, обращают на себя внимание следующие слова: «Ригер и потом Палацкий одинаково говорили, что панславизм есть нравственный долг России, так как австрийские славяне могут иметь несколько свободы и возможности жить [только] потому, что есть Россия, след [овательно], если они обращаются к ней, Россия д[олжна] поддерживать их своим авторитетом и сочувствиями» (там же, л. 51). Интерес к России и русскому языку, обнаруженный Пыпиным у некоторых чешских аристократов, позволил ему сделать вывод об их далеко идущих целях и планах.

Записные книжки свидетельствуют о все углубляющемся интересе молодого ученого к славянству. Содержание записей, их характер позволяют наметить главные этапы в развитии этого интереса, возникшего, по собственному признанию Пыпина (он говорит об этом в книге «Мои заметки»), еще на университетской скамье, углубившегося позже, в Вене, при знакомстве со славянами и славистическими фондами университетской библиотеки, приведшего его к углубленному изучению чешской культуры в период первого пребывания в Праге, а затем и к созданию обзорных очерков по истории чешского культурно-национального возрождения и в конце концов к мысли о написании синтетического труда по истории славянской литературы.

Пыпина также интересовали в Праге события 1848 года и новая чешская литература. Это было связано не только с его собственными интересами, но, очевидно, и с определенным заданием журнала, сотрудником которого он был. На страницах его записных книжек появились многочисленные выписки из документов, относящихся к 1848 г., биографические справки, краткие и пространные, о деятелях чешской науки и литературы — об Эрбене, Гавличке, Шумавском, Риттерсберге, Розуме, Гауче, Вавре, Вацлике и др., указания на источники, содержащие материалы об интересующих его лицах. Пыпин внимательно читал чешские газеты и журналы: их наименования час-

²⁷ 23 декабря Пыпин записал: «Они вообще много надеются на „батушку“, который носит у них еще название *strejček*. Они говорят о нем серьезно» (кн. № 96-б, л. 20).

²⁸ К. В. Медалевой.

то встречаются на страницах книжек № 96-б и 96-в. Результатом его ознакомления с альманахом «Май», вышедшим в свет весной 1858 г., является следующая выписка на л. 26 (кн. № 96-б): «В альманахе 1858 „Май“: *Chyže pod horámi — Obrázek ze Slovenska od Voženy Němcové*, p. 225—285. *Přivozník — od Vitezsláva J. Háika*, 59—90. *Upomínka na Karla Hínka Máchu od K. S.*, p. 295—307».

Ознакомившись с репертуаром чешского театра, Пыпин не пропускал ни одного спектакля²⁹ и составил список «Пьесы для перевода на русский язык». На первом месте здесь трагедия Миковца «Дмитрий Иванович», затем идут пьесы Клицперы «Чудесная шляпа», «Четверорогий рогоносец», «Меч Жижки» и «Фридляндский банщик», трагедия Колара «Смерть Жижки», по поводу которой Пыпин замечает, что она «была запрещена после одного представления», «Моника» и «Прекрасная Магулена» того же автора, пьеса Тыла «Виденье Иржику». О пьесе Фрича «Тарас Бульба» Пыпин пишет, что она «интересна как переделка с русского» (кн. № 96-б, л. 34)³⁰.

В записной книжке № 96-б библиографические заметки и выписки расположены без какой-либо определенной системы, по мере узнавания Пыпиным того или иного труда. В последней из книжек, № 96-в, картина меняется. Здесь выделено специально под библиографию значительное число листов, на которых помещены строго систематизированные списки научной литературы по каждой славянской пародности отдельно. Всего списков двенадцать. В них учтена литература, значившаяся и прежде в пражских дневниках Пыпина, внесено и много нового: результат его библиографических разысканий, осуществленных, по-видимому, в Берлине. Представлена литература о сербах — 63 наименования, о чехах — 31, о поляках — 39, о словаках — 8, о лужицких сербах — 10, о русинах — 6, о прибалтийских славянах — 5, о греческих — 3. Учтена литература на немецком, английском, французском, итальянском и славянских языках. Столь основательный научный фундамент готовился Пыпиным для обобщающего труда по истории славянской литературы³¹. Таким трудом и явился «Обзор истории славянских литератур», вышедший в Петербурге в 1865 г. Эта библиография послужила основой и для других работ Пыпина о славянстве.

Пыпин заинтересовался полемикой, развернувшейся вокруг Краледворской и Зеленогорской рукописей. Он безусловно верил в подлинность этих памятников; однако, стараясь быть объективным, фиксировал в своих записных книжках все встреченные им в австро-немецкой прессе противоположные суждения. Он делает подробные записи об ученых заседаниях, о докладах, доказывающих подлинность этих памятников. «Вчера в музее, — записывает он 26 ноября 1858 г., — происходило целое ученое заседание, в котором профессора химии при реальной школе [Krejčí] и Stanek делали химические опыты над составом чернил Краледворской рукописи. Я говорил Ганке: дайте мне номера газет, где есть новая полемика о Краледворской [рукописи]. „Да у меня нет их теперь, они в суде“. — „Как в суде?“ — „Да, я поднял судебное дело против тех, кто нападает на рукописи. Я думаю, скоро оно будет уже решаться“» (кн. № 96-б, л. 23). Через несколько дней, 29 ноября, Пыпин делает заметку о докладе Гаттала о филологических особенностях «Любушина суда», состоявшемся на заседании филологического отделения музея. По-видимому, тот же доклад был прослушан им вторично 3 января 1859 г. в Ученом обществе, где Гаттала выступал после Шафарика. Многочисленные заметки Пыпина по вопросу о рукописях — первая из них сделана,

²⁹ По этому поводу Пыпин впоследствии писал: «Ганка, очевидно, считал своим долгом просвещать меня по чешским национальным делам, и билет для меня всегда был заранее взят в чешский театр рядом с его местом в первых рядах». — А. Н. Пыпин и н. Мои заметки, стр. 140 и 141.

³⁰ Переводы названий пьес принадлежат Пыпину. — Там же, стр. 143.

³¹ Сам Пыпин относит появление у него замысла о создании «Обзора истории славянских литератур» примерно к 1862 г., когда велась работа по переводу «Всеобщей истории литератур» И. Шерра, которую он хотел дополнить (См. «Обзор истории славянских литератур», СПб., 1865. Предисловие, л. 1). Однако нельзя не заметить, что записки в кн. № 96-в могут считаться первым выражением возникшей у Пыпина идеи создания такого труда.

как было сказано выше, 26 ноября, последняя же во второй приезд в понедельник 19 декабря 1859 г. (кн. № 96-в) — регистрируют различные мнения, в том числе и «кулуарные». Так, в связи с пронесшимся по Праге слухом о том, что автором позорящей репутацию Ганки статьи является Небеский, 14 декабря 1858 г. Пыпин записывает: «Вчера спросил юношу Коларжа о деле Крал[едворской] рук[описи], [...] и он объяснил мне, что Небеский действительно статьи не писал, но он и Гануш натолкнули Куга ³² и указали ему материалы. Коларж ругает Небеского, которому, по его словам, «хотелось места Ганки» (кн. № 96-б, л. 31). Как весьма курьезный документ подклеивает Пыпин на л. 13 в кн. № 96-в вырезку из французской газеты «Debâts» (в то время он находился в Париже) о судебном решении по делу Ганки — Куга. Не поверив сообщению газеты о том, что последний присужден к тюремному заключению, в продолжении которого он обязан поститься в положенные дни, Пыпин замечает: «Любопытно еще и то, что эта нелепость буквально повторена была в Слб. Ведомостях: вот невежество!».

Привлекают внимание страницы, на которых молодой путешественник оставил память о знакомстве с певицей Вильгельминой Медалевой ³³. Это знакомство состоялось 16 декабря на концерте в Славянской беседе, где она исполняла «песнь Лермонтова „Ангел“» (кн. № 96-б, л. 32). В Медалевой Пыпин нашел не только живую и остроумную собеседницу, но и способную ученицу. Она смело обогащала свой репертуар вокальными произведениями славянских народов, и Пыпину пришлось выступить в роли преподавателя русского и украинского языков; знакомил он Медалеву и с русской поэзией. «Наша панна уже очень порядочно читает по-русски и малорусски, — записывает Пыпин 4 января 1859 г. после двухнедельного знакомства с певицей. — Она очень милая особа. Ей нравятся песни „На бережку у ставка“, „Віють вітри“ и т. п.» (там же, л. 46). Еще через неделю: «Сегодня вечером, 10-го, был у Вильгельмины Медалевой. Читали Кольцова, и мы с Коларжем выбирали самые горячие песни ³⁴. Она была [без] того взволнована: порешилась ее поездка во Франкфурт, где она будет дебютировать. Кольцов ей сильно понравился» (там же, л. 48). Некоторые записи запечатлевают обстоятельства, при которых происходили встречи молодых людей, и таким образом возникают характеристики целого круга лиц, их разговоры, настроения. В записи, датированной 12 января, читаем: «Вечером у Запа, где были также Коларж и Шафарик-младший ³⁵. Этот последний — хороший юноша, славянин, как здесь говорится. Он два года пробыл в Геттингене и в других немецких университетах и теперь должен получать где-нибудь место в австрийском университете. В Праге он еще недавно. Зап рассказывал, что в [18]48 [году] он (т. е. Зап. — Т. К.) являлся на свою должность в costume „Сворности“ и с тех пор находится в немилости у начальства. Толковали о своих обстоятельствах, об упадке обществ[енной] жизни, о Гануше и т. п. Вилемина пела нам русские [южные] песни. Четыре чешские и сербские» (там же, л. 49). Дружеские чувства побудили Пыпина разыскивать молодую певицу во Франкфурте, куда он приехал с Н. Н. Буличем и Б. И. Утиным в первых числах апреля 1859 г., достаточно странствовал перед тем по университетским центрам Германии. Пыпин записывает: «Вагнер ³⁶ остался в Гессене, и мы, проехав прямо во Франкфурт, остановились там в знакомом Brüssler[верзб]. На другое утро я отправился отыскивать Медалеву и нашел ее в Neue Roterhofstraße, № 11 (кн. № 96-в, л. 12). Встречи Пыпина с Медалевой увенчались интересным для историков литературы фактом. В тот же день Пыпин записал: «Вилемина рассказала мне о Фриче, который проезжал через Франкфурт в Париж, где

³² Куг был редактором газеты «Tagesbote aus Böhmen», напечатавшей компрометирующие Ганку статьи.

³³ По-чешски это имя Вилемина, Мина. Так именовали ее друзья.

³⁴ Эта запись говорит также о том, что Коларж, который в это время переводил Кольцова — он выступил с циклом переводов в 1860 г., — слушал звучание стихов поэта в живом исполнении.

³⁵ Речь идет о Войтехе Шафарике — сыне П. И. Шафарика.

³⁶ Н. П. Вагнер — зоолог. Был близок к славянофилам. Впоследствии писал книги для детей под псевдонимом «Кот-мурлыка».

теперь живет. Он эмигрировал из Австрии, где подлые австрияки не давали ему покоя преследованиями. Я постараюсь найти его в Париже»³⁷.

В заключение настоящего обзора следует обратить внимание на записи Пыпина, касающиеся славянофильства и славянофилов. Пыпин, по определению самих славянофилов — «сильный западник»³⁸, резко критически относился к своим идейным противникам. О несостоятельности их «фантастических» теорий он говорил с достаточной ясностью в статьях о русской литературе, напечатанных в «Часописи českého muzea» и в очерках о Праге для «Современника». Однако (это становится ясным из писем Пыпина к Ламанскому из Праги и Берлина, а также из его письма Ганке от 29 марта 1859 г.³⁹) молодой ученый не ставил знака равенства между слабыми сторонами учения славянофилов и реальными возможностями славянофильской прессы — «Русской беседы» и в особенности «Паруса».

На страницах записных книжек время от времени появляются заметки и о самих славянофилах, вести о них, почерпнутые из иностранных газет. Расходясь со славянофилами в области теории, осуждая их недостаточную активность в налаживании межславянских связей, Пыпин тем не менее не отличался нетерпимостью по отношению к лицам, примыкавшим к этому направлению, хотя и посмеивался над тем, что видел в их взглядах нереального, а иной раз и крепко спорил⁴⁰. Интересны записи из книжки № 96-в, относящиеся к апрелю 1859 г. — времени, когда Пыпин, окончив дела в Берлине, совершал поездку по университетским городам Германии в обществе правоведа Б. Утина, зоолога Н. Вагнера, словесника Н. Булича. На лл. 10—13 этой книжки помещены дружеские шаржи на членов этой компании, выполненные в карандаше, как свидетельствуют об этом подписи, Вагнером. Каждый рисунок — всего их пять — снабжен пояснением, написанным рукой Пыпина. Особенно привлекают внимание два шаржа. На л. 13 нарисован Пыпин — небольшой, коренастый, очень подтянутый человек в очках, с цилиндром на голове. Надпись: «Западник, довольный, что он на Западе. — Эйзенах, 3 апр[еля]». На следующем листе (он также помечен, как 13-й) изображена несколько расхлябанная фигура, с длинными волосами, выпущенными из-под цилиндра, зонтик, робкая поза. Пояснительная надпись: «Цельная натура. Представитель общины, гуляющий на Западе. Эйзенах, 3-го апр[еля]».

Представленный здесь тематический обзор записных книжек А. Н. Пыпина раскрывает содержание всех основных материалов, помещенных на их страницах. Конечно, этот обзор нельзя считать исчерпывающим, однако публикация всех записей ученого в том порядке, как они расположены в записных книжках, намного увеличила бы объем статьи и наполнила бы ее второстепенными фактами. Хочется выразить надежду, что и предлагаемая работа расширит представления исследователей как о состоянии общественной жизни Чехии в конце 1850-х годов, так и о характере славянских интересов Пыпина в тот период.

³⁷ Фрич был хорошо знаком с Медалевой — неперменной участницей литературно-музыкальных вечеров, которые устраивали «маевцы» в первой половине 1858 г. (См. J. V. F r i č. Paměti, d. II. Praha, 1960, s. 542). Встречались ли Пыпин и Фрич, неизвестно. Фрич был выслан из Праги в августе 1858 г., окончательно же изгнан из Австрии 8 марта 1859 г. Через Германию он приехал в Париж, 29 апреля того же года выехал в Лондон. Пыпин появился в Париже 8 апреля — таким образом встреча могла состояться.

³⁸ Так, например, характеризовал Пыпина Гильфердинг. — «Из переписки А. Ф. Гильфердинга с И. С. Аксаковым». — «Голос минувшего», 1916, № 2, стр. 202.

³⁹ «Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель». Варшава, 1901, стр. 873. В этом письме Пыпин выражает сожаление по поводу полного запрещения «Паруса» и солидаризируется с его программой.

⁴⁰ В письме к Ламанскому от 19 декабря 1858 г. Пыпин пишет о своих отношениях с Бартевыми: «Мы много с ним говорили, беспрестанно не соглашались, хотя он находил, что я очень славянофил для западника». — «Документы к истории славяноведения в России», стр. 21.

Ф. СТЕКЛОВА

А. И. ОДОЕВСКИЙ И АДЛЬФ ЯНУШКЕВИЧ

В жизни поэта-декабриста Александра Ивановича Одоевского был период, когда, находясь в сибирской ссылке, он около года прожил в Ишиме. Приехал Одоевский в этот степной городок в августе 1836 г., а в августе 1837 г. уже выехал из Тобольска на Кавказ.

Историки литературы в большинстве случаев или совсем не пишут об ишимском периоде, или упоминают о нем довольно бегло. В биографическом очерке И. Кубасова, предпосланном изданию сочинений Одоевского, ишимскому периоду посвящено полстранички, заканчивающейся словами: «Простившись с Ишимом, Одоевский покинул там своего нового друга из сосланных в этот город поляков — А. М. Янушкевича, с именем которого связано два стихотворения, посвященных ему Одоевским»¹.

В более позднем «Полном собрании стихотворений А. И. Одоевского» автор вступительной статьи М. А. Брикман, говоря об этом периоде жизни Одоевского, отмечает, что Одоевский «не оставил после себя никаких бумаг, никаких документов». М. А. Брикман дает понять, что Одоевский был в это время одинок и писал мало: «Частично это объясняется, конечно, тем, что рядом с ним не было товарищей, которые могли бы сохранить его произведения; характерно, что все, написанное безусловно в эти годы, представляет собой обращения к кому-либо (послание к отцу, стихи А. М. Янушкевичу, альбомная записка...)»².

Во всех современных изданиях стихотворений Одоевского к двум стихотворениям, посвященным Янушкевичу, даются сноски или примечания, обычно очень краткие, иногда не совсем точные. Например, М. А. Брикман в примечании к первому стихотворению пишет, что А. Янушкевич «был арестован в 1832 году за участие в Польском Патриотическом обществе и сослан на поселение в Сибирь»³.

Архивные данные позволяют уточнить: в действительности А. Янушкевич «в начале апреля м-ца 1831 года во время патрулирования под Мацейовицами захвачен казаками»⁴, как участник вооруженного восстания 1830—1831 гг. Кроме архивных материалов, важным источником для биографии Янушкевича является книга «Żywot Adolfa Januskiewicza i jego listy ze stepów Kirgizkich» (Paris, 1861), недавно вышедшая в русском переводе в Алма-Ате⁵.

Родился и вырос Адольф Янушкевич в начале прошлого века в семье, богатой революционными традициями, участвовал в студенческом освободительном движении, путешествовал за границей вместе с Адамом Мицкевичем, которого знал по университету. В 1830 г., во время польского восстания, он приехал в Варшаву. Бывший студент Иохима Лелевеля, одного из руководителей восстания, он вместе с ним в самой гуще

¹ См. А. И. Одоевский. Полное собрание стихотворений и писем. «Академия», 1934, стр. 93.

² См. А. И. Одоевский. Полное собрание стихотворений. Б-ка поэта, большая серия. Сов. писатель, 1958, стр. 38.

³ Там же, стр. 231.

⁴ ЦГАОР, ф. 109, оп. 6, д. 448, ч. 90, л. 8.

⁵ А. Янушкевич. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Пер. с польского Ф. Стекловой. Алма-Ата, 1966.

событий. Тяжело раненный в бою, он был захвачен казаками в плен. Вместе с другими военнопленными его привезли в Вятку. В обнаруженном в архиве III отделения документе от 29 февраля 1832 г., подписанном управляющим главным штабом, графом Чернышевым, мы читаем интереснейшие строки, адресованные Бенкендорфу: «Усмотрев из препровожденных ко мне от вашего высокопревосходительства списков польским пленным, собранным в Вятку, что в числе их находится подпоручик Адольф Юлиан Янушкевич, который будучи российским подданным и жителем Подольской губернии в генваре 1831 года отправился в Варшаву и добровольно вступил в ряды мятежников,— я истребовал от него через флигель-адъютанта Гренера дополнительно о происхождении его показание. По соображении всех обстоятельств до сего Янушкевича относящихся, открывается, что он тот самый, который писал еще из Варшавы в Вильно родному брату своему Евстафию, сообщая ему самые дерзкие суждения о нашей армии и превознося похвалами мятежников...»⁶.

«Тот самый» Янушкевич... Генерал его имя замелькает в жандармских донесениях. Военно-полевой трибунал приговорил Янушкевича к смертной казни. Об этом мы узнаем из рапорта царю главнокомандующего Сакена, где он пишет, что, «соображаясь с государственными узаконениями, положил согласно с приговором суда, казнить его Янушкевича смертью: повесить». Но тут же, данной ему царем властью, отменяет смертную казнь и решает, «лишив носимого им звания и дворянского достоинства, сослать в Сибирь на поселение...»⁷.

Без указания срока... Теперь Янушкевич будет жить вдали от родных, друзей, культуры. Ни разу в течение долгих 25 лет ссылки не поднялась у него рука написать «прошение на высочайшее имя». Только его старая мать настойчиво просила за своего сына, обращаясь прямо к царю: «Монарх! Внемли гласу близкой гроба старухи!»⁸... Но все было бесполезно, просьбы откладывались в сторону. Кто-то из сановников писал: «полагаю совершенно неудобным возвращать в настоящее время из Сибири на родину ... Адольфа Янушкевича...»⁹ Или еще более решительно: «Этого нет»¹⁰.

Польский историк и революционер Лелевель, который привлек Янушкевича во время его пребывания в Варшаве к активной деятельности, также ходатайствовал о его освобождении — «посредством размена на русского пленного»¹¹.

В августе 1836 г., когда в Ишим сослали Александра Одоевского, Адольф Янушкевич жил в этом городе уже более двух лет. Тогда он еще надеялся на лучшее, был полон сил, переводил «Историю завоевания Англии норманнами» А. Тьери, читал русские и иностранные журналы, которые передавались из рук в руки польскими ссыльными.

Известно, что Янушкевич очень много читал: «Не было ни одного из самых известных и наиболее важных произведений, которое не прошло бы через его руки. Некоторые читал по многу раз, иные — в первый и последний. К некоторым делал примечания, которые показывают, какой имел он богатый запас ранее полученных знаний, как постоянно старался узнать больше», — так пишет о нем первый его биограф Феликс Вротновский¹².

В Ишме среди ссыльных поляков было много интеллигентных людей, назовем хотя бы Густава Зелинского, поэта-романтика, написавшего позднее в ссылке поэму «Киргиз» и другие произведения в романтическом духе. Встретив такой круг польских интеллигентов, сосланных за участие в восстании, Одоевский, который был первым русским поэтом, отозвавшимся на это восстание стихотворением «При известии о польской революции», и сам, видимо, окреп духом. В стихотворении, написанном еще в 1831 г., Одоевский писал:

⁶ ЦГАОР, ф. 109, оп. 6, д. 448, ч. 90, л. 9 и об.

⁷ ЦГВИА, ф. 801, оп. 109/86, д. 94, л. 3 об. и 4.

⁸ ЦГАОР, ф. 109, оп. 6, д. 448, ч. 90, л. 55.

⁹ Там же, л. 45.

¹⁰ Там же, л. 107.

¹¹ Там же, л. 80 об.

¹² F. W r o t n o w s k i. Żywot Adolfa Januszkiewicza, t. I. Berlin, 1875, s. 68.

...Едва дошел с далеких берегов
 Небесный звук спадающих оков
 И вздрогнули в сердцах живые струны,—
 Все чувства вдруг в созвучие слились...
 Нет, струны в них еще не порвались!
 Еще, друзья, мы сердцем юны!
 И в ком оно от чувств не задрожит?
 Вы слышите: на Висле брань кипит!—
 Там с Русью лях воюет за свободу
 И в пуме битв поет за упокой
 Несчастных жертв, проливших луч святой
 В спасенье русскому народу.
 Мы братья их!...

Декабрист Н. И. Лорер, знавший о дружбе Одоевского с Янушкевичем, писал в своих воспоминаниях: «Одоевский был поселен в Ишиме Тобольской губернии. Там он сошелся с одним поселенцем, поляком Янушкевичем, очень образованным человеком, много путешествовавшим, сдружился с ним, полюбил, и они были неразлучны. Этот ярый патриот во время польского восстания вернулся из Италии, но был уличен в противуправительственных мыслях и действий и сослан в Ишим. Одоевский, как поэт, написал ему... прекрасные стихи — „А. М. Янушкевичу, разделившему со мной ветку кипарисную с могилы Лауры”»¹³.

За стихотворением, о котором пишет Лорер, последовало второе, посвященное тому же Янушкевичу, которое в современных изданиях идет следом за первым и называется «Ему же». Оно написано 3 октября 1836 г.

Из писем Янушкевича мы узнаем, что в сентябре 1836 г. он действительно ездил лечиться на небольшое соленое озеро: «припал еще 28 ванн в соседнем с Ишимом озере... народ называет его „горьким озером” и при всех болезнях и ранениях прибегает к его воде»¹⁴. (В Курганской области и ныне есть курорт, который называется «Горькое озеро».) Мог ли Янушкевич не воспользоваться случаем и не захватить в Курган (а может, и по просьбе своего нового друга), где жили и сосланные поляки — друзья Янушкевича, и декабристы — друзья Одоевского? Барон Розен называет фамилии живших в Кургане, сообщая, что «кроме товарищей моих жили в Кургане несколько ссыльных поляков за восстание в 1830 году: Важинский, Раевский, кн. Воронецкий...»¹⁵, а Лорер в воспоминаниях говорит: «Скоро после нашего водворения в Кургане были приглашены туда же несколько поляков... Мы с ними познакомились и сошлись»¹⁶. Кстати, кн. Воронецкий перед тем долго жил в Ишиме вместе с Янушкевичем. Все эти подробности дополняют представление о той обстановке, в которой прозвучали стихи А. И. Одоевского, посвященные Янушкевичу. Воспроизводим текст первого стихотворения:

В странах, где сочны лозы виноградные,
 Где воздух, солнце, сень лесов
 Дарят живые чувства и отрадные,
 И в девах дышит жизнь цветов,
 Ты был... пронес [ты] пышный посох странника
 Туда, где бьет воклюзский ключ...
 И где же встретил я тебя, изгнанника?
 В степях, в краю снегов и туч!
 И что ж осталось в память солнца южного?
 Одну лишь ветку ты хранил
 С могилы Лоры... полный чувства дружного,
 И ту со мною разделил...
 Так будем же печальми заветными
 Делиться здесь, в отчизне вьюг,
 И крыльями, для мира незаметными,

¹³ «Записки декабриста Н. И. Лорера». Под ред. М. Н. Покровского. М., 1931, стр. 179.

¹⁴ F. Wrótnowski. Żywot Adolfa Januszkiewicza, s. 39.

¹⁵ А. Е. Розен. Записки декабриста. Лейпциг, 1870, стр. 299.

¹⁶ «Записки декабриста Н. И. Лорера», стр. 170.

...Едва дошел с далеких берегов
 Небесный звук спадающих оков
 И вздрогнули в сердцах живые струны,—
 Все чувства вдруг в созвучие слились...
 Нет, струны в них еще не порвались!
 Еще, друзья, мы сердцем юны!
 И в ком оно от чувств не задрожит?
 Вы слышите: на Висле брань кипит!—
 Там с Русью лях воюет за свободу
 И в шуме битв поет за упокой
 Несчастных жертв, проливших луч святой
 В спасенье русскому народу.
 Мы братья их!...

Декабрист Н. И. Лорер, знавший о дружбе Одоевского с Янушкевичем, писал в своих воспоминаниях: «Одоевский был поселен в Ишиме Тобольской губернии. Там он сошелся с одним поселенцем, поляком Янушкевичем, очень образованным человеком, много путешествовавшим, сдружился с ним, полюбил, и они были неразлучны. Этот ярый патриот во время польского восстания вернулся из Италии, но был уличен в противуправительственных мыслях и действиях и сослан в Ишим. Одоевский, как поэт, написал ему... прекрасные стихи — „А. М. Янушкевичу, разделившему со мной ветку кипарисную с могилы Лауры”¹³.

За стихотворением, о котором пишет Лорер, последовало второе, посвященное тому же Янушкевичу, которое в современных изданиях идет следом за первым и называется «Ему же». Оно написано 3 октября 1836 г.

Из писем Янушкевича мы узнаем, что в сентябре 1836 г. он действительно ездил лечиться на небольшое соленое озеро: «принял еще 28 ванн в соседнем с Ишимом озере... народ называет его „горьким озером” и при всех болезнях и ранениях прибегает к его воде»¹⁴. (В Курганской области и ныне есть курорт, который называется «Горькое озеро».) Мог ли Янушкевич не воспользоваться случаем и не заехать в Курган (а может, и по просьбе своего нового друга), где жили и сосланные поляки — друзья Янушкевича, и декабристы — друзья Одоевского? Барон Розен называет фамилии живших в Кургане, сообщая, что «кроме товарищей моих жили в Кургане несколько сельских поляков за восстание в 1830 году: Важицкий, Раевский, князь Воронцовский...»¹⁵, а Лорер в воспоминаниях говорит: «Скоро после нашего водворения в Кургане были приглашены туда же несколько поляков... Мы с ними познакомились и сошлись»¹⁶. Кстати, князь Воронцовский перед тем долго жил в Ишиме вместе с Янушкевичем. Все эти подробности дополняют представление о той обстановке, в которой прозвучали стихи А. И. Одоевского, посвященные Янушкевичу. Воспроизводим текст первого стихотворения:

В странах, где сочны лозы виноградные,
 Где воздух, солнце, сень лесов
 Дарят живые чувства и отрадные,
 И в девах дышит жизнь цветов,
 Ты был... пронес [ты] пышный посох странника
 Туда, где бьет восточный ключ...
 И где же встретил я тебя, изгнанника?
 В степях, в краю снегов и туч!
 И что ж осталось в память солнца южного?
 Одну лишь ветку ты хранил
 С могилы Лоры... полный чувства дружного,
 И ту со мною разделил...
 Так будем же печальми заветными
 Делиться здесь, в отчизне вьюг,
 И крыльями, для мира незаметными,

¹³ «Записки декабриста Н. И. Лорера». Под ред. М. П. Покровского. М., 1931, стр. 179.

¹⁴ F. Wrotnowski. Żywot Adolfa Januszkiewicza, s. 39.

¹⁵ А. Е. Розен. Записки декабриста. Лейпциг, 1870, стр. 299.

¹⁶ «Записки декабриста Н. И. Лорера», стр. 170.

В Ишиме создал Одоевский еще одно стихотворение. Оно помечено в изданиях тем же 1836 годом, следует обычно за вторым стихотворением, посвященным Янушкевичу. Стихотворение носит явно альбомный характер, часто даже и называется — «В альбом».

Пусть нежной думой, жизни цветом
 Благоухает твой альбом!
 Пусть будет дума та заветом
 И верным памяти звеном!
 И если кто, альбома данник,
 Окончит грустный путь земной
 И, лучшей жизни новый странник,
 Навек разлучится с тобой, —
 Взгляни с улыбкою унылой
 На мысль, души его завет,
 Как на пустынный, скромный цвет,
 Цветущий над могилой.

В примечании к этому стихотворению (издание «Academia», 1934 г.) написано только, что оно «напечатано в издании 1883 г. с отметкой: „В Ишиме, 1836”». Позднее высказывались предположения, не принадлежит ли оно Лореру, но потом это было отвергнуто.

Стихотворение написано в ссылке: об этом свидетельствует весь его эмоциональный настрой. Бросается в глаза «головной» характер его: это не посвящение женщине, в нем не говорится о чувстве любви, нет того особого аромата нежности, которым овеяно каждое стихотворение Одоевского, посвященное женщине. Стихи носят явно философский характер. Такое могло быть посвящено мужчине, другу. Автор обращается к другу с просьбой помнить о «мысли, завете его души». Словесный арсенал этого стихотворения близок к словарю двух первых стихотворений, посвященных Янушкевичу. И в них говорится о мыслях, дружеских чувствах, печали. В первом, например: «так будем же печалью заветными делиться»... В последнем: «пусть будет дума та заветом и верным памяти звеном». Несколько ниже: «взгляни с улыбкою унылой на мысль, души его завет». Печаль в последнем стихотворении усиливается: может быть, она усилена предстоящей разлукой? Думается, что это «альбомное» стихотворение также посвящено Адольфу Янушкевичу.

Т. П. АГАПКИНА

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ КНИГИ «ДЕНЬ МИРА»

Замысел книги «День мира» принадлежал А. М. Горькому¹. Книга должна была рассказать об одном обыкновенном дне мировой истории первой половины XX века (27 сентября 1935 г.), запечатлеть мысли, чувства, деятельность людей всего мира. Это была первая в истории литературы международная коллективная книга, к работе над которой были привлечены передовые писатели и журналисты всех континентов мира. Она представляет собой большой фолиант, объемом в 82 печатных листа. Большую часть составляют документальные материалы, перепечатанные из газет и журналов разных стран, иллюстрации, объявления, рекламы, кино- и театральные афиши и программы, метеорологические сведения и статистические данные и т. п. Опубликованы также письма, дневниковые и очерковые записи зарубежных писателей и журналистов.

Книга имеет антивоенный и антифашистский пафос. Это — отклик на угрозу нависшей над миром войны: итало-абиссинский конфликт, усиление реакции в Испании, открытая подготовка к войне в Германии и Японии, активное наступление международного фашизма и сопутствующие этому лицемерие и равнодушие заправил капиталистического мира, рост безработицы и нищеты, тревога и волнение простых людей. Контрастирует с этой картиной предвоенной лихорадки капиталистического общества миролюбивая и созидательная жизнь СССР.

Книга «День мира» вышла из печати в июле 1937 г., уже после смерти А. М. Горького. Его ближайшим сотрудником, готовившим это издание, был М. Е. Кольцов. Замысел Горького был близок ему, «газетному писателю», которого еще в 20-е годы увлекала идея создания «истории мира за одни сутки»². Таким образом эта книга была как бы плодом их весьма близких интересов и замыслов.

Во II разделе книги, озаглавленном «Под властью капитала», ряд глав посвящен зарубежным славянским странам. Глава «Оскудевшая Югославия» (стр. 162—166) содержит иллюстративный материал, перепечатанный (как и во всех других случаях) из национальной прессы за 27 сентября 1935 г., при самом незначительном комментарии. Из использованных источников указаны (в русской транскрипции) журналы и газеты «Време», «Словенец», «Радничке новине» и «Обзор».

В разделе «Болгария бедствует» (стр. 169—171) использованы следующие источники: «Заря», «Зора», «Нива», «Дневник», «Слово», «Вечерна бургаска поща», «Новидни».

Раздел «Польша во тьме» построен на значительном фактическом материале. Здесь использованы 17 изданий, в том числе и либерально-буржуазного и реакционного толка. Это газеты и журналы: «Роботник», «Курьер цодзенны», «Курьер Варшавски», «Курьер познаньски», и другие издания. Из всех этих изданий, в общем весьма далеких от стремления разоблачать антинародную политику правящих реакционных кругов, почерпнуты материалы, изображающие страшнейшую эксплуатацию польского пролетариата, показана голодающая польская деревня, ужас безработицы, когда отцы, матери, дети, отчаявшись найти работу, ищут выход в отказе от жизни. Приведены факты национального угнетения жителей непольского происхождения. Часть доку-

¹ Ряд моментов в истории этого замысла освещен в «Литературном наследстве», т. 70, стр. 244, 530, в кн. «Горький и наука», М., 1964, стр. 143.

² См. О. Л а с у н с к и й. Мастерство очеркиста. — «Подъем», 1958, № 5, стр. 124.

ментов — о борьбе польских трудящихся, сообщения о забастовке в Лодзи, о продолжении забастовки шахтеров. В специальной главе «Куда толкают Польшу» показана внешняя политика правящих кругов Польши — обострение отношений со всеми соседними государствами, исключая фашистскую Германию, отмечены факты фашизации страны: наступление на демократические свободы, непротivление фашистским и реакционным элементам общества, еврейские погромы и т. п. В конце раздела — подборка материалов, свидетельствующих о том, в какой темноте и невежестве содержались массы трудящихся — факты дикого суеверия, морального падения людей.

Материалы по Чехословакии в книге «День мира» представлены в отдельной главе «Чехословакия хочет мира». В названии отразилось и основное содержание помещенных в книге материалов: об откровенных намерениях германских фашистов, о буднях страны со специфическими для буржуазного государства проблемами — борьба рабочих за свои права, за интернациональное объединение пролетариев (чехов и немцев, проживавших в этой стране) и т. д. Много материалов посвящено вопросам культуры и развития чехословацко-советских общественно-культурных связей: о постановке советских пьес, демонстрации фильмов и пр. Источником этого раздела в книге были многочисленные периодические издания Чехословакии (на чешском и немецком языках) различных общественно-политических ориентаций: «Руде право», «Роте фане», «Прагер прессе», «Лидове новины», «Праске новине», «Вечерник народовы», «Народни политика», «Богемия», «Вечерник права лиду», «Чески денник», «Прагер тагеблатт». В конце этого раздела помещено письмо Макса Брода³ «Ах, мне бы твое фото», обыгрывающее популярную в те годы в Чехословакии эстрадную песенку.

В III разделе книги «День писателя», в котором помещены записи, сделанные специально для книги «День мира», есть среди 28-ми, принадлежащих крупнейшим писателям мира, и заметка Карела Чапека, озаглавленная редакцией «Ничего нового». Это единственная заметка зарубежного славянского писателя из опубликованных в книге.

Обнаруженные нами архивные материалы⁴ показывают, что стремление инициаторов издания объединить писателей, привлечь их к этой форме антифашистского выступления было весьма активным. Документы раскрывают в известной степени то, что осталось за рамками напечатанного в книге. При этом выясняются малоизвестные или совсем неизвестные факты биографии ряда славянских писателей их творческих контактов с нашими литераторами.

Для участия в подготовке раздела по Польше редакция книги пригласила выдающегося польского поэта Владислава Броневского. На его имя была адресована в Варшаву в адрес журнала «Вядомости Литерацке», в редакции которого в эти годы работал Броневский, телеграмма. В ЦГАЛИ хранится копия этой телеграммы от 20 сентября 1935 г. Текст телеграммы на французском языке. Публикуем ее в нашем переводе.

Броневский Вядомости Литерацке Злата 4 Варшава

Максим Горький Кольцов готовят обширный литературный труд озаглавленный День мира точка Это свидетельство жизни людей точка Они выбрали наудачу дату двадцать седьмого сентября и привлекают к сотрудничеству писателей всех стран [с тем чтобы] создать синтез человеческой деятельности [в] 1935 [году] Будем очень признательны [за] получение обширных документов прессы, польских журналов, обозрений и т. д. от избранной даты двадцать седьмого двадцать восьмого, двадцать девятого текущего [месяца и года] точка Если возможно статьи польских писателей по вашему выбору о характерных моментах двадцать седьмого точка Пишите авиа Жургаз Москва одиннадцать Страстной бульвар точка Дружеские благодарности

Стефан Приацель⁵

ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 11, ед. хр. 468, л. 2

³ М. Брод — немецкий писатель, живший в те годы в Чехословакии. В 1935 г. в составе делегации чехословацких журналистов побывал в СССР.

⁴ Речь идет только о материалах по Польше и Чехословакии.

⁵ Стефан Приацель входил в эти годы в состав Международной ассоциации юри-

В имеющихся исследованиях нет упоминаний о контактах советских и польских литераторов на почве книги «День мира». К сожалению, пока ничего нельзя сказать о дальнейшем развитии отношений между редакцией книги и Броневским, хотя, как удалось установить, телеграмма была получена поэтом 21 сентября 1935 г. Она хранится в Литературном доме-музее В. Броневского в Варшаве в папке корреспонденции с зарубежными писателями.

Телеграмма такого же содержания была отправлена редакцией и в адрес одного из крупнейших польских издательств «Гebetнер и Вольф» на имя Александра Вата⁶.

Кроме деятелей национальной культуры, редакция книги привлекала к участию в ее подготовке советских работников, находившихся в странах с официальными миссиями. Часть обнаруженных архивных документов — переписка редакции с советскими представительствами за границей. Содержание этой корреспонденции во многом перекликается и совпадает с тем, о чем писали советские писатели зарубежным литераторам.

В архивных документах мы находим также сведения о том, что к участию в книге редакция приглашала из Чехословакии не только К. Чапек (этот факт известен уже потому, что в книге опубликована его заметка), но и ряд других деятелей — П. Илемницкого, А. Гофмейстера и, видимо, В. Незвала.

Среди разрозненных документов ЦГАЛИ (л. 183) хранится копия письма на немецком языке (от 15 IX 1935 г.) М. Кольцова К. Чапеку:

Дорогой товарищ Чапек,

Мы сейчас реализуем чудесный план Максима Горького, о котором говорилось на Парижском конгрессе, а именно — совместное издание книги «День мира». Название уже всех убедило. В этой книге будут собраны воедино все без исключения события, которые произойдут 27 сентября.

Этот день будет обычным днем календаря, описанным с натуры. Мы намерены собрать и сохранить все возможные и разнообразные документы за этот день. Мы хотим дать полную картину этого дня, его многообразной деятельности во всем мире.

Мы бы хотели, чтобы вы приняли в этом участие.

Внесите и Вы вклад: опишите какое-нибудь особенно интересное событие этого дня, или разговор, или дайте страницу из Вашего дневника.

Если же этот день случайно совпадет с каким-нибудь торжеством, или случится еще что-нибудь, поделитесь с нами этим.

Нас обрадуют хотя бы заметки, или газеты, афиши, листовки этого дня (27, 28 сент.), а также какие-нибудь интересные фотографии.

В ожидании Вашего ответа наилучшие приветствия

Кольцов

Упомянутый в письме «Парижский конгресс» — Международный конгресс защиты культуры (Париж 21—25 июня 1935 г.) был созван по инициативе группы французских писателей, принимавших активное участие в движении, направленном на защиту духовных ценностей от угрозы фашизма и войны, — Р. Роллана, А. Барбюса, Ж.-П. Блока, Л. Арагона и др., при поддержке писателей других стран, в том числе и Карела Чапека⁷.

К. Чапек не участвовал в конгрессе, хотя он получил на него приглашение и организаторы конгресса были уверены в том, что он это приглашение примет. В письме от 1 ию-

стов. Он был сотрудником Жургаза, работал в редакции «За рубежом», в том числе ведал корреспонденцией на французском языке. По вопросам книги от имени ее редакции он переписывался с Ромэном Ролланом и рядом других писателей.

⁶ ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 11, ед. хр. 468, л. 1.

⁷ Архив А. М. Горького, т. 10, кн. I. М., 1964, стр. 370.

ня 1935 г. к В. Броневскому генеральный секретарь конгресса писал, упоминая имена М. Горького, Т. Манна, В. Вульф, К. Чапека и других, что, хотя от них еще не получено ответа, «они, без сомнения, вскоре к этому присоединятся». Конгресс, как писал впоследствии М. Кольцов⁸, принимавший в нем участие в составе советской делегации, совпал с периодом очень активной подготовки книги, выявлением ее будущих авторов и участников: именно на конгрессе было получено согласие многих прогрессивных выдающихся писателей участвовать в этом издании. Международная ассоциация писателей (МАП), созданная на конгрессе, приняла решение о поддержке этого издания.

Спустя немногим более месяца после того, как Кольцов отправил Чапеку письмо, в Москву была прислана статья Чапека. Для чехословацкого писателя «день мира» — 27 сентября 1935 г. — был одним из значительных трудовых дней: как раз в это время Чапек заканчивал свой знаменитый антифашистский роман «Война с саламандрами».

В литературе много раз отмечалось, что сложность идейно-художественного развития Чапека тормозила установление и развитие контактов с ним. Но при этом и Горький и Кольцов последовательно стремились к сотрудничеству с этим выдающимся писателем. Известно, что Горький еще в 20-е годы выделял его среди многих чешских литераторов. По инициативе А. М. Горького, как пишет чешский литературовед М. Ботура, Чапек был приглашен на I Всесоюзный съезд советских писателей⁹. М. Е. Кольцов, приступая в 1932 г. к работе в журнале «За рубежом», в числе других выдающихся писателей Запада приглашал к сотрудничеству в журнале К. Чапека¹⁰. В один из первых дней своего пребывания в Чехословакии в начале октября 1935 г. Кольцов вместе с другими советскими литераторами виделся с Чапеким и пригласил его посетить Советский Союз¹¹. Участие К. Чапека в «Дне мира» является свидетельством того, что стремления Горького и Кольцова установить и укрепить связь с К. Чапеким увенчались успехом. С аналогичными предложениями — присылать материалы для книги «День мира» — М. Кольцов обратился к Петеру Илемницкому и Адольфу Гофмейстеру. Сохранилось ответное письмо Илемницкого, написанное по-русски, от руки, на личном бланке писателя. Письмо датировано 23 X 1935 года.

Уважаемый тов. Кольцов,

шлю Вам сердечный привет и вместе «У нас на Западе» (или как это назвать). Если у Вас затруднение с переводчиками, то я могу посоветовать Вам следующее. В «Verlagsgenossenschaft der Ausländischer Arbeiter»¹² (Никольская, 7) работает тов. Ладислав Штолл¹³ в чехословацком отделе. — Он смог бы, наверное, хорошо перевести на русский язык. В другом случае, может быть, сделала бы перевод тов. Варвара Шварц (она работает в Профинтерне на Солянке, отдел иностранного вещания).

Разрешите мне пожелать Вам лучших успехов и всего хорошего!
Ваш преданный Илемницкий

В письме редакции от 9 декабря, подписанном секретарем редакции, содержится благодарность и сообщение о том, что рукопись писателя редакцией получена.

В существующей литературе об Илемницком нет никаких упоминаний о связях, существовавших между словацким писателем и советскими литераторами, готовившими книгу «День мира», и в самой книге мы не находим никаких материалов, которые бы как-то указывали на участие Илемницкого в ней. Судьба его рукописи пока неизвестна. В письме Илемницкого заметно стремление к установлению контактов с советской

⁸ «За рубежом», 1935, № 30, стр. 676.

⁹ М. Б о т у р а. М. Горький и чешская литература. В сб.: «Горький и зарубежная литература», Изд-во АН СССР, 1961, стр. 194.

¹⁰ См. об этом: И. Э в е н т о в. Михаил Кольцов. Л., 1959, стр. 7—8.

¹¹ Об этом сообщил в своей корреспонденции из Праги С. Третьяков. — «Литературная газета», 1935, 9 октября.

¹² «Издательство иностранных рабочих» в Москве.

¹³ Чехословацкий литературный критик.

литературой. В период переписки с редакцией «Дня мира» Илемницкий уже, видимо, знал о завершении в Советском Союзе перевода его романа «Поле неспаханное»¹⁴. С советской литературой у Илемницкого были уже перед этим длительные и прочные связи¹⁵. Он неоднократно бывал в нашей стране, в частности на I Всесоюзном съезде писателей, поэтом у проекта создания книги «День мира», о самой ее идее, он мог узнать непосредственно от ее автора — А. М. Горького, говорившего об этом на съезде.

Что касается известного чешского писателя и художника Адольфа Гофмейстера, то в 30-е годы он был известен в СССР как убежденный антифашист, активный борец в рядах прогрессивной художественной интеллигенции Чехословакии. Он был (с 1934 г.) одним из руководителей политического сатирического журнала «Симпль», а в дальнейшем одним из активнейших деятелей МАП. В период, связанный с мюнхенской агрессией гитлеровцев в отношении Чехословакии, Гофмейстер развивает еще большую деятельность, ведет антифашистскую пропаганду (в частности, митинг в Лондоне 8 VI 1938 г.), способствует объединению передовых сил. В это время его имя часто встречается в международной прогрессивной прессе и в корреспонденции, связанной с деятельностью МАП.

Еще в 1931 г. Гофмейстер побывал в СССР в качестве туриста и свои впечатления от этого посещения воплотил в книге «Поверх пятилетки». В укреплении связей этого талантливого мастера культуры с нашей страной сыграл свою роль М. Е. Кольцов. В нашей литературе мало известен тот факт, что еще в 1935 г. А. Гофмейстер был представлен советской общественности. В этом году в Москве, в издательстве газеты «Правда», вышла книга-альбом «Адольф Гофмейстер. Шаржи». Ее редактором был М. Кольцов, автором вступительной заметки — брат Кольцова, известный художник-карикатурист Б. Е. Ефимов. В книге помещены дружеские шаржи на деятелей мировой культуры, искусства и политики — В. Незвала, К. Чапека, Б. Шоу, Л. Арагона, М. Горького, О. Шмидта, Н. Тихонова, И. Бабеля, Д. Бедного, И. Эренбурга и др. Альбом шаржей вышел в Москве в апреле 1935 г., т. е. в период, предшествовавший и Парижскому конгрессу и активной подготовке «Дня мира».

На страницах книги «День мира» помещено несколько карикатур, перепечатанных из «Симпль». Все они (стр. 73, 74, 99, 120, 130 и др.) остро антигитлеровского содержания, изобличают кровавый разбойничий характер германского фашизма.

И, наконец, в одном из писем, написанном на бланке «А-1-Z»¹⁶, с датой 27 сентября, видимо, этого же 1935 года (так как в нем речь идет о книге «День мира»), встречается интересное упоминание о выдающемся чешском поэте Витезславе Незвале. Автор письма, видимо лично знавший Кольцова (он обращается к нему со словами «Дорогой Михаил»), сообщает: «... У меня здесь лежит выступление Незвала, которое тебя интересует. Оно будет опубликовано в газете „Хало Новины“¹⁷. Незвал утверждает, что ничего нового, за исключением цитат из пражских газет, статья не содержит...»¹⁸

Имели ли какое-нибудь заметное развитие связи редакции «Дня мира» и В. Незвала, пока остается неизвестным.

¹⁴ См. об этом: «Советское славяноведение», 1966, № 4, стр. 66—69.

¹⁵ О связях Илемницкого с советской литературой писали советские исследователи его творчества, в частности Э. Олонова в статье «Словацкая литература на страницах советской печати 20—30-х годов». — «Чехословако-советские литературные связи». «Наука», 1964.

¹⁶ А-1-Z — сокращенное название «Arbeiter Illustrierte Zeitung», журнала, издававшегося в 1929—1936 гг. в Праге.

¹⁷ «Halo Noviny» — пражская газета, связанная с компартией. Установить, о каком выступлении Незвала идет речь, не удалось.

¹⁸ Оригинал на немецком языке, от руки. Последняя фраза написана неразборчиво.

Г. ПОКРОВСКАЯ

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ В ЮГОСЛАВИИ

«...Югославия для меня — особый уголок Балкан, к которому я испытываю особую привязанность, как к дому, где живет брат» — в этих словах Леонида Леонова¹ все его отношение к народу и стране, в которой он стал известен еще в 30-е годы. Так, в 1931 г. издательство «Zabavna biblioteka» публикует его роман «Барсуки».

В 1932 г., в связи с сорокалетним юбилеем литературной деятельности А. М. Горького, в журнале «Српски книжевни гласник» появился перевод сравнительно небольшой, но очень содержательной и обстоятельной статьи Леонова «О Горьком (из записной книжки)». Автор говорит, что это — «лишь наброски к портрету этого великого человека, так могуче ставшего на рубеже двух значительнейших наших эпох». По существу же статья знакомит югославского читателя с тем принципиально новым, что делает Горького основоположником целого направления в литературе.

Созданный в 1942 г. в Югославии Театр народного освобождения уже в следующем году включил в свой репертуар ряд пьес русских и советских авторов, а к моменту вступления частей Красной Армии в Югославию театр подготовил к постановке пьесу Леонова «Нашествие». Премьера «Нашествия» состоялась летом 1944 г. на небольшом острове Вис (Адриатическое море) и имела необыкновенный успех у зрителей — бойцов частей Народной армии. Они с энтузиазмом и глубоким пониманием восприняли эту правдивую и сильную драму². Весть об этом событии облетела весь мир: «Как сообщает радиостанция „Слободна Югославия“, югославский „Театр народного освобождения“ показал премьеру пьесы Леонида Леонова „Нашествие“. Главные роли в пьесе исполняют артисты Иванович, Африч, Попович, Рутич и другие, являвшиеся до оккупации Югославии ведущими актерами Белградского, Загребского и Скопленского драматических театров» (Женева, 14 сентября, ТАСС)³.

Работой над пьесой «Нашествие» Леонова возобновил свою деятельность, сейчас же после освобождения столицы, Народный театр в Белграде. «Театр открылся 31 декабря 1945 года постановкой пьесы советского драматурга Леонида Леонова „Нашествие“. На премьере присутствовали маршал Тито, председатель Антифашистского веча Народного освобождения Югославии доктор Иван Рибар и другие видные государственные деятели» (Белград, 31 декабря. ТАСС).

В 1949 г. в югославской печати появился переведенный на сербско-хорватский язык роман Леонова «Барсуки»⁴.

В 50-е годы произведения Леонова — рассказы, повести, романы и пьесы — регулярно переводятся на языки народов Югославии и постепенно становятся достоянием широкой общественности страны. В 1955 г. в журнале «Летопис матице српске» впервые был напечатан перевод отрывка из романа «Русский лес», а в 1956 г. в Любляне был издан роман «Русский лес»⁵. В сентябре 1956 г. журнал «Нин»⁶ опубликовал пе-

¹ «Литературная газета», 1964, 24 декабря, стр. 4.

² М. М и т р о в и ч. Светоч культуры. — «Советское искусство», 1945, 2 марта.

³ «Литература и искусство», 1944, 16 сентября.

⁴ Л. Л е о н о в. Жавац. Роман. Прев. Н. Николић. Нови Сад, Матица српска, 1949.

⁵ Л. Л е о н о в. Ruski gozd. Ljubljana, 1956.

⁶ «Нин», 1956, № 297, стр. 6—7.

ревод другого отрывка романа «Русский лес» и заметку, в которой приводятся основные данные биографии и творческого пути Леонова. В конце заметки сообщалось, что Леонид Леонов пребывает в стране как гость Союза писателей Югославии.

«...В 1956 году мы — целая артель писателей! — побывали, кроме Белграда, в Загребе, Любляне и других городах... А запоминается здесь многое!... Города — шумный Белград, строгий Загреб, древний, полный великолепных воспоминаний Дубровник. Мне показывали это приморское чудо ночью, при луне... и мне пригодился „секрет“ показа города при работе над недавно опубликованной повестью „Евгения Ивановна“... И, конечно, люди Югославии — верные друзья, искренние, открытые, сердечные», — писал Леонов ⁷.

В 1957 г. газета «Политика» предоставляет свои страницы для публикации переводов произведений Леонова. Там были напечатаны переводы рассказов «Меть», «Темная вода» ⁸ и другие. В том же году Народный театр в Белграде подготовил постановку пьесы Леонова «Золотая карета». По этому поводу постановщик и переводчик «Золотой кареты» Огненка Милчевич говорила: «Леонов создал в своей пьесе некий жанровый синтез. Здесь органично переплетаются трагедия и комедия, а лирические сцены сменяются сатирическими. Главное, что интересует драматурга, — это поведение человека, оказавшегося в тяжелой жизненной ситуации» ⁹.

В 1957 г. в Югославии был издан роман Леонова «Дорога на океан» ¹⁰, а в 1958 г. журнал «Савременик» поместил рецензию Радослава Джокича, посвященную этому событию в культурной жизни страны ¹¹. Автор рецензии высоко оценивает творчество Леонова — большого мастера психологического анализа, тонкого интерпретатора противоречий в психологии своих современников.

В 1959 г. издается рассказ Леонова «Белая ночь» ¹², в 1960 г. выходит из печати роман «Русский лес» ¹³ на сербско-хорватском языке, в 1961 г. повторяется издание «Барсуков» ¹⁴ и в 1963 г. издаются «Записки Ковьякина» ¹⁵.

В середине 60-х годов Леонов уже хорошо известен югославской общественности как автор значительного числа романов и повестей, переведенных на языки народов Югославии. Большую популярность приобрели его романы «Русский лес», «Вор», «Скутаревский», «Соть», «Сарапча» и пьесы «Золотая карета» и «Меть». Премьера последней состоялась в Современном театре в декабре 1964 г. и уже после первого спектакля вызвала большой интерес у театральной общественности югославской столицы. В конце декабря 1964 г. Леонов был приглашен в Белград ¹⁶.

«Я приехал на спектакль своей пьесы „Меть“, поставленной белградским Современным театром. Премьера пьесы состоялась еще в марте, сейчас было как бы ее второе крещение... Несмотря на трудность пьесы, в самом спектакле много настоящих актерских удач. Присутствуя на спектакле, я с большой радостью ощущал тот желанный контакт между зрителем и драматургом, без которого вообще неммыслимо театральное искусство», — писал Леонов ¹⁷.

В крупнейших издательствах страны сейчас готовят новые издания произведений Леонова. Известные югославские литературоведы и переводчики работают над произведениями Леонова, в их числе — Р. Лалич, М. Бабович, М. Иванович.

Леонов — один из самых популярных в Югославии советских писателей.

⁷ «Литературная газета», 1967, 24 декабря, стр. 4.

⁸ «Политика», 1957, 4 сентября; 1957, 30 октября.

⁹ «Театр», 1958, № 1, стр. 181.

¹⁰ Л. Леонов. Пут на океану. Београд, Нолит, 1957.

¹¹ «Савременик», 1958, № 10, стр. 344—366.

¹² Л. Леонов. Бела ноћ. Приповетке. Београд, Нолит, 1959.

¹³ Л. Леонов. Русска шума. Роман. Београд, Просвета, 1960.

¹⁴ L. Lеонов. Jazavci. Sarajevo, Svijetlost, 1961.

¹⁵ L. Lеонов. Kovjakinovi zapisi. Novi Sad, Progres, 1963.

¹⁶ «Югославия», 1965, февраль, стр. 32.

¹⁷ «Литературная газета», 1964, 24 декабря, стр. 4.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

К. Л. СТРУКОВА

К БИОГРАФИИ К. П. МИСИРКОВА

К. П. Мисирков (1874—1926) значительную часть своей жизни провел в России. В Полтаве он завершил среднее образование, а в Петербурге окончил историко-филологический факультет университета. В России началась его научная и публицистическая деятельность. Хотя в последнее время достигнуты значительные успехи в составлении полной биографии К. Мисиркова¹, тем не менее ряд моментов, касающихся, в частности, периода его пребывания в России, остается еще не выясненным. Материалы, найденные нами в Государственном историческом архиве Ленинградской области², в Архиве Академии наук в Ленинграде³, в Архиве внешней политики России в Москве⁴, позволяют внести интересные уточнения и дополнения к биографии К. Мисиркова.

После окончания Белградской учительской школы К. Мисирков приехал в Россию. Как явствует из прошения К. Мисиркова от 15 сентября⁵ 1897 г. в петербургское славянское благотворительное общество, получение историко-филологического образования было его заветной мечтой⁶. Чувствуя недостаточность подготовки, он поступил в V класс полтавской духовной семинарии, по окончании которого сделал две неудачные попытки поступить в институт⁷. Имеются документы, свидетельствующие о том, что Мисирков обращался в министерство народного образования Болгарского княжества с просьбой выделить ему стипендию для получения высшего образования. Ответ, направленный 9 августа 1896 г. министерством «господину Крестю Петкову» в Полтаву, содержит краткое уведомление, что просьба его не может быть удовлетворена, так как «кредит исчерпан»⁸. По-видимому, получив этот ответ, Мисирков 11 августа 1896 г. посылает письмо в Нежич, в институт кн. Безбородко. 19 августа ему направляется ответ, что прием прошений уже закончен и «в текущем году студенческих вакансий больше не имеется»⁹.

¹ См. Б. Р и с т о в с к и. Крсте Петков Мисирков. Скопје, 1966.

² ГИАЛЮ, ф. Петербургского университета, дело «О студенте Кресте Петковиче Мисиркове» (1897—1902).

³ Письма К. Мисиркова И. А. Бодуэну де Куртэне (ф. 102, п. 2, д. 214) и В. И. Ламанскому (ф. 35) от 1901, 1904, 1905, 1906 и 1912 гг. (Открытки к Бодуэну де Куртэне написаны по-польски.)

⁴ АВПР, ф. «Славянский стол». Здесь имеются прошения К. Мисиркова о пособиях и стипендии (иногда с приложением других бумаг), направлявшиеся им в разное время (1897—1900 гг.) в петербургское славянское благотворительное общество и азиатский департамент министерства иностранных дел.

⁵ Даты даются по старому стилю.

⁶ АВПР, ф. «Славянский стол», д. 11 653, л. 21. Располагая только данными о попытке К. Мисиркова до поступления в Петербургский университет зачислиться в Военно-медицинскую академию, Б. Ристовски ошибочно полагает, что К. Мисирков хотел получить медицинское образование по завету родителей (Б. Р и с т о в с к и. Там же, стр. 137).

⁷ АВПР, там же.

⁸ Там же, л. 43.

⁹ Там же, л. 38.

Неудачи не обескураживают Мисиркова. В феврале 1897 г., учась в VI классе Полтавской семинарии, он пытается исходатайствовать у петербургского славянского благотворительного общества стипендию или пособие, которые дали бы ему возможность получить историко-филологическое образование. Но все пока безуспешно¹⁰.

Прочитав в «Московских ведомостях» объявление московской городской управы о существовании Аксаковской стипендии для югославян, желающих поступить на историко-филологический факультет Московского университета¹¹, К. Мисирков 12 июня 1897 г. посылает в московскую городскую управу прошение о зачислении его на эту стипендию¹². 17 июня 1897 г. ему был направлен ответ, где сообщалось, что на означенную стипендию зачисляются лица, уже принятые в число студентов Московского университета¹³. 1 июля 1897 г. К. Мисирков приезжает в Петербург для получения разрешения министра народного просвещения поступить в Московский университет¹⁴. Несмотря на хлопоты, он получает 18 июля окончательный отказ¹⁵. По-видимому, поводом для отказа было отсутствие у Мисиркова аттестата зрелости.

Окончив семинарию и стремясь поступить в Московский университет, К. Мисирков отказался от возможности продолжать богословское образование¹⁶. Оказавшись без средств к существованию, он решает уехать из России. Но студенты из южных славян посоветовали ему поступить в Военно-медицинскую академию¹⁷. Из академии докупты Мисиркова (свидетельства об окончании Белградской учительской школы и Полтавской духовной семинарии) были отправлены в министерство народного просвещения для признания за ними силы аттестата зрелости. Положительный ответ последовал 11 сентября 1897 г.¹⁸ Таким образом, Мисирков получил право поступить в любое высшее учебное заведение ведомства министерства народного просвещения. В связи с этим он берет обратно свое прошение из Военно-медицинской академии и 12 сентября 1897 г. подает заявление на историко-филологический факультет Петербургского университета¹⁹, куда и был принят. 19 сентября К. Мисирков подписал традиционное обязательство не только не принадлежать к какому-либо «тайному сообществу», но даже без разрешения на то ближайшего начальства не участвовать ни в каких денежных сборах под угрозой, в противном случае, немедленного исключения из университета²⁰.

Еще летом 1897 г. он подал в азиатский департамент прошение о выдаче ему пособия «для содержания» до поступления в высшее учебное заведение²¹. 4 июля в комиссию по образованию южных славян поступило предписание азиатского департамента выдать «окончившему курс Полтавской духовной семинарии Кресто Петковичу» 20 руб. в единовременное пособие²².

Став студентом Петербургского университета, Мисирков вновь подает в азиатский департамент ряд прошений (20, 30 сентября) с просьбой назначить ему стипендию и выдать временное пособие²³. Аналогичные прошения Мисирков направляет и в петербургское славянское благотворительное общество, которое их пересылает в азиатский департамент²⁴. 30 сентября 1897 г. азиатский департамент получил предписание выдать «студенту С. Петербургского университета Петковичу» 30 руб. в единовременное

¹⁰ Там же, л. 21.

¹¹ Там же, л. 21 об.

¹² Там же, л. 44.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, л. 21 об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, л. 21 об., 22.

¹⁷ Там же, л. 21 об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ ГИАЛЮ, ф. 14, оп. 13, ед. хр. 34 653, л. 28.

²¹ АВПР, л. 12.

²² Там же, л. 11.

²³ Там же, л. 13, 14.

²⁴ Там же, л. 16, 19.

пособие²⁵. В октябре комиссия по образованию южных славян удовлетворила просьбу К. Мисиркова уплатить правлению Петербургского университета 47 руб. за право слушания лекций первого семестра²⁶. В этом же месяце комиссия сообщила славянскому благотворительному обществу (в ответ на его запрос), что Мисирков зачислен в кандидаты на стипендию, но когда он ее получит, комиссия точно указать не могла²⁷.

Стипендия в размере 30 руб. в месяц была назначена Мисиркову с апреля 1898 г.²⁸ Кроме того, азиатский департамент регулярно переводил в университет плату за его обучение²⁹. К. Мисирков пользовался также льготами, учрежденными для студентов. Интересно, что о выделении Мисиркову стипендии с самого начала горячо ходатайствовал выдающийся русский славист В. И. Ламанский. В письме от 14 сентября 1897 г. к деятелю Петербургского славянского комитета И. С. Пальмову Ламанский писал, что успел познакомиться с Мисирковым и нашел, что «этот молодой человек серьезный и может с успехом работать в университете»³⁰. Из более позднего письма К. Мисиркова В. И. Ламанскому мы узнаем, что Ламанский ходатайствовал о выделении стипендии Мисиркову и перед азиатским департаментом, ездил туда лично по этому поводу³¹.

По-видимому, первый год в Петербургском университете (до получения стипендии) был тяжелым для Мисиркова из-за отсутствия твердой материальной базы и непривычного, сурового климата. Весенних экзаменов Мисирков не сдавал и был переведен на второй курс условно, с обязательством в следующем году держать экзамены за два курса³².

Но выделение стипендии окрыляет Мисиркова, и он стремится максимально использовать все возможности для получения широкого филологического образования. Поэтому предстоящие каникулы (июнь — сентябрь 1898 г.) он решает провести в Праге, «желая близко познакомиться с языком и литературой чехов»³³. 21 мая 1898 г. Мисирков получает от азиатского департамента, помимо стипендии за три летних месяца, дополнительно 30 руб. на дорогу³⁴. Но по приезде в Прагу заболевает тифом и попадает в больницу. Отсюда 3 июня 1898 г. он пишет письмо в Петербургский университет с просьбой выслать ему удостоверение, что он является студентом университета и пользуется соответствующими льготами³⁵. К сожалению, мы не располагаем данными, как долго оставался Мисирков в Праге и смог ли заниматься там.

Продолжает он болеть и в Петербурге. Почти весь октябрь 1898 г. он находился в петербургском клиническом военном госпитале и был вынужден просить академический отпуск на 2—3 месяца «для окончательного выздоровления на юге». Отпуск для поездки на родину (по 10 января 1899 г.) предоставляется ему безотлагательно³⁶. По возвращении в Петербург он в марте того же года на основании свидетельства университетского врача был освобожден от экзаменов до весны следующего года и оставлен повторно слушать лекции III и IV семестров³⁷. В апреле 1899 г. Мисирков снова выезжает за границу для восстановления здоровья (отпуск ему предоставляется до 20 августа)³⁸.

1899—1900 учебный год прошел, очевидно, спокойно, ибо в студенческом деле Мисиркова хранится его прошение выдать удостоверение о сдаче всех полукурсовых

²⁵ Там же, л. 18.

²⁶ Там же, л. 20.

²⁷ Там же, л. 24.

²⁸ Там же, л. 1, 31.

²⁹ Там же, л. 20, 32, 50, 79 и др.

³⁰ Там же, л. 42 об.

³¹ Архив Академии наук в Ленинграде, ф. 35, оп. 1, л. 952, л. 8—10.

³² АВПР, л. 29; ГИАЛЮ, л. 33.

³³ АВПР, л. 35.

³⁴ Там же, л. 35, 36.

³⁵ ГИАЛЮ, л. 34.

³⁶ Там же, л. 40, 41.

³⁷ Там же, л. 55, 56.

³⁸ Там же, л. 42, 43.

экзаменов второго курса и о переводе на третий курс. На прошении стоит помета: «г-н Мисирков сдал все экзамены. 23 мая 1900 г. Ф. Соколов»³⁹. В июне 1900 г. Мисирков, по-видимому, выехал в отпуск на родину, о чем свидетельствует полученное в канцелярии университета удостоверение для представления в Русское общество пароходства и в русское консульство в Салониках⁴⁰. Успешно был им закончен и 1900—1901 учебный год⁴¹.

Однако, оставшись летом 1901 г. в России для занятий литовским языком⁴², Мисирков снова заболевает. По совету университетского врача он решает перевестись в Новороссийский университет, чтобы «не сорвать подготовку к предстоящим государственным экзаменам»⁴³. Его ходатайство о переводе было удовлетворено ректором Петербургского университета 15 сентября 1901 г.⁴⁴ В ответе говорилось, что никаких возражений к переходу К. Мисиркова в Новороссийский университет не имеется: экзамены за все три курса он сдал и ни в чем предосудительном в стенах университета замешан не был⁴⁵. Осенью 1901 г. К. Мисирков зачисляется на четвертый курс историко-филологического факультета Новороссийского университета⁴⁶.

Имеющиеся материалы позволяют частично установить, какие курсы лекций и у каких профессоров Петербургского университета слушал К. Мисирков. На первом курсе он занимался психологией, логикой, русской историей, историей античного мира и средневековья, историей славянских народов и наречий, изучал древних авторов⁴⁷. На втором курсе добавились новые предметы: новая история, история русской литературы, введение в языковедение, античная философия, богословие⁴⁸. Учителями К. Мисиркова в эти годы были В. И. Ламанский, Н. И. Кареев, А. И. Введенский, В. К. Эрнштедт, Ф. Ф. Зелинский, С. Ф. Платонов, И. Н. Жданов, А. И. Соболевский, И. М. Гревс⁴⁹. На третьем курсе учителем Мисиркова становится знаменитый филолог И. А. Бодуэн де Куртэне. Под его руководством Мисирков пишет курсовой реферат⁵⁰.

Во время пребывания в Петербургском университете К. Мисирков проявил большой интерес к языкам. Помимо русского языка он изучает — церковно-славянский, греческий, латинский, английский, немецкий⁵¹. Кроме того, он интересовался чешским, литовским и польским языками. Все это, безусловно, свидетельствует о широких лингвистических интересах Мисиркова.

Окончив четвертый курс в Новороссийском университете, К. Мисирков для сдачи государственных экзаменов возвращается в Петербургский университет. Он сдает их в течение апреля — мая 1902 г.⁵² и получает, как уже известно, диплом первой степени⁵³.

После окончания университета К. Мисиркова оставляли при историко-филологическом факультете для подготовки к профессорскому званию⁵⁴. Почему он не воспользовался этой возможностью — неясно. По всей вероятности, он хотел быстрее вернуться на родину.

³⁹ Там же, л. 45.

⁴⁰ Там же, л. 50.

⁴¹ Там же, л. 23—23 об.

⁴² По-видимому, интерес к литовскому языку пробудил у Мисиркова профессор Эдуард Александрович Вольтер.

⁴³ ГИАЛО, л. 14—14 об.

⁴⁴ Там же, л. 24.

⁴⁵ Там же, л. 23—23 об.

⁴⁶ Там же, л. 12.

⁴⁷ Там же, л. 36, 37.

⁴⁸ Там же, л. 48, 49 об.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Архив Академии наук в Ленинграде, ф. 102, оп. 2, д. 211, л. 1—3.

⁵¹ ГИАЛО, л. 5, 37, 49 об.

⁵² Б. Р и с т о в с к и. Там же, стр. 141.

⁵³ Там же, стр. 140.

⁵⁴ Об этом Мисирков писал Ламанскому в письме от 15 февраля 1912 г. — Архив Академии наук в Ленинграде, ф. 35, оп. 1, д. 952, л. 8—10.

Дружеские отношения, сложившиеся у Мисиркова с некоторыми его наставниками — В. И. Ламанским, И. А. Бодуэном де Куртэне, Э. А. Вольтером, сохранились и в дальнейшем. Из разных городов России, где Мисирков работал, он писал им о своих делах и планах, просил помощи и совета, как в прежние студенческие годы. В письме к В. И. Ламанскому от 24 августа 1904 г. Мисирков сообщил о посещении Петербурга в сентябре — октябре 1903 г., о поездке в Софию, попытке снова вернуться в Македонию, чтобы там, занимая какую-нибудь нештатную должность при одном из русских консульств, работать на пользу своей родины⁵⁵. Приехав с большим риском, по его словам, в Константинополь, он убедился, что до поры до времени его намерения не выполнимы. Тогда он вернулся в Одессу и получил место преподавателя в Бердянске. Мисирков писал далее Ламанскому, что летом 1904 г. он был у попечителя Одесского учебного округа и просил перевода в Одессу с целью заниматься славяноведением. Так как его просьба не была удовлетворена⁵⁶, Мисирков считал, что ему придется, видимо, ограничиться одной преподавательской деятельностью⁵⁷. В письме от 26 ноября 1903 г. Мисирков сообщал Ламанскому о своей женитьбе (4 сентября 1905 г.) и рождении сына Сергея. «Таким образом, — писал Мисирков, — я превратился в настоящего семьянина и навсегда порвал связь с южнославянской политикой, отдав свое свободное время и силы славянской филологии и в особенности истории южных славян и Византии». Он жаловался Ламанскому, что преподавательская деятельность отнимает у него 7 часов в сутки, однако, несмотря на это, он не прекратил научных занятий и даже решил в январе или феврале 1907 г. сдать магистерский экзамен по истории славян, хотя не знает, можно ли это делать, так как при русских университетах нет кафедры славянской истории отдельно от кафедры славянской филологии⁵⁸. Экзамены Мисирков собирался сдавать в Киевском университете у крупного ученого-слависта Т. И. Флоринского, лучшего знатока истории южных славян⁵⁹. По неизвестным причинам Мисирков не закончил сдачу магистерских экзаменов⁶⁰. В 1912 г. он решает снова возобновить свои попытки в этом направлении, намереваясь хлопотать о выделении ему профессорской стипендии. Он просил Ламанского поддержать его кандидатуру в министерстве народного просвещения⁶¹.

⁵⁵ Там же, л. 4—5.

⁵⁶ Только в августе 1905 г. Мисирков смог переехать в Одессу, где прожил 6 лет.

⁵⁷ Архив Академии наук в Ленинграде, там же, л. 4—5.

⁵⁸ Там же, л. 6—7.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, л. 8—10.

⁶¹ Там же.

В. Д. КОРОЛЮК

БОЛГАРСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В ГРАФИКЕ Н. И. КАЛИТЫ

Николаю Ивановичу Калите 41 год. Он молод и полон энергии. Оптимизм и жизнелюбие придают особую непринужденность его остроумной беседе. С ним весело и просто. Но стоит только взглянуть на его работы, чтобы сразу почувствовать в нем зрелого, много передумавшего, строго относящегося к своему искусству художника. Его свободный и легкий рисунок выдает опытность руки и наблюдательность глаза, в его гравюре по дереву привлекают не только безукоризненный профессионализм и чувство материала, но и красота разнообразного, словно бы вьющегося, напевного штриха.

Как график Н. И. Калита успел испытать свои силы в различных техниках, начиная от беглого рисунка и кончая сложным и тонким искусством офорта. Он в равной мере зарекомендовал себя в качестве крупного и самостоятельного мастера и в станковой и в книжной графике. Быстрый успех художника, только в 1953 г. закончившего Московский институт изобразительного искусства им. Сурикова и прямо с его порога уверенно вступившего в просторный мир большой графики, объясняется его дарованием, напряженным трудом, непрекращающимися поисками новых выразительных графических средств. Разумеется, большую роль сыграла и превосходная техническая школа, воспринятая им от видных советских графиков Б. А. Дехтерева (рисунок, иллюстрация) и М. В. Маторина (гравюра). В дальнейшем, главным образом при работе в излюбленной им сфере книжной графики, Н. И. Калита очень внимательно изучил опыт строго аналитического искусства В. А. Фаворского. Определенное влияние оказала на него и романтически приподнятая графика Ф. Д. Константинова.

Не будучи врагом нового и смелого поиска в графике, Н. И. Калита при выработке собственного глубоко оптимистического и реалистического, хотя и проникнутого лирикой и элементами романтического видения действительности,¹ художественного языка и образного строя мыслей опирался прежде всего на достижения советской графической традиции, идущей от высоких образцов искусства Н. И. Павлова, В. А. Фаворского, отчасти А. И. Кравченко и их последователей. Усилению лирических и романтических элементов в его графике много способствовали путешествия художника по Советскому Союзу, прежде всего в богатые памятниками древних цивилизаций Среднюю Азию и Кавказ.

В 1960 г. он посетил Индонезию, впечатления от которой нашли впоследствии отражение в большой серии линогравюр и офортов — «Индонезийский цикл». Лирические и романтические начала в графике Н. И. Калины связаны с его постоянным увлечением поэзией — от классиков XIX в. до современных советских поэтов, произведения которых многократно им иллюстрировались.

Подчеркивая широкий диапазон² художественного творчества Н. И. Калины, необходимо отметить то большое и самостоятельное место, которое в его графике заняла болгарская тематика. Увлечение ею началось в 1957 г. В этом году, во время Всемирного фестиваля молодежи в Москве, Н. И. Калита впервые близко сошелся с молодыми болгарскими художниками и искусствоведами. Связи с представителями

Рис. 1

болгарской художественной культуры не прерывались с тех пор. Они переросли в постоянное дружеское общение, особенно с художниками Н. Балканским, В. Захарьевым, искусствоведами А. Божковым и Д. Остоичем, поэтом С. Северняком и др. В знак дружбы и с тайной надеждой обратиться внимание болгарских художников на такую благодарную форму малой графики, как книжный знак, Н. И. Калита работает сейчас над серией экслибрисов на болгарские темы для своих болгарских коллег. Проект одного из них публикуется здесь впервые (см. рис. 1).

И как графика-реалиста, которому близки, однако, героико-романтические ситуации и образы, и как русского, советского человека, Н. И. Калиту привлекла прежде

все замечательная эпоха болгарского Возрождения, завершившаяся Апрельским восстанием 1876 года и победоносной русско-турецкой войной 1877—1878 гг., принесшей национальное освобождение болгарскому народу.

Взявшись за художественное оформление романа советского писателя С. Н. Голубова, посвященного детству и юности великого болгарского революционера-демократа Христо Ботева, его годам учения в России¹, Н. И. Калита с головой ушел в изучение исторических событий 60-х годов XIX в. в России и на Балканах, революционной деятельности Г. Раковского и Х. Ботева, внимательно проштудировал материалы, относящиеся к быту и городской архитектуре Болгарии середины прошлого столетия, ее богатой природе, изучил болгарскую реалистическую живопись и графику.

Результатом этой большой и напряженной работы явился интересный цикл книжных гравюр², традиционно характеризующих главные, поворотные моменты романа С. Н. Голубова. Общее оптимистическое звучание мастерски выполненных гравюр подчеркивается приподнято-романтическим строем заставки и концовки к роману с портретами юного Ботева. Особенно выразителен портрет болгарского революционера в первой гравюре-заставке цикла (рис. 2). Элементы романтического пафоса характеризуют и другую гравюру цикла, где центральными фигурами являются героические образы Г. Раковского и Панайота Хитова. Зато в строго реалистических тонах выдержаны очень красивые по штриховой манере и по соотношению светлых и темных пятен гравюры, рисующие болгарский быт, жестокий произвол турецких властей и протест болгарского населения против национального гнета (рис. 3).

Посвященный болгарскому Возрождению цикл книжных гравюр Н. И. Калиты нашел высокую оценку в Болгарии. Характеризуя его, болгарский искусствовед А. Божков писал в 1964 г., что «творчество Калиты свидетельствует о большой профессиональной культуре, изысканном вкусе и солидной технике». И далее: «Чтобы достичь сложного и сильного художественного воздействия, Калита умело пользуется всевоз-

Рис. 2

¹ С. Голубов. Птицы летят из гнева. О детстве и юности великого болгарина Христо Ботева, о друзьях и недругах его ранних лет. М., 1958.

² К сожалению, воспроизведение этих гравюр в тексте книги С. Н. Голубова отнюдь не передает ни тонкости, ни, тем более, силы воздействия авторских оттисков с досок.

Рис. 3

можными подробностями — от этнографических и архитектурных деталей болгарского города эпохи Возрождения до физических черт, которые можно приписать собирательному национальному типу»³. А говоря об общих задачах, которые решались в гравюрах советским художником, болгарский искусствовед подчеркивает, что «они конкурируют с задачами живописной картины. Впрочем, — отмечает он, — увлечение обстоятельным рассказом не мешает специфическим особенностям гравюры»⁴.

Рис. 1

Вторая большая группа графических работ Н. И. Калиты на болгарские темы возникла в 1966 г., в связи с его путешествием по Болгарии. Это серия крупных рисунков пером, исполненных частично на фильтровальной бумаге, отчего рисунок сильно

³ А. Божков. Гравюрите на Николай Иванович Калита. «Изкуство», 1964, № 3, стр. 36.

⁴ Там же, стр. 37.

Puc. 5

Puc. 6

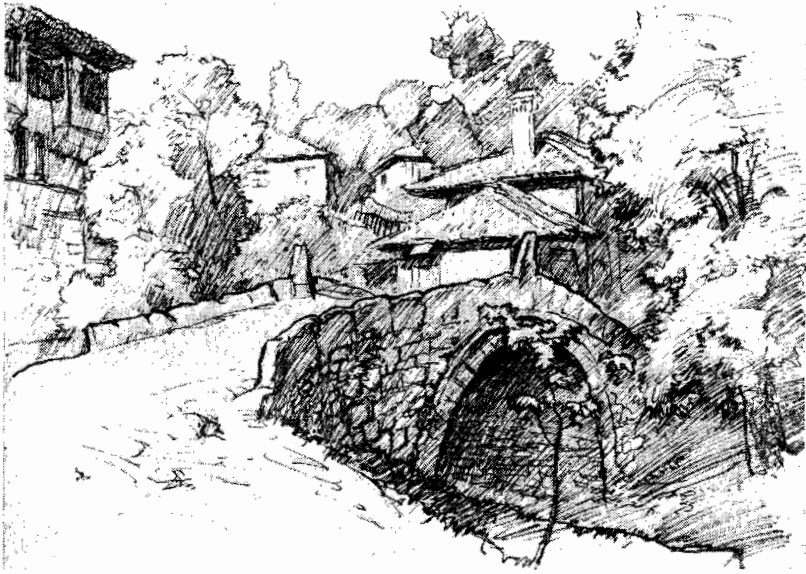

Рис. 7

выигрывает в сочности и живой плавности штриха. Легкие и прозрачные, они посвящены болгарскому пейзажу, замечательным памятникам болгарской старины. См., например, рисунки Боянской церкви с всемирно-известными фресками XI—XII вв. (рис. 4) или сыгравшего столь памятную роль в болгарском Возрождении Рыльского монастыря. Будущее покажет, выльются ли эти работы в новый цикл гравюр, раскрывающих романтическую эпоху болгарского Возрождения. Но уже сегодня можно сказать, что рисунки эти образуют собой единую по содержанию и эмоциональной окраске серию работ, ибо в центре внимания художника все время находится Болгария 50—70-х годов XIX в., ее типичный для того времени городской пейзаж с узкими улочками и нависающими над ними балконами домов (рис. 5), здания и местности, связанные с деятельностью болгарских революционеров (рис. 6) и вооруженной освободительной борьбой народа (Копривщица. «Мост первого выстрела» — рис. 7). Именно эта целостность замысла в сочетании с искусством исполнения делает серию болгарских рисунков Н. И. Калиты явлением, заслуживающим внимания.

А. И. РОГОВ

ЧАША ИВАНА ГРОЗНОГО В СЕРБСКОМ МОНАСТЫРЕ

*Чаша царя Ивана Васильевича Грозного,
1559 год*

История культурных связей Сербии и России в эпоху средневековья богата событиями и памятниками. Связи эти были чрезвычайно многообразны. Они охватывали письменность, литературу, архитектуру, живопись, прикладное искусство. После турецкого завоевания многие сербы находили себе в России вторую родину. Неизменно из России в Сербию шла помощь материальная и духовная: посылались щедрые пожертвования, книги, произведения искусства. Они сосредоточивались главным образом в монастырях — почти единственных очагах культуры сербского народа в тяжелые годы турецкого ига. Среди таких монастырей особенно выделялся Милешевский Вознесенский монастырь на юго-западе страны. Он был основан около 1234 г. королем Владиславом. Собор монастыря расписан великолепными всемирно-известными фресками. В исто-

рию сербской культуры Милешевский монастырь вошел и как один из центров книгопечатания. В 1544 г. в Милешеве была напечатана Следованная псалтырь, а в 1545 г. Молитвослов. В 1557 г. вышло второе издание Псалтыри. Однако Милешевской типографии, стремившейся выпускать высокохудожественные издания, не хватало соответствующих образцов, и в 1568 г. милешевцы обратились в Москву с просьбой прислать русские рукописи, украшенные миниатюрами. С Москвой Милешево было связано давно и прочно. Милешевцы — нередкие гости в Москве XVI в. Неудивительно поэтому, что в 1559 г. царь Иван Грозный подарил монастырю серебряную чашу (в настоящее время она хранится в Музее Сербской православной церкви в Белграде). Чаша имела чисто светское назначение. Дно ее украшает изображение дикого зверя гепарда с длинными изогнутыми когтями. Подобные изображения хорошо известны в древнерусском искусстве начиная с XIV в. (например, в миниатюрах Онежской псалтыри). То, что предмет светского характера был подарен в монастырь, не должно удивлять нас. Известно, что в 1509 г. белградский митрополит Феофан получил в Москве в подарок ковш.

Личное внимание Ивана Грозного к сербскому монастырю имеет и свои особые причины. Дело в том, что Иван Грозный состоял в родстве с сербскими деспотами. Тетка его матери Елены Васильевны Глинянской была замужем за сербским деспотом Иованом, который правил в Среме под эгидой венгерского короля.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УЧЕБНИК ПО ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН¹

Каким должен быть вузовский учебник? Каков должен быть его объем, соотношение в нем теоретического и фактического материала? Должен ли он содержать только давно проверенные выводы или может включать и спорные положения? Авторы многих учебных пособий, появившихся в последнее время, по-разному отвечают на эти вопросы.

Коллективный труд украинских ученых, вышедший в 1966 г.², явился первым опытом создания краткого учебника по университетскому курсу истории южных и западных славян. Он отличается от учебника, изданного в 1957 г. в Москве, прежде всего хронологическими рамками: изложение событий здесь доведено до 1963—1964 гг. Естественно, что при работе над ним были учтены и достоинства и недостатки учебника 1957 г., однако незавершенность научной разработки некоторых вопросов истории южных и западных славян, которая чувствовалась в московском издании, в какой-то мере отразилась и на данном учебнике.

Пытаемся же поставить вопрос, какие проблемы выделены в учебнике и как фактический материал способствует их раскрытию? На наш взгляд, этот материал должен отразить общие закономерности исторического процесса и особенности развития славянских стран, для чего необходимо сравнение основных социально-экономических процессов в различных славянских странах, а также сопоставление их с соответствующими процессами в развитых европейских странах. Новый, более подготовленный контингент студенчества требует и более ответ-

ственного подхода к освещению вопросов истории культуры, источниковедческого и историографического материалов.

«История южных и западных славян» открывается кратким введением, определяющим задачи авторского коллектива. Нам кажется, что здесь следовало подробнее остановиться на особенностях периодизации славянской истории, общих принципах построения учебника, объяснив причину, которая заставила авторов обойти вниманием историографические проблемы.

Весь фактический материал в учебнике разбит на 10 разделов, которые не вызывают возражений по существу, но требуют единых критериев при определении их наименований. Пбо оказалось, что разделы I, II, IV, VIII названы в соответствии с этапами социально-экономического развития. В наименовании других внимание акцентировано на политических факторах (например, раздел «Чехия и Словакия под гнетом Австрии»), а раздел VII («Славянские земли в конце XIX — начале XX в.») определен лишь хронологическими рамками.

Большой удачей, на наш взгляд, явилось выделение в I разделе, содержащем вводные сведения о происхождении, расселении и общественном строе древних славян, специального вопроса об общих закономерностях разложения первобытно-общинного строя и становления славянской государственности. Такие теоретические введения, избавляющие учебник от неизбежных повторов, не только возможны, но и необходимы в любом издании, полном или кратком.

Рассматривая развитие феодальных отношений у южных и западных славян (раздел II), авторы обращают внимание на процессы становления феодальной собственности, закрепощения крестьянства, отмечают наиболее крупные выступления народных масс. Однако приходится отметить неодинаковую глубину раскрытия этих вопросов в отдельных странах, отсутствие сравнений важнейших феодальных институтов и норм права, сложившихся в славянских странах, с соответствующими западноевропейскими

¹ «Історія південних і західних слов'ян». За редакцією проф. В. А. Жебокрицького, проф. І. С. Дзюбка, доц. А. Ф. Кізченка, доц. І. М. Гранчака. Вид-во Київського ун-ту, 1966, 423 стор.

² В состав авторского коллектива входят А. С. Бейлис, И. М. Гранчак, И. С. Дзюбка, В. А. Жебокрицкий, А. Ф. Кизченко, Д. Л. Похилевич, С. И. Сидельников, И. М. Теодорович.

ми феодальными институтами. Если авторы пытаются показать формирование класса крепостных в Хорватии (стр. 27), Чехии (стр. 33), то для Сербии они лишь ограничиваются констатацией факта закабаления свободного и полузависимого крестьянства (стр. 24). Между тем сербские грамоты в сочетании со сведениями Законника Стефана Душана позволяют не только проследить процесс постепенного становления крепостничества, но и точно определить время прикрепления сербских меропхов к земле. Освещение важного факта раздач в славянских землях ленов (стр. 30), проний (стр. 16), бенефициев (стр. 44) во многом выиграло бы от сопоставления с условными владениями в Западной Европе.

Выявление характерных черт и особенностей социально-экономического развития имеет большое значение и для понимания славянской политической истории. Умелым сочетанием теоретического и фактического материала отличается изложение истории Польши VIII—XV вв. Заслуживает внимания попытка объяснить рыцарство государственного объединения Польши XI в. сочетанием пензкитого еще «племенного» сепаратизма с растущим феодальным сепаратизмом (стр. 45). В дальнейшем, наряду с высшим причинам централизации польского государства, отмечаются и ее слабые стороны, причины, по которым польские города не стали опорой королевской власти в борьбе за объединение страны.

История Чехии XIII—XIV вв. являет собой иной вариант централизации. Королевская власть, даже в период ослабления сумевшая сохранить высшие законодательные и судебные прерогативы (стр. 34), окрепнув, поддерживала рост городов (стр. 35). В то же время процесс усиления центральной власти в Сербии и Болгарии показан бегло, а вопрос о ее взаимоотношениях с городами не поднимается вообще.

Разделы III, IV, V освещают историю славянских народов в XV—XVIII вв. Это — история экономического развития, замедленного шлоземным, особенно турецким, завоеванием. В истории Польши это — время недолгого усиления Речи Посполитой, сменившегося политическим ослаблением, приведшим к ее разделам. Совершенно правомерно здесь уделено большое внимание «так называемому» второму изданию крепостничества, подчеркнуты особенности зарождения капиталистических отношений в западнославянских землях.

Новая история славян открывается борьбой за национальное освобождение, за воссоздание независимых славянских государств. В специальном (VI) разделе учебника нашли отражение проблемы экономического и политического положения славянских земель в конце

XVIII — 70-х годах XIX в., процесс развития капиталистических отношений, ход национально-освободительной борьбы. На наш взгляд, это один из наиболее удачных разделов учебника; в нем четко определен характер освободительного движения. Сербское восстание 1804—1813 гг., цель которого состояла в «завоевании политической независимости и ликвидации феодальных отношений», трактуется в учебнике как буржуазно-демократическая революция (стр. 143). Восстание 1863—1864 гг. в Польше также квалифицируется как буржуазная революция, оставшаяся незавершенной (стр. 119).

Однако и здесь особенности экономического развития каждой страны на фоне других славянских и европейских стран не всегда выявлены в достаточной степени четко. Более полной в этом смысле оказывается экономическая характеристика Чехии и Словакии. Фактический материал о состоянии чешского сельского хозяйства завершается закономерным выводом о прусском пути развития капитализма в сельском хозяйстве (стр. 122). Отличаясь по темам промышленного развития от Словакии (и, добавим, от других славянских стран), Чехия тем не менее в конце XVIII в. обладала лишь мануфактурными предприятиями, в то время как в Англии и Франции уже начался промышленный переворот (стр. 122). Характеристика экономического развития Польши строится на основе тезиса об огромном ущербе, причиненном стране ее разделами, «поскольку рушились веками налаженные экономические связи» (стр. 97). Подчеркнуты отличительные особенности положения польских земель в составе Пруссии, Австрии и России. В то же время интересное и достаточно подробное описание экономического положения Болгарии не содержит материала сравнительно-исторического плана. Обобщением оказывается и анализ экономики Сербии в конце XVIII — начале XIX в. Он изолирован от последующего текста, не объясняет особенностей политической борьбы в стране.

В рецензируемом учебнике наша оценка и проблема культурного подъема, часто именуемого возрождением. Отрадно попытка выявить характерные черты чешского и словацкого возрождения, хотя здесь, на наш взгляд, следовало бы назвать имена чешских будителей. Более подробны сведения о деятелях болгарской культуры: Паисии Хилендарском, Софронии Врачанском, Петре Бероне (стр. 155). Польская культура 1-й половины XIX в. представлена только А. Мицкевичем; И. Лелевель, к сожалению, показан лишь как политический деятель. Незаслуженно забыты представители сербской культуры — автор «Истории разных славянских народов» И. Равч, Вук Стефанович Караджич и др.

История славянских народов в конце XIX — начале XX в. излагается в VII разделе. Здесь достаточно убедительно показаны особенности экономического развития отдельных славянских стран при различной степени сочетания капиталистических отношений с пережитками феодально-крепостнической системы. В условиях растущей классовой борьбы буржуазии и пролетариата выявлено изменение характера национальной борьбы, состава ее участников. Следует приветствовать весьма умеренную дозировку цифрового материала, умелая подборка и образное сопоставление которого делает его нетрудным для запоминания (например, в 90-е годы XIX в. в Болгарии один земледelec платил в среднем столько же податей, сколько 20 чиновников, стр. 209).

Совершенно оправдано значительное внимание, которое авторы данного раздела уделяют проникновению социалистических идей в славянские земли, первому знакомству с работами основоположников марксизма, возникновению рабочих партий. Это наиболее важные вопросы, изложение которых дает ключ к пониманию истории рабочего движения в последующий период. Поэтому особо следует остановиться на программах первых рабочих и социал-демократических партий, их достоинствах и недостатках.

Наиболее удачно, на наш взгляд, изложена программа Сербской социал-демократии, подвергнута анализу ее ошибочные положения, в значительной части заимствованные из Эрфуртской программы (стр. 201). Более схематично представлены программы других партий. Неясно, как решала национальный вопрос польская партия «Пролетариат», в чем выразился отход партии «от марксизма к анархизму» (стр. 170). Еще более обедненно показано отношение СДКПиЛ в первые годы ее существования к теории и тактике социалистического и национально-освободительного движения. Здесь лишь декларируется, что «несмотря на ошибки, польская социал-демократическая партия была марксистской» (стр. 174). И только в ходе изложения событий 1905—1907 гг. в Польше выявляется ошибочная позиция СДКПиЛ по национальному и крестьянскому вопросам (стр. 176). Общеизвестно, однако, что эта позиция определялась теорией, сложившейся ранее. К тому же, в 1905—1907 гг. партия стала менять свое отношение к крестьянам, обращаясь к ним с призывом о совместной борьбе. Партийная конференция в ноябре 1905 г. принимает специальное решение: «Партия обязана приложить все усилия, чтобы вовлечь в водоворот революции пролетарские и демократические элементы в деревне и всюду, где это будет возможно, возглавить стихийные крестьянские высту-

пления»³. Разумеется, все это было еще далеко от ленинского разрешения аграрного вопроса, от признания крестьянства обязательным союзником пролетариата, но в 1905—1907 гг. СДКПиЛ по отношению к крестьянству шла впереди многих социал-демократических партий, и это следовало бы отметить.

Односторонне представлена Бржевновская программа чешской социал-демократии. Как известно, она исходила не только из программы I Интернационала, но что справедливо указывается в учебнике (стр. 180), но имела и ряд положений, заимствованных из Готтской программы, — о чем почему-то умалчивается. Наконец, для Болгарской социал-демократической партии лишь констатируется факт принятия программы и устава, основные положения которых вообще не получили освещения (стр. 212).

История каждой славянской страны на первом этапе общего кризиса капитализма (раздел VIII) открывается вводным положением о влиянии Октябрьской революции, но общее впечатление от масштаба событий несколько снижается тем, что фактический материал о революционном движении в славянских землях под влиянием идей Октября разобран по двум (VII и VIII) разделам. О восстаниях болгарских матросов, выдвинувших лозунг мира без аннексий и контрибуций, говорится на стр. 224, а о восстаниях в Риеке и Пуле, которые являлись продолжением антивоенного движения масс под влиянием Октября, сообщается лишь на стр. 252. Соответственно расчлененными оказались Владдайское солдатское восстание в Болгарии (стр. 227—228) и восстание на крейсере «Надежда» (стр. 235).

В кратком учебнике безусловно трудно рассмотреть сложную политическую историю этого периода. Буржуазия славянских стран, пользуясь разобщенностью рабочего и крестьянского движения, слабостью молодых коммунистических партий, сумела удержаться у власти. В учебнике четко выявлены причины победы имущих классов в Польше (стр. 290), правильно указано на незавершенность национально-демократической революции в Чехословакии, на иллюзии «демократизма», которые помогли чешской буржуазии сохранить власть в своих руках (стр. 274, 276).

Большое место в истории межвоенной Европы занимала борьба за единый фронт против фашизма, которая проводилась под руководством коммунистических партий, прошедших сложный и трудный путь большевизации. Отмечая, что авторы учебника в общем справились с этой задачей, показав общее направление

³ «Социал-демократия Польши и Литвы в революции 1905 г.». Сб. документов. М., 1956, стр. 493.

борьбы за единый фронт, роль в ней Коминтерна, следует все же указать на неравномерность освещения этой проблемы в различных параграфах. Компактно излагается вопрос о большевизации КПЮ. Достаточно подробно отражен процесс большевизации БКП, подчеркнута роль Сентябрьского восстания как переломного момента в овладении теорией и опытом большевистской партии (стр. 243). Но в истории борьбы за единый фронт в Чехословакии лучше представлен период после VII конгресса Коминтерна; процессу же большевизации КПЧ до 1935 г. уделено значительно меньше внимания. Одни указания на наличие уклонов и оппортунистических ошибок партии (стр. 280, 281), без их конкретизации (значительная часть этих ошибок связана с тем, что вошедшее в компартию социал-демократическое большинство не сумело преодолеть социал-демократических ошибок) не могут помочь оценить всю значимость победы лепшского курса в КПЧ.

История славянских стран в межвоенный период изложена в тесной связи с общевропейской историей. Однако международная значимость некоторых событий могла быть выделена особо. Не ограничиваясь сообщением об откликах за границей на Сентябрьское восстание 1923 г. в Болгарии (стр. 243), следовало бы подчеркнуть его значение как опыта первого в Европе вооруженного выступления против наступающего фашизма.

IX раздел учебника посвящен борьбе славянских стран против фашистского гнета в годы второй мировой войны. В нем рассказывается о положении славянских стран под игом гитлеровской Германии и о все более активизировавшейся борьбе народных масс под руководством коммунистических партий, приложивших немало усилий для создания единого антифашистского фронта; подчеркивается роль Советской Армии в освобождении славянских стран, говорится об участии советских людей в движении Сопротивления.

Учебник завершается разделом об установлении народно-демократического строя и строительстве социализма в славянских странах. Здесь излагаются основные закономерности восстановительного периода, показывается ход строительства социализма, отмечается большая помощь Советского Союза на всех этапах развития стран народной демократии. Фактический материал четок, доходчив, свеж. Показывая несомненные успехи славянских стран в строительстве социализма, авторы не умалчивают и о временных трудностях и некоторых

ошибках, которые имели место. Но на вопросах о характере народно-демократических революций, чертах сходства и отличия их от Великой Октябрьской социалистической революции, путях перерастания народно-демократических революций в социалистические внимание авторов не заострено. Правда, на стр. 339 говорится о народной демократии как особой форме диктатуры пролетариата, является такая особенность, как сохранение многопартийной системы, проведение реформ в несколько этапов. Однако ни в одном из параграфов вопрос не поставлен в плане теоретическом. Кроме того, упущены особенности аграрной реформы. Только для Польши указывается, что реформа не предполагала национализации всей земли (стр. 372); как обстояло дело в Болгарии, Чехословакии — остается неизвестным.

Следует сказать, что со своей задачей — кратко осветить основные этапы развития славянских народов коллектив авторов в целом справился. К достоинствам учебника несомненно следует отнести постоянно подчеркиваемую идею экономических, политических и культурных межславянских связей, братства и дружбы с русским народом. Большое внимание к вопросам культуры и более широкое использование текстов источников, ссылки на которые вменяются в средневековых, но отсутствуют в последующих разделах, несомненно увеличили бы ценность учебника.

Более широкое использование метода сопоставлений, ликвидация повторов (например, дважды на стр. 260 и 281 говорится о Малой Антанте, эмиграция славянского населения в Америку упоминается на стр. 183 и 188 и т. д.) позволили бы внести новый материал без существенного увеличения объема.

В заключение попытаемся ответить на вопрос, поставленный в начале рецензии. Учебники нужны и полные и краткие. В них может и должна проявляться индивидуальность авторов, уделяющих, наряду с освещением основного программного материала, большее внимание социально-экономической, политической или культурной истории. Но все это следует оговаривать в предисловии, давая возможность студенту ориентироваться и выбирать учебник в соответствии со своими запросами. Мы за издание разных учебников. Разных, но хороших. Вышедшая в Киеве «История южных и западных славян», несмотря на некоторые недостатки, относится к числу последних.

С. П. Боброва

МАТЕРИАЛЫ СЕССИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ ДВАДЦАТИЛЕТИЮ ВОЙСКА ПОЛЬСКОГО

В Варшаве 23—26 октября 1963 г. состоялась II научная сессия Польской академии наук, посвященная освободительной войне польского народа 1939—1945 гг. В этой сессии участвовали также ученые Венгрии, ГДР, Советского Союза, Чехословакии и Румынии. Сессию открыл акад. Г. Яблоньский. С приветствием к ее участникам обратился министр национальной обороны Маршал Польши М. Спыхальский и генерал-майор Е. А. Болтин (СССР).

В 1967 г. материалы сессии под названием «20 лет народного Войска Польского» вышли отдельным сборником в издательстве Министерства национальной обороны ПНР¹. Сборник открывается докладами, сделанными на пленарном заседании Т. Данишевским («Польская рабочая партия — руководящая сила национально-освободительной борьбы»), Я. Замойским («Победа революционной стратегии освободительной войны»), С. Арнольдом, Е. Козловским и А. Скаржинским («Состояние исследований по истории освободительной войны польского народа во второй мировой войне»), С. П. Платоновым (СССР) («Обзор стратегических операций Советской Армии на территории Польши. 1944—1945 гг.»).

В опубликованных материалах освещен ряд коренных проблем, связанных с национально-освободительной войной польского народа.

Объективно польское движение Сопротивления ставило и решало общие для всех классов и партий задачи борьбы за национальную независимость. Однако оно характеризовалось разнородностью течений и направлений, отражавших различные классовые интересы. После создания ПНР началось окончательное размежевание политических сил на два основных лагеря: буржуазный, или так называемый лондонский лагерь, и революционно-демократический, в котором ведущей силой являлась Польская рабочая партия.

Т. Данишевский показал роль и значение Польской рабочей партии в истории польского рабочего движения, в развитии национально-освободительной борьбы народа. Он дал обстоятельный анализ политической обстановки, сложившейся в польском национально-освободительном движении до образования ПНР, и сформулировал задачи, которые стояли перед этим движением: 1) объединение в борьбе с захватчиками всех патриотических сил народа совместно

с коммунистами — наиболее сознательным, активным и самоотверженным отрядом антифашистского освободительного движения; 2) превращение движения Сопротивления во всеобщую освободительную антигитлеровскую войну с участием в ней самых широких слоев народа; 3) установление и поддержка дружественных отношений с Советским Союзом; 4) извлечение радикальных выводов из проплого и создание условий, в которых сентябрьская катастрофа уже не могла бы повториться. Касаясь характера лондонского эмигрантского правительства и возглавляемого им лагеря, докладчик подчеркнул, что эмигрантское правительство было создано на основе компромисса между партиями бывшей парламентской оппозиции и «сапацией» и практически являлось продолжателем политики старого режима. Политике пассивности, политике «стоять с оружием у ноги» Польская рабочая партия противопоставила политику активной, массовой вооруженной борьбы, перерастающей во всенародное вооруженное восстание. Эта политика ПНР, целиком отвечавшая интересам польского народа, одержала решающую победу. Докладчик отметил, что в отличие от лондонского лагеря ПНР с самого начала связала борьбу за национальное освобождение с борьбой за социальное освобождение, превратив национально-освободительную войну в революционно-освободительную. В связи с этим заслуживает внимания предложенная Т. Данишевским периодизация революционно-освободительной войны, в основу которой автор положил этапы в развитии ПНР: образование и первый период деятельности ПНР (январь 1942 — февраль 1943 гг.); курс ПНР на завоевание непосредственного руководства борьбой за освобождение страны и народную власть (март 1943 — декабрь 1943 г.); руководящая роль ПНР в период решающей борьбы за независимую народную Польшу (январь 1944 — июль 1944 г.); и, наконец, с июля по май 1945 года — период борьбы ПНР за утверждение народной власти и полное освобождение польских земель из-под гитлеровской оккупации.

На концепции буржуазного лагеря и ее банкротстве в национально-освободительной войне польского народа остановился Я. Замойский. Характеризуя военную доктрину ПНР, докладчик противопоставил ее военной доктрине лондонского лагеря. Он обстоятельно обосновал несостоятельность военно-политической концепции пассивности, проводимой в жизнь лондонским лагерем. Эта концепция исходила, как подчеркивал В. Гомулка, «не из национальной, а из

¹ «20 lat ludowego Wojska Polskiego. II sesja naukowa poświęcona wojnie wyzwoleniczej narodu Polskiego 1939—1945». Warszawa, 1967.

классовой точки зрения»²: Согласно этой концепции, Советский Союз рассматривался как противник Польши. В связи с этим вопрос об отношении к Советскому Союзу стал главным в развитии освободительной войны польского народа.

В докладе С. Арнольда, Е. Козловского и А. Скаржинского был отмечен серьезный рост рядов молодых научных работников и успехи в преодолении схематизма и догматизма в исторических исследованиях. За пять лет в Польше вышло около 350 монографий и исследований, а также было опубликовано около 80 сборников документальных материалов, посвященных революционному направлению в движении Сопротивления, гитлеровской оккупации и истории народного Войска Польского. В докладе говорилось о необходимости расширения дальнейших исследований в области проблематики партизанской войны и прежде всего стратегии и тактики партизанских действий, организационного и боевого состава Гвардии Людовой и Армии Людовой в разные периоды их деятельности, изучения оперативно-стратегического значения территории Польши во второй мировой войне. В заключение авторы доклада выдвинули предложения о направлении исследований в данной области, их лучшей координации. Докладчики предложили подготовить многотомную историю освободительной войны польского народа и издать обобщающие труды и монографии о второй мировой войне.

С. П. Платонов остановился на ходе боевых действий Советской Армии на польских землях, дал оценку их стратегического и политического значения.

Последующие материалы сборника отражают работу секций.

Тема первой секции: «Борьба за народное направление освободительной войны польского народа в сопоставлении с борьбой других стран Центральной Европы в 1939—1945 гг.». Различные аспекты этой темы были рассмотрены в докладах: С. Стемпковского «Боевая деятельность Гвардии и Армии Людовой в борьбе против гитлеровских оккупантов в 1942—1945 гг.»; С. О. Прищюцкого (СССР) «Об участии советских людей в партизанском движении на территории Польши в период второй мировой войны»; Х. Кюне (ГДР) «Руководящая роль Коммунистической партии Германии в германском движении Сопротивления»; Ф. Збицевича «Польские прогрессивные демократические силы в Советском Союзе и их роль в организации народных регулярных вооруженных сил

в СССР»; О. Янечка (ЧССР) «Борьба за гегемонию в чехословацких вооруженных силах в СССР (1942—1944 гг.)». С научными сообщениями и в прениях выступило 29 человек.

Во второй секции («Военные усилия польского государства в 1944—1945 гг.») с докладами и сообщениями выступили: Т. Ендрушак «Народная Польша в борьбе с гитлеровской Германией в 1944—1945 гг.», Т. Генсек и З. Гофман «Помощь Советского Союза польскому народу в его борьбе против гитлеровской Германии», З. Стомшор «Основные этапы развития регулярных частей народного Войска Польского, их вклад в дело освобождения страны и победы над гитлеровской Германией»; И. И. Костюшко (СССР) «Политика СССР по отношению к Польше в 1943—1945 гг.»; Э. Галич «Основные проблемы и направления политической работы в польских народных вооруженных силах в 1942—1944 гг.», и другие — всего 21 человек.

В третьей секции, обсуждавшей проблему «Военное искусство регулярных и подпольных вооруженных сил в войне против гитлеровской Германии в Европе», с докладами выступили: Н. Г. Павленко «Некоторые вопросы советского военного искусства в операциях на территории Польши в 1944—1945 гг.»; Э. Ядзек «Оперативное искусство и тактика в боевых действиях народного Войска Польского»; С. Окецкий «Формы и методы партизанских действий в Польше в 1939—1945 гг.»; Т. Равский «Проблема взаимодействия регулярных фронтов и подпольных действий в годы второй мировой войны»; Л. Герцог «Некоторые элементы гитлеровской системы действий против партизанского движения в Польше». С сообщениями и в прениях выступило 23 участника сессии.

На заседании четвертой секции рассматривалась проблема «Войско Польское в борьбе за укрепление народной власти». Доклады прочитали: И. Блюм «Роль народного Войска Польского в основных политических кампаниях и в восстановлении страны в 1945—1948 гг.»; Д. Г. Томашевский (СССР) «Борьба Советского Союза на международной арене за признание Польского народного государства в 1944—1945 гг.»; Н. Константин и И. Леонид (СРР) «Процесс образования румынской Народной армии под руководством Коммунистической партии»; Я. Навротил (ЧССР) «Создание чехословацкой Народной армии на заключительном этапе второй мировой войны»; В. Шота «Участие Войска Польского в ликвидации вооруженного реакционного подполья»; Р. Брюль (ГДР) «Возникновение и развитие братства по оружию Национальной народной армии ГДР и народного Войска Польского». 17 ученых выступили с сообщениями и в прениях.

² W. G o m u ł k a. XX rocznica PPR. Przemówienie wygłoszone 20 I 1962 na centralnej akademii w Warszawie. Warszawa, 1962, s. 8.

В докладах и выступлениях на секциях подчеркивалось, что решающим фактором, обусловившим успешное, победоносное разрешение задач освободительной борьбы, являлось создание Польской рабочей партией антигитлеровского Национального фронта.

Центральной идеей, которая проходила через все доклады и выступления, являлась идея перушимости польско-советской дружбы, ее решающей роли в победе освободительной войны польского народа. Четко проводилась мысль о том, что в освободительной войне польского народа со всей силой проявился пролетарский интернационализм советских и польских трудящихся во главе с рабочим классом.

Польская демократия, возглавляемая ППР, в решающий момент борьбы за освобождение страны и утверждение народной власти опиралась на всестороннюю поддержку Советского Союза, который оказывал польскому народу помощь в освобождении страны от немецко-фашистских захватчиков. Советская Армия проводила операции на территории Польши с огромным размахом и быстротой, в результате чего удалось сорвать планы гитлеровцев по уничтожению ряда городов, а также такого важнейшего промышленного района, как Силезия. Советский Союз, выполняя свой интерна-

циональный долг, оказал разностороннюю помощь молодой Народной Польше на международной арене.

В освободительной войне польского народа органически слились патриотизм и интернационализм. «Польская рабочая партия, — подчеркивал В. Гомулка, — всегда придерживалась марксистско-ленинского положения о том, что патриотизм и интернационализм органично связаны между собой, и доказала это в своей практической деятельности³». Веда освободительную войну против немецко-фашистских захватчиков, польский народ отличал немцев-гитлеровцев от немцев-антифашистов.

В последний день работы сессии на пленарном заседании были заслушаны доклады о состоянии исследований по истории освободительной войны польского народа в 1939—1945 гг., ведущихся в Советском Союзе (Г. З. Лекомцев), Германской Демократической Республике (Г. Шинтер) и в Чехословакии (В. Гондрак). Материалы сессии, несомненно, займут достойное место в историографии освободительной войны польского народа.

³ Ibid., s. 61.

Ф. Г. Зуев

ИВАН Н. УНДЖИЕВ. *Васил Левски*. Биография. София, 1967, 388 с.
И. УНДЖИЕВ, *Васил Левский*

Болгарский историк проф. И. Унджиев много лет занимается исследованием идеологии и революционной деятельности великого болгарского революционного демократа Васила Левского (1837—1873 гг.). В свое время Унджиев опубликовал обширную биографию Левского и несколько исследовательских и научно-популярных работ, посвященных отдельным сторонам деятельности Болгарского революционного центрального комитета и Левского¹. Рецензируемая

монография, в которой подведен итог многолетних изысканий автора, была опубликована к 130-летней годовщине со дня рождения В. Левского.

В первых пяти главах монографии (стр. 9—102) Унджиев дает сжатую, но четкую характеристику социально-экономического и политического развития Болгарии 60—70-х годов XIX в. и анализ классовых расстановки сил в национально-освободительном движении. На этом фоне им исследуется процесс формирования социально-политических взглядов будущего вождя БРЦК.

В главе VI на фоне сложной политической борьбы конца 60-х годов по вопросу о путях развертывания национально-освободительного движения в Болгарии показан процесс окончательного разрыва Левского с четнической тактикой и его работа по созданию внутренней революционной организации. Автор показывает, как Левский во время своих поездок в Болгарию в декабре 1868 г. и августе 1869 г. создавал во многих городах и селах революционные комитеты и группы революционеров.

В последние годы в болгарской и советской исторической литературе развернулась дискуссия по вопросу о вре-

¹ И в а н Н. У н д ж и е в. *Васил Левски*. Биография. София, 1947, 1152 стр.; е г о ж е. *Васил Левски*. Великий болгарский патриот, революционер-демократ. София, 1953; е г о ж е. *Васил Левски*. Живот и дело. Второ переработано и разширено издание. София, 1957; е г о ж е. *За началото на революционно-организационната дейност на Васил Левски*. — «Исторически преглед», 1963, № 11; е г о ж е. *Апостолът на свободата*. Биографически очерк. София, 1961; е г о ж е. *За председателството на революционния комитет в Ловеч*. — «Исторически преглед», 1965, № 1; е г о ж е. *Карлово*. История на града до освобождението. София, 1962 и др.

мени возникновения Бухарестского БРЦК. В данной работе автор отказался от своей прежней точки зрения, что Бухарестский БРЦК был создан в начале апреля 1870 г.² и относит его возникновение к октябрю 1869 г. (стр. 151).

В главе VII тщательно исследуется идейное наследство Левского и, в частности, его революционно-демократическая программа освобождения болгарского народа. Автор детально рассматривает острую идейную борьбу, которую вел Левский с примкнувшей к Бухарестскому комитету либерально-буржуазной дуалистической группировкой Р. Грыблева, Т. Райнова и др., стремившихся стать во главе движения, а также с мелкобуржуазными революционерами (П. Хитовым, Ф. Тотя и др.), не понимавшими необходимости создания массовой революционной организации с единым руководством и железной дисциплиной. В книге показана титаническая деятельность Левского и его помощников, которые в тяжелых условиях глубочайшего подполья и жесточайшего преследования создавали в селах и городах Болгарии разветвленную сеть революционных комитетов. В строгом соответствии с исторической правдой автор изображает В. Левского не героем одиночкой, а революционным деятелем, который был тесно связан с широкими массами народа. Благодаря совместной деятельности В. Левского, Х. И. Големията, А. Кынчева, И. Драсова, М. П. Луканова, В. Йонкова, Н. Обретенова и других революционно-демократических деятелей в период с мая 1870 до апреля 1872 г. была создана хорошо законспирированная внутренняя революционная организация во главе с Ловечским БРЦК.

В заключительных главах книги рассказывается о последнем периоде деятельности Левского. Опираясь на огромный фактический материал, Унджиев раскрывает поистине героическую деятельность В. Левского и его сподвижников по дальнейшему расширению и укреплению революционной организации летом и осенью 1872 г.

Большое внимание уделяет автор показу борьбы великого Апостола свободы с авантюристом Д. Обшти и мелким честолюбцем А. П. Хитовым, развернувшими против него злобную клеветническую кампанию. Как известно, нападение на турецкую почту, перевозившую деньги, организованное Д. Обшти вопреки запрещению Левского, привело в октябре — декабре 1872 г. к разгрому большинства комитетов северо-западной Болгарии. Левский, несмотря на то, что его усиленно разыскивали подпольские и шпикские, продолжал подвижническую деятельность по спасению всей осталь-

ной организации от разгрома и, в основном, добился этого. Но предательство попа Крыстю дало возможность турецким властям арестовать Левского. Унджиев ярко рисует мужественное и умелое поведение великого революционера перед турецким судом и бесстрашие, с которым он встретил смерть на турецкой виселице 6 (18) февраля 1873 г.

Есть в монографии И. Унджиева и некоторые, на наш взгляд, спорные положения. В частности, в характеристике существовавшего в Румынии с 1866 г. Болгарского тайного центрального комитета. Это была организация либеральной, монархически настроенной буржуазии, стремившейся договориться с реакционным турецким правительством о предоставлении Болгарии политической автономии в рамках Турции. В ряде документов этой организации встречалась и революционная фразеология, в результате чего некоторые болгарские историки (Хр. Гандев, Д. Шелудко и др.) пришли к выводу, что БРЦК был одним из главных предшественников Болгарского революционного центрального комитета, возглавлявшегося Левским. Однако подавляющее большинство болгарских историков отклоняют эту ошибочную точку зрения. Особенно всесторонне и четко решена эта проблема в работах академиков М. Димитрова и Д. Косева³, которые убедительно показали, что революционная фразеология И. Касабова и других деятелей БРЦК имела целью прикрыть либерально-монархическую сущность их идеологии, обмануть широкие слои участников освободительного движения и подчинить их своему влиянию. Общая оценка, которую дает И. Унджиев БРЦК, в основном не расходится с существующей в исторической литературе оценкой. Однако при решении конкретных проблем он отходит от нее. Он считает, что идеи внутренней революционной организации в общих чертах были не чужды Г. С. Раковскому и что БРЦК лишь пошел дальше, «... поставив идею внутренней организации на более широкую основу, выработав подробный план и создав несколько внутренних ответвлений» (стр. 104). И. Унджиев отмечает также, что лидер БРЦК И. Касабов написал прокламацию для Х. Димитра и С. Караджа в июле 1868 г. (стр. 107), для Левского в апреле 1869 г. (стр. 119) и что в «Основном законопо-

³ М. Д и м и т р о в. Васил Левски в осветление най — новата на историческа литература. — «Исторически преглед», 1947, № 1, стр. 111—113; е го же. Още веднакъм въпроса за идеологията на Левски. — «Исторически преглед», 1948, № 3, стр. 368—376; Д. К о с е в. Към историята на революционното движение в България през 1867—1871 гг. София, 1958, стр. 9—17, 22—26 и др.

² См. И. У н д ж и е в. Васил Левски, стр. 308.

ложении» БТЦК были изложены план создания внутренней организации и идея комитета, которая впервые стала известна массам. На этом основании он относит «Основное законоположение» БТЦК к числу важнейших документов, повлиявших на создание Левским его «Уставо-проекта» (стр. 186—188).

Объем данной рецензии не дает возможности показать неточность такого рода утверждений путем сопоставления этих документов как это уже было сделано в другом месте⁴. Здесь только следует

⁴ См. С. И. Сидельников. Роль двух поэтов Василя Левского в Болгарии (грудень 1868 — серпень 1869 рр.) у створенні першого Болгарського революційного Центрального комітету. — «Питання нової та новітньої історії». Київ, 1965, вип. 1, стр. 101—104; е го же. Борьба течений в первом Болгарском революционном Центральном Комитете. Харьков, 1962, стр. 15—16, 59—62.

подчеркнуть, что едва ли буржуазно-монархическая организация могла быть идейной и организационной предшественницей революционно-демократического БРЦК и ее программа оказала влияние на «Уставопроект», написанный В. Левским.

Можно было бы высказать еще некоторые частные замечания. Однако все они несколько не меняют нашего высокого мнения о данной работе. Проф. И. Унджиев на основании тщательного изучения многочисленных источников и обширной литературы вопроса всесторонне исследовал идеологию и революционную деятельность Василя Левского в тесной взаимосвязи с историей всего революционного движения и особенно Болгарского революционного центрального комитета, чем внес весомый вклад в исследование проблемы.

С. Сидельников

ИЗДАНИЕ СОВЕТСКИХ И ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ИСТОРИКОВ¹

Рецензируемый сборник статей чехословацких и советских историков, сотрудников Института истории европейских социалистических стран ЧСАН и Института славяноведения АН СССР, посвящен исследованию некоторых до настоящего времени еще недостаточно изученных проблем истории чехословацко-советских отношений 20—30-х годов. Он был издан в Праге в 1967 г.; советское издание появилось в 1968 г. Характер помещенных в сборнике статей весьма разнообразен. В них разбираются как проблемы экономических и политических взаимоотношений Советского Союза и буржуазной Чехословакии, так и история братской солидарности трудящихся обеих стран.

Сборник открывается статьей Я. Б. Шмераль «Великая Октябрьская социалистическая революция и перспективы образования Чехословацкого государства», в которой рассматривается непосредственное влияние Октябрьской революции на создание внутренних предпосылок для образования независимой Чехословакии. Автор анализирует отклики на революцию в России в различных слоях чешского общества. Я. Б. Шмераль

подчеркивает, что вести из России пробудили к активной политической жизни широкие массы трудящихся Австро-Венгрии, вызвав мощную волну революционного движения, развертывавшегося под общедемократическими лозунгами мира и национальной независимости, борьбы с голодом и нищетой. Автор показывает, как в чешских землях политическое руководство движением удалось захватить буржуазным лидерам, которые, сочетая националистическую пропаганду с социальной демагогией, умело использовали в своих целях национальные чувства трудящихся, их надежды на то, что в будущем независимом чехословацком государстве будут решены и социальные вопросы.

Я. Б. Шмераль раскрывает слабость и непоследовательность социал-демократии, в том числе и ее левых элементов, не сумевших соединить борьбу за национальное освобождение с борьбой за социализм.

Я. Шедивы, продолжая серию своих работ по истории чехословацко-советских отношений в 1921—1922 г., в статье «Экономические и политические причины заключения Чехословацкой республикой временного договора с Советской Россией в 1922 г.» анализирует планы чехословацкой буржуазии в отношении Советской России в начале 20-х годов. Тяжелое экономическое положение, в котором оказалась Чехословакия в 1921 г. в связи с кризисом, заставляло ее правящие круги искать более тесных экономических отношений с Советской Россией. Это стремление к активизации экономических

¹ «Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами (1918—1938)». М., 1968, 228 стр. «Studie z dějin Československo-sovětských vztahů. 1917—1938». Praha, 1967, 127 s. Далее в тексте номера страниц даются по советскому изданию, которое дополнено статьями Я. Б. Шмераль, К. Германа и А. Н. Грылева.

отношений, поясняет автор, было связано с тем, что чехословацкие правящие круги рассчитывали на реставрацию капитализма в России, особенно после введения новой экономической политики, и стремились занять наиболее благоприятные для себя позиции на русском рынке. Сыграло свою роль и давление владельцев ряда промышленных предприятий, которые были жизненно заинтересованы в новых рынках. Автор приводит весьма любопытные свидетельства того, что нередко промышленники и торговцы оказывались более дальновидными в отношении перспектив сотрудничества с Советской страной, чем лидеры чехословацкой внешней политики, возлагавшие надежду на быструю ликвидацию Советской власти.

Я. Шедивы подчеркивает также значение борьбы трудящихся Чехословакии в защиту Советской России, добивавшихся признания ее де-юре и установления с ней нормальных экономических отношений. Однако Бенеш, забывая об экономическом проникновении чехословацкого капитала в Советскую Россию, в то же время отказывался признать Советское правительство. Он поддерживал идею создания единого фронта империалистических держав против Советской страны. Но противоречия между Англией и Францией, а также стремление Италии, Англии и Германии наладить отношения с Советской Россией и гибкая политика Советского правительства сорвали эти замыслы. Бенеш вынужден был заключить временные договоры: с РСФСР (5 июня 1922 г.) и с УССР (6 июня 1922 г.), «содержавшие не только статьи экономического характера, но являвшиеся признанием Чехословацкой Советского правительства де-юре — факто.

Е. Д. Воробьева пишет о поездке первой чехословацкой рабочей делегации в СССР в октябре — ноябре 1925 г. В статье освещено активное участие чехословацких рабочих в подготовке этой поездки. Поездка чехословацких рабочих помогла опровергнуть антисоветскую клевету, распространявшуюся буржуазией и реформистской печатью, содействовала усилению борьбы в защиту Советской страны и за признание СССР Чехословакией де-юре. Интересную и содержательную статью Е. Д. Воробьевой следовало бы, по нашему мнению, дополнить рассказом о том значении, которое для советских трудящихся имело посещение Советского Союза делегатами рабочих Чехословакии.

Статья З. Сладка посвящена экономическим соглашениям между ЧСР и СССР 1935 года. В ней подробно рассматривается ход переговоров между Чехословакией и СССР. Автор отмечает, что чехословацкая сторона пыталась навязать Советскому Союзу невыгодные для него условия и, в частности, сохранить высо-

кие таможенные пошлины на советские товары и добиться точного определения объема товаров, которые СССР должен был ежегодно приобретать в Чехословакии. Все это затягивало переговоры. Однако под давлением кризиса и конкуренции западных держав, стремившихся расширить свои экономические отношения с СССР, правительство Чехословакии было вынуждено пойти на заключение 25 марта 1935 г. договора о торговле и судоходстве и кредитного соглашения. Наряду с этим были заключены конвенции и протоколы, которые были необходимы в качестве предпосылок для обмена товарами и нормальных экономических отношений. Однако, как отмечает З. Сладек, значение этих соглашений было ограничено. Причину такого положения, находившегося в противоречии с интересами чехословацкой экономики, автор видит в нежелании определенных ведущих деловых кругов Чехословакии развивать отношения с Советским Союзом.

Выдающемуся событию в истории чехословацко-советских отношений предвоенных лет — заключению 16 мая 1935 г. договора о взаимной помощи — посвятил свою статью С. И. Прасолов. В ней воссоздается история переговоров о подписании советско-чехословацкого договора, анализируется его содержание и выясняются те объективные возможности, которые в нем заключались. С. И. Прасолов убедительно устанавливает, что автором известной поправки к пункту второму дополнительного протокола, гласившей: «Поэтому принимая во внимание обязательства о взаимной помощи между Францией и Чехословакией, советско-чехословацкий договор получает свое применение в тех случаях, что и франко-советский договор» (стр. 138—139) был Бенеш. Сама чехословацкая сторона, подчеркивает автор, отказывалась от советской помощи без участия Франции. Принимая оговорку, предложенную чехословацкой стороной, советская дипломатия отдавала себе отчет в том, что эта оговорка ослабляла силу и действенность договора. Однако руководствуясь ленинским принципом уважения суверенитета своего партнера, советская сторона считала недопустимой всякую попытку навязывания правительству малой страны безусловных обязательств по оказанию помощи. Вопрос об условиях принятия помощи СССР был внутренним делом Чехословакии и было естественно предоставить решение его правительству и народу Чехословакии. Договор о взаимной помощи свидетельствовал об отказе чехословацкого правительства от открытой антисоветской политики и о повороте к союзническим отношениям между двумя странами.

В статье делается также вывод, что в аспекте европейской политики чехословацко-советский договор был допол-

нительным орудием давления западных стран на фашистскую Германию с целью направить ее экспансию на восток, против Советского Союза (стр. 175). Этот вывод автора нам представляется спорным. Любая попытка сговора со стороны Франции или Чехословакии с агрессором — гитлеровской Германией — против СССР являлась бы по существу отказом от договора о взаимопомощи с Советским Союзом. Поэтому нарушение союзнического договора, по нашему мнению, нельзя выводить из самого существа договора, какие бы он ни имел недостатки или аспекты применения.

В сообщении чехословацкого историка К. Германа исследуются отклики чешской рабочей печати на революционные события в России накануне Октябрьской революции. Автор вводит в научный оборот новые сведения о том, как печать чешской социал-демократической партии освещала революционные события в России между февралем и октябрём 1917 года. К. Герман показывает, как с большими препятствиями проникала на страницы газет правда о революционных событиях в России, содействовавшая ускорению процесса дифференциации в чешском рабочем движении. Представляется, что в некоторых оценках позиции чешской социал-демократической печати в отношении большевиков автор не совсем точен. В статье говорится, что взгляды большевиков на роль Советов, на значение рабоче-крестьянского союза, их борьба за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую не были поняты лидерами чешской социал-демократии, а ленинское учение об империализме и возможности победы социализма вообще не освещалось в чешской социал-демократической печати (стр. 211). Причины этого «неопони-

манья» заключались в том, что руководство чешской социал-демократии, как и большинство партий II Интернационала, встало в годы войны на позиции социал-патриотизма и потому не хотело и не могло принять лозунги ленинской партии. В этой связи следует, на наш взгляд, говорить не о принципиальных ошибках чешской социал-демократии в начале первой мировой войны и ее пассивном поведении (стр. 205—206), а о переходе на позиции социал-шовинизма и измены интересам рабочего класса.

Сборник завершается сообщением А. Н. Грылева «Накануне и в дни Мюнхена». Используя документы из архива Министерства обороны СССР, автор рассказывает о том, как в тяжелый для Чехословакии 1938 год Советское государство, верное своим союзническим обязательствам, предпринимало серьезные меры военного характера. Впервые в исторической литературе А. Н. Грылев сообщает точные и конкретные сведения о подготовке крупной группировки сухопутных войск и авиации в Советском Союзе для оказания помощи Чехословакии против фашистской агрессии. Чехословацкое буржуазное правительство, поставленное в известность о готовности СССР оказать всемерную помощь, даже в случае отказа Франции выполнить обязательства в отношении Чехословакии, все же предпочло пойти по пути капитуляции перед мюнхенским диктатом.

Материалы рецензируемого сборника, освещающие разнообразные проблемы истории чехословацко-советских отношений в 1918—1938 гг., являются важным шагом на пути изучения вопросов, в равной степени интересующих как чехословацких, так и советских историков.

Ф. И. Фирсов

НОВЫЙ КОЛЛЕКТИВНЫЙ ТРУД ЮГОСЛАВСКИХ ИСТОРИКОВ «ИСТОРИЯ ЧЕРНОГОРИИ»

В последние годы, помимо «Истории народов Югославии» (т. 1—2, 1953—1958), в СФРЮ вышущен в свет либо уже готовится к печати ряд книг по истории отдельных республик (Черногория, Македония), исторических областей и городов (Белграда, Сплита, Дубровника)¹.

Среди этих работ особое место занимает многотомная «История Черногории». Предусмотрена следующая струк-

тура издания: в кн. 1 освещаются события на территории Черногории (и отчасти соседних районов) с древнейших времен до конца XII в., кн. 2 будет посвящена периоду до турецкого завоевания (до конца XV в.), кн. 3 — эпохе формирования черногорских племен (XVI — конец XVIII в.), кн. 4 — периоду формирования черногорского государства (до отделения в стране светской власти от церковной, т. е. до середины XIX в.). В трех последующих книгах будет излагаться новая и новейшая история Черногории: в кн. 5 — период до включения Черногории в состав Королевства СХС (1918 г.), в кн. 6 — события 1918—1941 гг., в кн. 7 — события в Черногории во время национально-освободительной борьбы

¹ См., например, С. Турковић. История средневековой Босанске державе. Београд, 1964; Ј. Калал и Ђ. Мијужиковић. Београд у средњем веку. Београд, 1967 (начата подготовка коллективной истории Белграда в двух томах).

народов Югославии (1941—1945). Заключительный (8-й) том будет посвящен историографии страны. Такая структура представляется нам вполне правомерной; в особенности следует приветствовать включение в данное издание специального историографического тома, так как в предыдущих томах предусмотрены лишь ссылки на основную литературу. Следует признать правильным замысел редакции и авторского коллектива создать научный синтетический труд, основанный на всей совокупности современных достижений исторической науки. Освещение в данном труде общественно-политической, экономической и культурной проблематики, обилие иллюстративного материала и карт, несомненно, сделает его доступным и интересным не только для специалистов, но и для широкого круга читателей.

Этот замысел редакции и авторского коллектива «Истории Черногории» находит свое воплощение уже в первой книге², охватывающей более шести тысячелетий: от палеолита и неолита до эпохи Дуклянской державы, исчезнувшей в конце XII в. Бесспорным достоинством данной книги является освещение вопросов истории культуры и историографической проблематики (в этом плане весьма интересны — гл. 1 о геоморфологии современной Черногории, раздел об исторической географии Дуклянской державы и локализации жуп и городов того времени, а также подробные карты Дуклянского королевства, Иллирийского государства Агрона, Тевты и Гентия, уничтоженного римлянами и т. п.).

Работа над этим томом доставляла, разумеется, немалые трудности авторскому коллективу (З. Бешич, Д. и М. Гарашаничи, П. Ковачевич) не только ввиду сложности и изменчивости исторических судеб народов этих земель, но и вследствие противоречивости сохранившихся источников и крайней скудности археологических находок, а также неопределенности и недостаточности сведений, содержащихся в паративных памятниках (прежде всего в Летописи попа Дуклянина, этого главного источника наших знаний и гипотез о развитии Дуклянского королевства).

И действительно, кто только не проходил или не поселялся в данной части Балканского полуострова! И безмянные индоевропейские племена, и древнегреческие колонисты, и иллиры, и кельты, и готы, и авары, и римляне, и романские жители приморских городов Котора, Будвы и др. (стр. 307—308), и славянские племена, переселившиеся сюда

из бассейна Вислы и Варты (стр. 291—294 со схемами прародины племени захумлян и распространения топонимов типа «сарб» или «серб» между Одрой и Вислой). О пребывании тех или иных племен или народов на этой территории говорит не только археологический материал, но и данные топонимики (так, например, некоторые названия свидетельствуют о присутствии авар — см. стр. 284—285, готов — см. стр. 252 и т. п.).

Эта смена народов на рассматриваемой территории, известная нам лишь по памятникам материальной культуры, и послужила, вероятно, причиной преобладания в томе археологического материала (см., например, стр. 367—372, 374—380, 431—440), что не всегда уравнивается подробным и связным изложением политической истории отдельных эпох (эпохи варварских нашествий и крушения рабовладельческой Римской империи в V в., византийского владычества VII—VIII вв., последнего периода существования самостоятельного Дуклянского государства, который, к сожалению, нашел на стр. 408—410 слишком краткую и недостаточно четкую оценку). Явный крен в сторону раннесредневековой археологии, описания отдельных церковных памятников (к тому же нередко спорные их датировки — например, на стр. 367—368 Улицинская надпись датируется 813—820 гг., но она может быть отнесена и к более раннему времени) и обусловленная этим фрагментарность изложения не восполняется в главах IV—V включением общих политических разделов. В результате этого Византия как фактор внешнеполитического (да и культурного) порядка, определявший в той или иной мере судьбы данной территории, фактически исчезает. Самый процесс постепенного формирования феодальных отношений отодвигается к XI в. и притом во внутренние районы Дуклянского государства (например, на стр. 410 говорится, что общественная структура приморских городов Котора, Будвы, Бара и Улиция отлична от социальных отношений внутри страны, где собственно и «формируются феодальные владения»).

Такое поверхностное и неточное изображение процесса зарождения раннефеодальных отношений на территории современной Черногории нельзя объяснить лишь отсутствием более подробных и надежных источников, чем Летопись попа Дуклянина. Дело в том, что авторы т. 1 в данном случае, как и при изложении общеполитического развития в V—VIII вв., не использовали имеющуюся русскую дореволюционную и советскую литературу. При обилии ссылок в т. 1 на работы разных авторов (югославских, немецких, итальянских, албанских, английских, польских, болгарских, французских, румынских и др.) мы находим здесь ссылки лишь на сочинения русских ученых

² «Историја Црне Горе», кн. 1 (од најстаријих времена до краја XII века). Титоград. Редакција за историју Црне Горе, 1967, 508 стр.

П. А. Ровинского и К. Грота (см. стр. 200—201, 343). Между тем советскими учеными успешно разрабатываются проблемы раннефеодальной эпохи Византии и южных славян, именно сербских племен, их политической структуры и жупной организации по Летописи попа Дуклянина и другим источникам³.

Несомненно, что использование новых работ советских исследователей позволило бы дать не только более подробную и глубокую картину политического и социально-экономического развития данных районов, но и более четкую оценку ряда частных, конкретных вопросов: например, на стр. 415 говорится о «неясном» употреблении в Летописи Дуклянина терминов «gens» и «populus», тогда как этот вопрос подробно рассмотрен К. В. Хвостовой.

Заметим, что была бы уместна бль-

³ См., например: «История Югославии», т. I. М., 1963; «История Византии», т. I—II. М., 1967; «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 33—34, 1961; Ю. Бромлей, Становление феодализма в Хорватии. М., 1963; А. П. К а ж д а н. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960; К. В. Х в о с т о в а. К вопросу о терминологии Летописи попа Дуклянина.—Сб. «Славянский архив», М., 1959; статьи В. П. Грачева о жупах и жупанах («Ученые записки Института славяноведения», т. XXIX, 1965; сб. «Вопросы истории славян», вып. 2. Воронеж, 1966; сб. «Источники и историография славянского средневековья». М., 1967); и др.

шая тщательность и в решении ряда источниковедческих вопросов, которые иногда вызывают споры в югославской историографии. Например, вряд ли можно без соответствующей аргументации утверждать (стр. 335, 404—405), что так называемые локрумские фальсификаты все относятся к середине XIII в. За последние годы высказывались сомнения в обоснованности такой датировки и оценки грамот, ранее объявлявшихся подложными⁴. По нашему мнению, и предложенная на стр. 417—418 датировка Дуваньского собора 811—817 гг. весьма сомнительна, так как он происходил при короле Святополке и уже после крещения славянских племен Константином (Кириллом) и Мефодием. Вряд ли можно при решении спорного вопроса о местонахождении римского города Акрувия (стр. 216—217) ограничиться одним примечанием о несогласии автора с противоположной точкой зрения (стр. 176). В томе встречаются повторы (в частности, о значении топонимов Требинье, Комавли и т. д.).

Все это свидетельствует о необходимости дальнейшего исследования многих проблем раннефеодальной эпохи черногорской истории. Разумеется, отмеченные недостатки не мешают нам признать, что данный труд является интересным и полезным изданием, и пожелать скорейшего выпуска последующих книг.

⁴ Ср. «Славянское источниковедение», М., 1965, стр. 114—115.

Е. П. Наумов.

IVO FRANGES. *Studije i eseji*. Zagreb, 1967

ИВО ФРАНГЕШ. *Исследования и эссе*

Иво Франгеш — один из основателей стилистической школы в хорватском литературоведении. Задачу исследования он, как и другие представители этой школы — А. Флакер, З. Шкроб, — видит в стилистическом анализе особенностей одного или нескольких произведений. При этом он отнюдь не ограничивается сугубо языковым анализом и не рассматривает стиль писателя как некое замкнутое целое. Он выявляет видимые и невидимые связи стиля данного произведения с характером его создателя, его жизненным опытом, мировоззрением, эстетическими взглядами. В свою очередь личность писателя не отрывается от эпохи, в которую он творил, от общественной и литературной борьбы того времени. Дается все это ненавязчиво, иногда и вскользь, даже глухо, так что иную мысль исследователя читателю прихо-

дится додумать самому или дополнить, развить. Все эти особенности авторской манеры Франгеша наиболее отчетливо проявились в его первой книге «Стилистические исследования» (1957). Верность этому принципу он сохранил и в своей второй, недавно вышедшей книге «Исследования и эссе». В книгу вошли опубликованные с 1958 по 1966 г. в периодической печати статьи. Но переработанные специально для данного издания и снабженные научным аппаратом, они приобрели внутреннее единство и целостность. И хотя автор книги в небольшом послесловии пишет, что каждая статья написана на основе иной, чем другие, методологии, по прочтении всей работы приходишь к убеждению, что речь идет не о методологии как основном принципе научного подхода к изучаемому материалу, а о способах анализа, диктуе-

мых конкретным объектом исследования и конкретным аспектом его рассмотрения, которые, естественно, могут быть очень различными.

Предисловие в качестве вводной статьи очерк о взаимоотношении европейского романтизма с хорватским народным возрождением, Франгеш останавливает свое внимание на крупнейших писателях. Время становления новейшей хорватской литературы в период бурного подъема национального самосознания хорватского народа представлено творчеством Ивана Мажуранича. Постепенно раскрывая свою мысль, выраженную в заглавии статьи «Мажуранич — классик», автор показывает величие поэта, его роль в развитии хорватской литературы как создателя нового стихотворного языка. Раскрыто национальное своеобразие поэмы Мажуранича «Смерть Смайл-аги Ченгича».

Краньчевич, Видрич и Матош представляют эпоху переходного времени на рубеже столетий. Все трое очень различны по общественному темпераменту, проблематике и характеру творчества — и все трое отражают свое время. Самая большая статья посвящена анализу стиля Антуна Густава Матоша. Тонкое понимание текста, умелое сопоставление произведений писателя и критическое отношение к столь прославленному прозаику, поэту и критику, чье творчество привлекало внимание многих исследователей, позволяет Франгешу создать портрет человека, чье авторитетное слово имело в те годы огромное значение. Правда, стараясь не привлекать иных фактов, кроме самих произведений писателя, ученый заметно сужает значение сделанных им выводов, их убедительность. Чувствуется, что за этими выводами стоит материал биографии Ма-

тоша, его общественной деятельности, факты литературной борьбы, активным участником которой был писатель, но они не введены в канву рассуждений исследователя.

Наиболее интересный материал, выявляющий взаимодействие композиции произведения, его языка, образов с эпохой, дает роман писателя-коммуниста Августа Цесарца «Императорское королевство». Это уже иное время — период межвоенного двадцатилетия, когда заметное место в хорватской литературе заняло революционное искусство. Творчество Цесарца, одного из основоположников «социального реализма», начального этапа развития социалистического реализма в Югославии, в этом смысле особенно интересно. Правда, исследователь ограничил свою задачу только выяснением зависимости образной и языковой системы романа с временем, в нем изображенным. А сопоставление и с временем создания романа, временем, имевшим много общих черт с изображенной Цесарцем эпохой мрачного террора, царившего в Хорватии, тогдашней провинции Австро-Венгрии накануне первой мировой войны, дало бы возможность сделать немало интересных наблюдений и выводов, важных для изучения творческой манеры писателя.

Книгу завершает, и не случайно, статья, посвященная характеристике творческого наследия критика и литературоведа Антуна Барца (1894—1955), автора нескольких монографий по истории новейшей хорватской литературы. В ней Франгеш не только воздает должное многогранной деятельности ученого, но и подчеркивает значение деятельности историков литературы в культурной и — шире — в духовной жизни народа.

Г. Я. Ильина

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ ОБ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЕ ПОЛЬСКОГО НАРОДА

В 1963 г. Издательство Министерства национальной обороны Польши выпустило в свет книгу «Освободительная война польского народа в 1939—1945 годах», подготовленную сотрудниками Военно-исторического института в Варшаве. В этой большой работе обобщающего характера впервые давалось систематическое освещение истории войны и прежде всего вооруженной борьбы народа. Книга

получила положительную оценку в печати¹.

Во втором издании книги² сделаны

¹ «Военно-исторический журнал» (1964, № 8) и др. издания.

² «Wojna wyzwolenicza narodu polskiego w latach 1939—1945. Wzlotowe problemy». Opracowali Tadeusz Rawski, Zdzisław Stąpor, Jan Zamojski (przy współdziałaniu grupy

значительные исправления и дополнения. При его подготовке авторы учли критические замечания и в определенной мере использовали новые исследования по истории освободительной войны. В результате этого в новом издании частично изменена структура первого раздела, включены новые материалы, восполняющие пробелы в освещении ряда фактов и событий, уточнены отдельные положения и формулировки, произведен более тщательный отбор иллюстративного материала, опущены некоторые детали.

В отличие от первого издания, в книге, в частности, обстоятельное показан рост агрессивных сил германского империализма (стр. 42—52), приводятся новые данные о промышленном производстве Польши и других стран Европы, полнее раскрывается политика западных держав, польско-английские отношения (стр. 39, 62, 66, 95), внутренняя обстановка в Польше накануне войны (стр. 107—110). Параграф «Планы и силы сторон» пополнен сведениями о вооруженных силах Франции и Англии и их военных планах, убедительно свидетельствующих о нежелании западных союзников Польши оказать ей эффективную помощь в предстоящей войне с Германией (стр. 140—146). Рассматриваются боевые действия на Западе в сентябре 1939 г. и определяется их военно-политический характер (стр. 170—172). Шире показано участие левых сил в обороне Варшавы.

При освещении второго периода освободительной войны (осень 1939 — лето 1941 г.) отмечается отношение руководства Союза вооруженной борьбы к действиям отряда «Губали» (стр. 206), больше

внимания уделяется организации польских вооруженных сил во Франции (стр. 227, 229—230), участию поляков в Норвежской кампании, во французском движении Сопротивления, польско-советским отношениям (стр. 232, 239, 256—257). В разделах, посвященных событиям лета 1941 — весны 1943 г., сделаны дополнения, касающиеся позиции Англии и США после нападения Германии на Советский Союз, политики гитлеровцев по отношению к еврейскому населению (стр. 278—279), деятельности эмигрантского правительства, политических партий и групп (стр. 292, 306), советско-польских отношений (стр. 327, 331—333), боевых действий АК.

Более обстоятельно рассмотрены и некоторые вопросы четвертого (весна 1943 — лето 1944 г.) и пятого (лето 1944 — весна 1945 г.) периодов войны. К числу таких вопросов относятся организация, тактика, боевая и пропагандистская деятельность ГЛ и АЛ (стр. 390—394, 395—398, 401), действия ПАЛ, БХ, АК и КБ (стр. 393—394, 398—399, 430, 479, 493), план «Буря» (стр. 444—445), польско-советские отношения и позиция Англии и США (стр. 439—443), состояние польских вооруженных сил на Западе и участие их в войне (стр. 451—458, 463, 635—638, 665—666), восстание в Варшаве (стр. 574, 573, 586—589), боевые операции советских войск на территории Польши (стр. 669—670), участие поляков во французском движении Сопротивления (стр. 646—647) и роль Войска Польского в Берлинской операции.

Эти и другие дополнения, редакционные исправления и структурные изменения придают изданию еще большую ценность. К книге приложена аннотация на русском языке, что облегчает ознакомление с ней более широкому кругу читателей.

И. К.

autorów). Wojskowy instytut historyczny. Wydawnictwo Ministerstwa obrony narodowej. Wyd. II. Warszawa, 1966, 881 s. Приложение — 80 схем и карт.

КНИГА О ХУДОЖНИКАХ БОЛГАРСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Искусство эпохи болгарского Возрождения издавна привлекает внимание исследователей. О нем с увлечением писали А. Протич, Н. Райнов, Н. Мавродинов, М. Бичев, В. Захариев, М. Цончева, А. Василиев, а также многие другие болгарские историки искусства. Особенно плодотворно изучался этот период в последние годы, когда вышел целый ряд интересных книг об искусстве болгарского Возрождения¹. Устойчивый интерес бол-

гарских ученых именно к этому периоду вполне объясним: эпоха национального Возрождения — одна из самых интересных в истории болгарского искусства — выдвинула ряд талантливых мастеров архитектуры, живописи, графики, прикладного искусства. Тесно связанное с национально-освободительной борьбой, их искусство освобождалось от устоявшихся веками норм и догм религиозных традиций; утверждалось светское мировоззрение, светское искусство, отражающее реальную жизнь в формах реализма нового времени, обращающееся не к абстрактным

¹ «Възражденски художници». Сб. София, 1956; М. Мавродинов. Искусството на Българското възраждане. София, 1957; В. Захариев, Захарий Христович Зограф. София, 1958; М. Цончева. Българско възраждане. София,

1962; Е. Томов. Възражденски щампи и литографии. София, 1960; А. Василиев. Ктиторски портрети. София, 1960.

истинам, а к реальным событиям, не к символу человека, а к конкретной человеческой личности. Именно в этот период возрастает роль художника-творца, личности мастера-зографа, представителя новой болгарской революционной интеллигенции.

Один из самых ревностных исследователей этой героической эпохи, Асен Василиев, так и назвал свою книгу: «Мастера болгарского Возрождения»².

В начале своей книги А. Василиев весьма лаконично повествует о социально-политических условиях болгарского Возрождения, отсылая читателя к многочисленным источникам (надо отметить их удивительное богатство и широту охвата). Главное же внимание автора сосредоточено на творчестве мастеров, на специфике школ и группировок художников. Речь идет о художниках — известных, малоизвестных, а порой и вовсе неизвестных мастерах, которых А. Василиев открыл для современного читателя. Шаг за шагом раскрывает он сложные пути художественного творчества, рассказывает о мастерах XIX века, опираясь на факты, на тщательный иконографический анализ произведений.

Задача книги определена самим ее автором. Это изучение художественного творчества эпохи Возрождения, выявление наиболее значительных мастеров того времени, систематизация их произведений, а также архивных материалов и атрибуция анонимных произведений. В течение четырех десятилетий автор исследовал письменные документы в архивах, письма и древние рукописи, книги в монастырях и частных собраниях, надписи на иконостасах, надгробиях, подписи на иконах и стенописях. А. Василиев проверил и уточнил многие фактические данные, побывал в десятках монастырей, церкви, собирая устный материал, изучая технику создания произведений.

Во введении к книге автор вспоминает об истоках болгарского искусства, останавливаясь на таких всемирно-исторических памятниках национального искусства, как Боянские, Ивановские и Землепские стенописи. А. Василиев стремится показать корни болгарского искусства эпохи национального Возрождения. Он пишет: «Творчество художников-возрожденцев зависимо от предшествующих периодов нашего искусства. Как бы ни стирались следы прошлого, все же сохранились те тут, то там отрывочные сведения или отдельные имена, которые мы должны упомянуть — они помогут показать связь, существовавшую в годы турецкого владычества между XVIII и XIX вв.» (стр. 8). Автор иллюстрирует эту мысль десятками различных примеров и имен — уже сама по себе система-

тизация их достаточно ценна и интересна. Ранее в литературе мало говорилось о непосредственных предшественниках собственно Возрождения и помимо основного тезиса о том, что болгарское Возрождение имело свои национальные корни, лишь изредка шла речь об отдельных художниках. Следует оговориться — в этой своей книге А. Василиев подробно не анализирует творчество мастеров этого периода, но в данном случае это и не входит в его задачу³.

В основу изучения материала положен исторический принцип: автор рассматривает художественные школы, начиная с самой старой — Тревненской. Ей и посвящена первая глава этой книги. А. Василиев не ограничивается рассказом о живописцах, он показывает творчество резчиков, строителей Тревненской школы, истоки многогранной художественной деятельности ее представителей. Именно такой комплексный метод исследования дает возможность объективно оценить вклад мастеров болгарского Возрождения в историю национальной культуры. А. Василиев пишет о факторах, способствовавших подъему художественной жизни Тревны, — о ее историко-географическом положении, развитии торговли, ремесла, подъеме просвещения. Подробно анализирует автор творчество представителей самых древних известных художественных династий этого города — Витановых и Захариевых, из поколения в поколение передававших мастерство и секреты иконописи своим детям и внукам. В этом разделе книги показаны пути формирования творчества различных мастеров Тревненской школы, почва, на которой она появилась. В главе раскрыты особенности искусства тревненских мастеров, связь творчества резчиков по дереву и иконописцев, их связь с традициями местного искусства. Так, А. Василиев утверждает, что тревненские живописцы меньше, чем в других школах, занимались стенописью. Их стихией являлась иконопись, поэтому автор книги и уделяет этому виду искусства особое внимание.

А. Василиев рассматривает иконы, созданные в конце XVIII—XIX вв. представителями Тревненской иконописной школы, публикуя великоценные по исполнению иконы из собрания Народного археологического музея и ряда церквей Болгарии. Многие авторы икон определены А. Василиевым и другими искусствоведами, здесь же дана и датировка (точная или предположительная) этих икон. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно — лишь кропотливое, по-

³ Специальное внимание этой проблеме А. Василиев уделял в работе «За българската живопис от XVIII в.», сб. «Пансий Хилендарски и неговата епоха», София, 1962.

² А. В а с и л и е в. Български възрожденски майстори. София, 1965.

следовательное изучение памятников, их атрибуция и датировка смогут дать точную характеристику той или иной школе; ведь долгое время в искусствоведческой литературе было мало сведений о множестве произведений, разбросанных по различным уголкам страны, а также и о жизни их создателей. Систематизация и оценка этого материала — задача чрезвычайно трудная. Быть может в этой главе, как и в некоторых других разделах книги, хотелось бы увидеть более четкую дифференциацию направлений, анализ наиболее качественных произведений — порой их огромное количество мешает читателю выделить наиболее важное и значительное в процессе развития искусства.

Автор стремится показать взаимоотношение различных видов искусств и ремесел. Опять задача не из легких — сам материал велик по объему, многогранен и интересен, но мало кто пытался его осмыслить синтетически. Между тем все это чрезвычайно важно, поскольку взаимосвязь искусств, ремесел представляет одну из объективных закономерностей художественного процесса той эпохи, во многом определявшую дальнейшие пути развития болгарской художественной культуры.

Говоря о различных школах, существовавших в Болгарии, А. Василиев отмечает, что для них не характерна узкотерриториальная замкнутость: представители разных школ постоянно путешествовали по Османской империи, украшая своими иконами, фресками, деревянными иконостасами, церковной и домашней утварью монастыри, церкви и жилые дома.

Важное внимание в своей книге А. Василиев уделит Самоковской школе, ее художникам и резчикам. Ей посвящена специальная глава. Особое внимание уделено одному из родоначальников этой школы — Христо Димитрову; о нем А. Василиев пишет достаточно подробно в отличие от некоторых других авторов, которые обычно лишь называли имя Х. Димитрова, но не говорили подробно о его работах и их достоинствах. А. Василиев пишет о творчестве старшего сына Х. Димитрова — Димитре Христове Зографе, ранее малоизвестном, но талантливом мастере Самоковской школы (он работал во многих городах и селах Болгарии, создал значительное количество икон, отличающихся декоративностью цветовой решения и своеобразной орнаментикой).

Заслуженно большое место занимает в книге Захарий Зограф — один из самых цельных и обаятельных художников эпохи болгарского Возрождения. А. Василиев приводит переписку художника, в которой раскрываются его воззрения и его характер. Очерк творчества З. Зографа написан особенно живо и интересно, автору удалось показать самые характерные его черты и противоречия. «Творчество Захария Зографа, — пишет А. Василиев, — продол-

жалось около двадцати пяти лет. В этот период сложилась стихийная и беспокойная натура этого редкого в искусстве нашего Возрождения творца, исполненного жаждой деятельности, неукротимой энергией, нашедшей свое отражение в большом количестве его произведений, мечтавшего о совершенстве, но смешивавшего углубленное творчество с неосознаным новаторством» (стр. 333). Подчеркивая оригинальность стиля Захария Зографа, его художественное своеобразие, А. Василиев в то же время справедливо отмечает те общие, характерные черты, которые роднят его с другими лучшими представителями болгарского Возрождения. Ценность этого раздела книги значительна также и потому, что в ней приведены уточнения и данные, представляющие особый научный интерес (даты создания произведений, их местонахождение, ссылки на архивы и др.), даны также и подробные списки произведений Захария Зографа в Троянском монастыре. Приведенная далее переписка художника, новые материалы из архивов говорят о многих сторонах его деятельности, о быте и нравах той эпохи. Эти документы впервые полностью опубликованы А. Василиевым и будут интересны каждому, кто изучает эпоху Возрождения.

А. Василиев пишет о творчестве других мастеров, выпедших из Самоковской школы: Ст. Доспевском, уточняя фактические данные, связанные с его жизнью и творчеством, а также о художнике Н. Доспевском, его сыне и других представителях этой семьи живописцев. Интересны разделы книги, где автор пишет о роде Валевых, Образописовых и оставленных ими произведениях (стенописи, иконы, ктиторские портреты). Однако картина развития Самоковской школы была бы явно неполной, если бы А. Василиев не включил в свою работу специальную главу о художниках-резчиках. Внимание автора к этому виду художественного творчества не случайно.

Если Самоковская школа эпохи болгарского Возрождения довольно основательно исследована в болгарской литературе, то о Банской школе мы знаем меньше. Многие новые данные и интересные оценки, которые даны в разделе книги, посвященном Банской школе, весьма значительны. Интересна часть, посвященная роду Вишановых, где А. Василиев стремится показать специфику искусства Тома Вишанова.

Особый раздел книги посвящен болгарским художникам, работавшим в различных уголках Болгарии и в других странах. Многие из них малоизвестны, и заслуга автора, опубликовавшего ряд данных о их творчестве, фотографии с их работ, весьма существенна. Быть может, научная ценность открытий А. Василиева была бы еще значительнее, если бы он более четко определил место этих масте-

ров в общем процессе формирования национальной культуры XIX в. Отсутствие акцентов в этой главе приводит к тому, что значение творчества Н. Павловича несколько снижается. Представляется, что место таких художников, как Н. Павлович, Х. Цокев, Д. Добрович, заслуживало бы более широкого освещения.

Книга А. Василюва представляет огромный интерес. Это подлинная энциклопедия мастеров болгарского Возрождения, к которой будут неизменно обращаться все исследователи болгарского искусства.

Е. Львова

НОВОЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ТВОРЧЕСТВА И. КРАСИЦКОГО

Творчество крупнейшего поэта и прозаика польского Просвещения И. Красицкого вот уже в течение полутора веков привлекает внимание исследователей. Но до сих пор и в биографии художника и в его творческом наследии остаются «белые пятна», причем многое вызывает различные интерпретации, становится предметом оживленной полемики. В этом отношении популярнейший и ставший еще при жизни «хрестоматийным» писатель разделил, как это ни парадоксально на первый взгляд, судьбу своей эпохи, не пользующейся особыми симпатиями романтиков и недвусмысленно оцененной возродившимся в начале XIX в. католицизмом. Интерес к национальному Просвещению пробуждается лишь в последней четверти XIX в. Без «забытого», а нередко и тенденциозно вычеркиваемого из национального прошлого «вольнодумного» «века интеллектуального переворота» невозможно было создать объективной картины жизни и творчества писателя, ибо игнорировалась не только почва, взрастившая и обусловившая его художественное видение, но утрачивалась и сама историческая перспектива, без которой немисливо подлинно научное исследование.

Польскими историками, литературоведами, историками культуры и искусствоведом воистину реставрировалась по сохранившимся фрагментам панорама национального Просвещения, в котором открывались источники многих тенденций социально-философской и эстетической мысли XIX—XX вв. Это открытие, продолженное марксистской школой в Народной Польше, еще не завершено. Но в перспективе свершенного в ином свете предстают и ранее известные и вновь открытые факты. Иначе вырисовывается картина литературной действительности, а на ее фоне — творчество «князя поэтов» Красицкого.

Исследования З. Голинского, составившие книгу «Над текстами Красицкого»¹, — яркая иллюстрация того, как, по мере расширения научных горизонтов, решение одних проблем приводит к постановке других, иногда непредвиденных. Итак, после литературно-исторических изысканий и обобщений Т. Микюльского,

исследования Р. Волошинского о воззрениях Красицкого, М. Климовича об «Истории» и драматургии, после целого ряда других работ и издания «вроцлавской школой» комментированных четырехтомника избранных произведений писателя и двухтомного эпистолярного наследия, пролившего новый свет на жизнь и творчество «прославленного автора „Мышеиды“», появляется работа, посвященная текстологическим проблемам, переплетающимся с целым комплексом других вопросов, которые представляют интерес не только для литературоведов (издательское дело в Польше эпохи Просвещения, отношения автора с издателем, «корсарские» издания, региональные наречия и проблемы формирования литературного языка в разных частях страны, становление норм литературного языка и индивидуальный стиль ведущих писателей, роль издателей в формировании литературного языка в Польше второй половины XVIII в. и др.).

Текстологическое исследование творческого наследия Красицкого является не только первооткрывательским, принципиально новым по широте привлеченных источников и самому подходу к материалу, но и крайне необходимым именно в настоящее время, когда все более остро ощущается отсутствие научной монографии о Красицком и встает вопрос о полном критическом и комментированном издании его произведений. В этом отношении особый интерес представляют первый и последний разделы книги: «Проблема авторизации печатных изданий» и «Проблематика основного текста».

Крашицкий, который, как правило, неоднократно возвращался к стилистической правке уже завершенных вещей (также и после их публикации), в то же время не интересовался судьбой рукописей после того, как они попадали к издателю, хотя неоднократно жаловался в письмах, что его произведения, вышедшие из печати, «книжат ошибками». Эти «ошибки» отнюдь не ограничивались просчетами наборщиков — речь шла прежде всего о правке издателя, который неоднократно (как в случае «Приключений Миколая Досвядчиньского», «Истории», «Пана Подстолия» и мн. др.) изменял даже само название. Подобная судьба постигла и те произведения, которые появлялись в жур-

¹ Z. Goliński. Nad tekstami Krasickiego. Ossolineum, 1966.

нале «Приятные и полезные развлечения», в брошюрных изданиях (где зачастую использовался не автограф), не говоря уже о «корсарских» переизданиях. На основе тщательного сопоставления прижизненных изданий Красицкого (которые впоследствии послужили основой для переизданий) с рукописями (причем З. Голинский впервые сопоставляет все сохранившиеся варианты) автор приходит к выводу, являющемуся важным указанием не только для исследователей творчества Красицкого, но и для будущих издателей его произведений: ввиду отсутствия автографов, послуживших основой первого печатного издания («кишащего ошибками»), следует опираться на позднейшие, исправленные автором варианты, не доверяя полностью даже столь компетентному изданию, как полное собрание сочинений, изданное Ф. К. Дмоховским.

В этом же исследовании привлекает внимание интересная и убедительная полемика с Л. Бернацким, о времени перевода Красицким «Песен Оссиана» и заключительные выводы, согласно которым неавторизованными являются все прижизненные переиздания, все журнальные публикации (исключая «Монитор» и «Каждую неделю»), все брошюрные издания, часть двухтомника избранных произведений (1786—1788), издания «Песен Оссиана», «Правдивой повести об угловом доме в Кукоровцах» и «Монахомахии». Текстологической проблематике последней посвящено исследование, затрагивающее также вопросы историко-литературного характера. Привлекает внимание убедительная, основанная на конкретных фактах жизни и творчества писателя критика утверждения Т. Микульского, считавшего «космополитической легендой» сообщение Ф. К. Дмоховского о том, что «Монахомахия» в определенной степени была инспирирована Фридрихом II и возникла в том самом апартаменте дворца Сан-Суси, где до этого жил Вольтер. Подобное утверждение одновременно использовалось Т. Микульским в качестве аргумента для его концепции однозначной идеологической позиции Красицкого как вольнодумца и вождя антимонашеской кампании просветителей, что выглядит весьма спорным, если учесть, что в этот же период был создан I том «Плана Подстолия» и перевод «Песен Оссиана». Таким образом, заключительные выводы З. Голинского вновь поднимают вопрос об идейной позиции Красицкого конца 70-х — 80-х годов и связанный с этим целый комплекс проблем (генезис «Монахомахии», обстоятельства ее публикации² и факт появления «Антимонахомахии», общественный и литературный резонанс этих произведений и др.).

Текстологический анализ романа «Пан

Подстолий», так же как и текстологический анализ издания Ф. К. Дмоховского, которое вот уже в течение полутора столетий является в подавляющем большинстве случаев основой переизданий Красицкого, следует по руслу, намеченному открывающим книгу исследованием. И если текстологов и будущих издателей Красицкого здесь привлечет широта использования материала и ряд ценных выводов, касающихся характера первоначального текста и его искажений при печатных изданиях, новые и интересные выводы о недостатках издания Дмоховского, то историков литературы и культуры заинтересуют фрагменты, посвященные судьбам рукописей Красицкого, его пропавшим произведениям, адресатам его стихов и т. д. Особый интерес привлекает полемика З. Голинского с распротранившейся еще в начале XX в. теорией, согласно которой замысел «Подстолия» вырастает из черного наброска «Писем М. Досвядчиньского сыну». Аргументы автора сводятся к следующему: 1) неизвестна датировка черновых рукописей — перед планом «Писем» стоит стихотворение, написанное в 1788 г., а еще ранее — набросок одного из разделов I тома «Подстолия»; 2) деление на три части как «Писем», так и «Подстолия» вообще свойственно композиционной манере Красицкого; 3) план «Писем» соответствует тематике трех книг «Досвядчиньского» и не совпадает с содержанием соответствующих томов «Подстолия»; 4) I том «Подстолия» был задуман как законченное произведение, замысел продолжить этот роман возник позднее; 5) «Досвядчиньский» был написан в 1775 г.; к этому времени, вероятно, была завершена работа над «Подстолием», ибо привлекла на издание этого романа, выданная королем издателю Гроллоу, датирована 4 февраля 1776 г. Эти выводы, основанные на исследованиях конкретных документов и фактов, — в сопоставлении с чисто импрессионистскими доводами и интуитивными предположениями сторонников старой теории — выглядят логически обоснованными и убедительными. Сборник завершается ценным разделом «Библиография печатных изданий», состоящим из двух частей: I. Печатные издания Красицкого, опубликованные при жизни автора; II. Издание собрания сочинений.

Исследования Голинского воплощают не так уж частое в литературоведении сочетание сугубо теоретических суждений и выводов с чисто практическими рекомендациями их претворения при новых изданиях произведений Красицкого. Mimo них уже невозможно пройти ни литературоведам, ни будущим издателям, которым, там где это возможно, предстоит восстановить подлинный окончательный вариант подавляющего большинства произведений «князя поэтов».

А. Лунатов

² Известно, что вначале Красицкий отказывался от авторства.

20 ТОМОВ «ИССЛЕДОВАНИЙ ПО НЕМЕЦКО-СЛАВЯНСКОЙ
ТОПОНИМИИ»

По поручению Министерства высшего образования ГДР 13 лет назад при Университете им. Карла Маркса в Лейпциге была создана научная группа по исследованию немецко-славянской топонимии и истории колонизации. Эта группа под руководством Теодора Фрингса и Рудольфа Фишера издала 20 томов серии «Deutsch-slawische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte». В этих томах был опубликован большой, тщательно собранный, современными методами исследованный и оцененный славянский и тесно связанный с ним немецкий топонимический материал. Югославский ученый Ф. Безлай, член Ономастической комиссии при Международном комитете славистов, так оценивает изданные тома этого труда: «Большое число публикаций последних лет внушает уважение к солидности в разработке материала и к объективности методов»¹.

Особенно отрадно, что последний том посвящен лужицкой микротопонимии района Каменец — языковым памятникам лужицкого народа, имеющего в ГДР все условия для расцвета своей культуры. Признавая славянские языковые памятники в местных названиях Германии, издатели и авторы как бы выполняют заве-

¹ См. «Zpravodaj Místopisné komise CSAV», VII, Praha, 1966, s. 350—351.

щание Г. В. Лейбница, которое невозможно было осуществить ни в эпоху вильгельмовской Германии, ни в годы Веймарской республики, не говоря уже о годах фашизма.

Исследуя языковые памятники, топонимасты ГДР стремятся также содействовать преодолению «идеологии народности» (Volkstumsideologie), которая в прошлом выливалась в разъединяющий народы национализм, утверждению такого понимания истории, которое воспитывает молодежь наших народов в дружбе и в духе взаимопонимания.

Предпосылки для развития германо-славянской топонимастике были созданы только в ГДР. В Университете им. Карла Маркса в Лейпциге с 1954 по 1965 г. были представлены к защите 24 кандидатских и 2 докторских диссертации по германо-славянской топонимистике². Таким образом, был создан общепризнанный в международном масштабе коллективный труд, проникнутый идеей дружбы между народами, являющейся заветом Великой Октябрьской социалистической революции.

² См. «Informationen der Leipziger namenkundlichen Arbeitsgruppe an der Karl-Marx-Universität», № 8, 1967, S. 1—2.

И. Шультгейс

Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања. Редактор Б. Конески. Составувачи Т. Димитровски, Б. Корубин, Т. Стаматоски. Скопје, т. I, А-Н, 1961; т. II, О-П, 1965; т. III, Р-Ш, 1966.

Словарь македонского языка

Славянская лексикография пополнилась еще одним капитальным трудом. Завершено издание первого многотомного Словаря македонского языка. Это крупнейшее событие в культурной жизни Македонии. Создание Словаря связано с важным и сложным периодом в становлении и развитии македонского литературного языка, самого молодого из славянских литературных языков. Словарной работе предшествовало исследование кардинальных проблем орфографии, орфоэпии, грамматики, словообразования и лексикологии македонского языка наших дней¹, что непосредственно способст-

вовало выполнению словаря на высоком лексикографическом уровне. Укажем здесь только на краткий «Македонски правопис» (Скопје, 1945), его расширенное издание — «Македонски правопис со правописен речник» (Скопје, 1950; авторы — Б. Конески, К. Топев) и труд Б. Конеского, видного ученого и писателя Македонии, ныне президента Македонской

македонского языка в Народной Республике Македонии. — «Вопросы языкознания», 1956, № 2. См. также библиографию, приложенную к монографии Р. П. Усиковой «Морфология имени существительного и глагола в современном македонском литературном языке» (Скопје, 1967), журналы, выходящие в Скопье: «Македонски јазик» (с 1950 г.) и «Литературен збор» (с 1954 г.).

¹ Подробнее об этих исследованиях см.: Б. Видоески. Прилог кон библиографијата на македонскиот јазик. Скопје, 1953; С. Б. Бернштейн. Изучение

академии наук, — «Грамматика на македонскиот јазик» (Скопје, I, 1952; II, 1954).

Создание Словаря было признано делом большого общественного значения. Работа над ним была начата на кафедре южнославянских языков философского факультета Скопленского университета под руководством Б. Конеского. В 1951 г. была образована специальная комиссия по составлению Словаря. В нее вошли Б. Конески, М. Петрушевски, К. Тошев. В 1953 г. был открыт Институт македонского языка, и работа над Словарем была сосредоточена в нем.

Словарь создан на основе специально составленной картотеки. Для нее были экспертированы современные литературные, научные, публицистические произведения, а также значительное количество произведений народного творчества, отобрана разговорная лексика. В трех томах Словаря содержится 64 522 словарных статьи — материал колоссальный для первого академического словаря. Вспомним для сравнения, что в первом русском академическом словаре — «Словаре Академии Российской» (СПб., 1789—1794 гг.) было 43 257 слов, а в современном академическом четырехтомном «Словаре русского языка» (М., 1957—1961) — 88 159 слов.

Создание первого словаря, и тем более первого академического словаря, требует от его авторов громадного труда и неотложного практического решения весьма сложных лексикографических вопросов. Один из них касается состава словника, источников для составления словника и характера их использования (выборочно или сплошь). Македонский литературный язык, имеющий непродолжительную историю своего существования, характеризуется не вполне устойчивым составом лексики. Именно поэтому Словарь включает наряду с общеупотребительными словами литературного языка большое количество разговорных и диалектных слов, слов народно-поэтической лексики. В нем содержится также множество книжных, в том числе иностранных слов, преимущественно терминов. Такой широкий ох-

ват лексики следует признать единственно разумным решением сложнейшей проблемы отбора словарного материала в данной языковой ситуации.

Разнохарактерный словарный материал потребовал детальной стилистической характеристики слов, которая дается пометами: «архаизм», «диалектизм», «книжное слово», «народно-поэтическое слово», «разговорное», «вульгарное слово», «жаргонизм» и др. Специальными пометами снабжены и слова-термины. Отмечаются фразеологизмы, переносное и ироническое употребление и некоторые другие лексико-фразеологические особенности. Все заглавные слова в случае отступления от общего правила ударения в многословном слове (на третьем слоге от конца) даются с указанием ударного слога, например, *конгенијалност*, *метал*, *металец*, *орнамент*, *псевдоним*, *психологизм*. Указывается принадлежность каждого слова к той или иной части речи. Иллюстративные примеры даются в виде типичных свободных и связанных словосочетаний (цитаты из сочинений авторов не приводятся).

Словарь не является строго нормативным и потому, что он первый, и еще более оттого, что сама норма еще не определилась с достаточной четкостью. Вместе с тем, как первый академический словарь, он не может в громадном числе случаев не оказывать нормализующего влияния на современное употребление слов и форм.

Словарь является толково-переводным. Переводы даются на сербско-хорватский язык. Создание собственно толкового словаря — дело ближайшего будущего. Работа над ним в Институте македонского языка уже ведется.

В приложении к т. III дается словарик географических названий и слов, производных от них, в том числе названий жителей, а также «Дополнение» к первым двум томам, где указаны пропуски и новые слова (типа *космонавт*).

Р. М. Цейтлин

БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ
ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ВЫШЕДШИЕ
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В 1967 г.

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения и внешняя политика. Экономическое соревнование двух систем

Грачев Б. В. Мировая система социализма. Успехи, проблемы и тенденции соврем. этапа. Политиздат, 1966, 112 с.

Мировая социалистическая система хозяйства. Гл. ред. чл.-корр. АН СССР Г. М. Сорокин. Т. 2—4 «Мысль», 1967.

Соловьева К. Ф. Проблемы экономического соревнования социалистической и капиталистической систем. Высш. школа, 1967, 112 с.

Старых П. Экономические закономерности развития мировой социалистической системы. Киев, 1967, 26 с.

Экономика зарубежных стран (Мировая социалистическая система). Под ред. д-ра эконом. наук проф. В. А. Жамина. Высш. школа, 1967, 419 с.

Экономические закономерности развития мировой социалистической системы. Сб. М., 1967, 101 с.

2. Сотрудничество социалистических стран. Экономические связи

Баутина Н. В. Экономические проблемы развития мировой системы социализма. Изд-во Моск. ун-та, 1967, 168 с.

Беляев Ю. Н. Сближение уровней экономического развития социалистических стран (Очерк теории). «Мысль», 1967, 269 с.

Беляев Ю. Н. и Семенова Л. С. Страны СЭВ в мировой экономике. Междунар. отношения, 1967, 189 с.

Викентьев А. И., Миросниченко Б. П. Экономические законы социализма и планирование в странах СЭВ. Междунар. отношения, 1967, 304 с.

Галецкая Р. А. Статистика об успехах социалистических стран. «Статистика», 1966, 57 с.

Грецкий А. К. Международные дружественные связи Белоруссии. Минск, 1966, 143 с.

Жамин В. А. Критика буржуазных теорий развития экономики мировой социалистической системы. Высш. школа, 1967, 107 с.

Миккульский К. И. Национальные ресурсы и международное сотрудничество. Актуальные проблемы междунар.

соц. разделения труда. Междунар. отношения, 1967, 224 с.

Многостороннее экономическое сотрудничество государств. Сб. документов. Юрид. литература, 1967, 308 с.

О состоянии работ в области межотраслевого баланса в странах—членах СЭВ. Под ред. Л. А. Ефанова. М., 1967, 54 с.

Проблемы международного социалистического разделения труда. Эконом. очерки. Л., 1967, 171 с.

Проблемы оптимального планирования. Мат-лы Междунар. научн. семинара по вопр. оптимизации планирования и межотраслевого баланса. Берлин, 5—10 апр. 1965 г. Под ред. (и с предисл.) чл.-корр. АН СССР А. Н. Ефимова. «Экономика», 1966, 295 с.

Рутгайзер В. М. Структурные сдвиги в экономике европейских социалистических стран. «Мысль», 1967, 199 с.

Соколов А. И. Проблемы совершенствования экономического сотрудничества стран социализма. М., 1967, 48 с.

Соловьев М. Д. Развитие сотрудничества между странами социализма на современном этапе. Л., 1967, 23 с.

Ходов Л. Г., Соколов А. И. Новые формы экономического сотрудничества социалистических стран. «Знание», 1967, 38 с.

3. Строительство основ социалистической экономики

Атлас М. С. Развитие банковских систем стран социализма. «Финансы», 1967, 239 с.

Владова Н. В. Организация заработной платы в торговле европейских социалистических стран. «Экономика», 1967, 104 с.

Внешняя торговля европейских социалистических стран. Междунар. отношения, 1967, 224 с.

Материально-техническая база стран социализма. «Наука», 1967, 291 с.

Народное хозяйство социалистических стран в 1966 г. Сообщ. стат. управлений «Статистика», 1967, 167 с.

Оболенский Н. Г. Кредитно-расчетные отношения социалистических стран. «Финансы», 1967, 32 с.

Степанова И. Л. Автомобильная промышленность европейских стран социализма. Обзор. М., 1967, 97 с.

Тарновский О. И. Прибыль и ее использование. Опыт европейских стран социализма. «Экономика», 1966, 100 с.

Тарновский О. И., Митрофанова Н. М. Стоимость и цена на ми-

ровом социалистическом рынке. «Наука», 1967, 334 с.

Успенский А. А. Экономическое развитие зарубежных социалистических стран. (Учеб. пособие для эконом. вузов и фак-ов.) 2-е изд. Ч. 1. Высш. школа, 1967, 167 с.

Экономическая география зарубежных социалистических стран Европы. (Учеб. пособие для эконом. вузов и фак-ов.) Под ред. Н. Г. Кугушева. Высш. школа, 1966, 164 с.

4. Партийная жизнь

Документы Конференции европейских коммунистических и рабочих партий в Карловых Варах. 24—26 апр. 1967 г. Политиздат, 1967, 23 с.

Конференция европейских коммунистических и рабочих партий по вопросам безопасности в Европе в Карловых Варах. Материалы. Политиздат, 1967, 288 с.

5. Государственное строительство. Право

Кожохин Б. И. Социалистическая демократия — основа народно-демократической государственности. Изд-во Ленингр. ун-та, 1967, 65 с.

Мацуленко В. А. Боевое содружество вооруженных сил социалистических стран. «Знание», 1967, 45 с.

Общее и специфическое в диктатуре пролетариата. «Мысль», 1967, 192 с.

Уголовный процесс зарубежных социалистических государств Европы. Юрид. литература, 1967, 448 с.

6. Справочники. Библиографические указатели

Мир социализма в цифрах и фактах. Справочник, 1966, М., 1967, 160 с.

Мировая социалистическая система хозяйства. Вып. 3. Лит. за 1964 г. М., 1966, 150 с.

Мировая социалистическая система хозяйства. Планирование и управление народным хозяйством в странах — членах СЭВ. Указатель лит., опубли. в странах — членах СЭВ в 1965—1966 гг. М., 1967, III, 139 с.

Мировая социалистическая система хозяйства. Экономическое и научно-техническое сотрудничество стран — членов СЭВ. (Книги и статьи, опубли. в странах — членах СЭВ в 1965 г.) М., 1966, 139 с.

Мировая экономика. Краткий справочник. М., 1967, 320 с.

Экономика стран социализма (Главн. ред. Т. В. Рябушкин). 1966, «Экономика», 1967, 255 с.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. Экономика

Досталь А. А. Социалистическое преобразование и развитие денежно-кредитной системы Чехословакии. «Наука», 1967, 166 с.

Мамалуй А. П., Кучерявенко П. X. Социалистическое преобразование крестьянского хозяйства в Польской Народной Республике. Изд-во Харьк. ун-та, 1967, 167 с.

Планирование капитальных вложений в условиях новой экономической системы Польской Народной Республики. (Отв. за выпуск В. Г. Кремянский и Н. А. Вартанян.) М., 1967, 151 с.

Соколова Е. Б., Бржевская Т. А. Строительство и организация микрорайонов в Югославии. (Информ. обзор.) М., Центр науч.-техн. информации по гражд. строит-ву и архитектуре, 1967, 30 с.

Трубачев А. Ф. Как управляются предприятия в социалистических странах. «Экономика», 1967, 160 с.

2. Право

Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Чехословацкой Социалистической Республики о международном автомобильном сообщении. М., 1967, 7 с.

3. История

Андрющенко С. А. Дунайские волны (О боевых действиях 23-го Краснознам. Братислав. стрелкового корпуса). Лит. запись Н. Сердюкова. Львов, 1967, 112 с.

Восленский М. С. «Восточная» политика ФРГ (1849—1966). «Наука», 1967, 428 с.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений (Отв. ред. И. А. Хренов — советская часть, Т. Цесляк — польская часть). Т. 5. Май 1926 — декабрь 1932. «Наука», 1967, 612 с.

«Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (Материалы симпозиума. 20—23 апр. 1966. Отв. ред. В. Д. Королук). «Наука», 1967, 279 с.

Дьяков В. А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856—1865 годов. (Био-библиогр. словарь.) «Наука», 1967, 256 с.

Зарубіжні інтернаціоналісти в рядах борців за владу рад на Україні (1917—1920). «Наукова думка», 1967, 343 с.

Зуев Ф. Г. Польский народ против фашизма. «Наука», 1967, 136 с.

Историография нового времени стран Европы и Америки. (Учебн. пособ. для

ун-тов и пед. ин-тов. Отв. ред. И. С. Галкина.) Изд-во Моск. ун-та, 1967, 670 с.

Источники и историография славянского средневековья. Сб. статей и материалов (Отв. ред. С. А. Никитин). «Наука», 1967, 286 с.

Крутикова Г. П. Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны. Спец. семинар для студентов-заочников ист. фак-тов, пед. ин-тов. «Просвещение», 1967, 23 с.

Кублицкий Г. И. И снова Югославия. «Молодая гвардия», 1967, 208 с.

Марахов Г. И. Польское восстание 1863 г. на Правобережной Украине. Изд-во Киевск. ун-та, 1967, 258 с.

Мартыненко А. К. Русско-болгарские отношения в 1894—1902 гг. Изд-во Киевск. ун-та, 1967, 296 с.

Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы. Т. 3. Борьба России и болгарского народа за создание болгарского государства. 1878—1879. «Наука», 1967, 678 с.

Прошлое и настоящее. Из истории европейских стран народной демократии. Сб. статей. Отв. ред. Ю. А. Писарев и П. И. Пушкаш. «Наука», 1967, 260 с.

Революционная Россия и революционная Польша. (Вторая половина XIX в.) Сб. статей. Под ред. В. А. Дьякова и др. «Наука», 1967, 464 с.

Тегеран — Ялта — Потсдам. Сборник документов (трех конференций стран антигитлеровской коалиции). Междунар. отношения, 1967, 368 с.

Шекера I. М. Київська Русь XI ст. у міжнародних відносинах. «Наукова думка», 1967, 200 с.

Шмераль Я. Б. Образование Чехословацкой республики в 1918 году. «Наука», 1967, 339 с.

Яковлев Н. Н. Наш друг Стара-Загора. К 90-летию боя у стен болгарского города-героя 19 (31) июля 1877 г. Куйбышев, 1967, 90 с.

К 50-летию Великого Октября

Аврамов Р. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на революционное движение в Болгарии. Политиздат, 1967, 160 с.

Велика Жовтнева соціалістична революція і розвиток світової системи соціалізму. За ред. Климка Н. Г. і др. Вид-во Київськ. ун-ту, 1967, 407 с.

Великий Жовтень і міжнародний робітничий та національно-визвольний рух. За ред. В. Я. Тарасенка. Вид-во Львівськ. ун-ту, 1967, 467 с.

Великий Октябрь — источник силы и гарантия социалистического развития Чехословакии. Предисл. П. Реймана. Политиздат, 1967, 151 с.

Великий Октябрь и мировое революционное движение. «Правда», 1967, 502 с.

Дружба та співробітництво народів України і Польщі (Збірник). Присвяч. 50-річчю Великої Жовтневої соціалістичної революції (Відп. ред. Кундюба I. Д.). Київ, 1967, 159 с.

Дудинский И. В. Великий Октябрь и социалистическое сообщество. М., 1967, 79 с.

Жовтень і зарубіжні слов'янські літератури. Київ, 1967, 516 с.

Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов. «Наука», 1967, 614 с.

Историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции. Мат-лы междунар. теоретич. конференц.и, организованной ред. журнала «Проблемы мира и социализма» в Праге 22—24 июня 1967 г. М., 1967, 535 с.

Манусевич А. Я. Октябрь и революционное движение в Европе. «Знание», 1967, 47 с.

Мир о стране Октября. Высказывания и отклики. (Предисл. акад. Г. П. Францова.) М., АПН, 1967, 403 с.

Об Октябрьской революции. Воспоминания зарубежных участников и очевидцев. Политиздат, 1967, 319 с.

Рущенко П. Т. Великий Жовтень і революційний рух у Болгарії в 1923 році. Вид-во Харьк. ун-ту, 1967, 180 с.

Сорокин Г. М. Октябрь и мировая система социализма. «Знание», 1967, 80 с.

Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. (Сб. ст. Отв. ред. И. И. Минц.) «Наука», 1967, 348 с.

Францев Ю. П. Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции. «Мысль», 1967, 220 с.

Хацкевич А. Ф. Польские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Белоруссии. Минск, 1967, 150 с.

Христов Х. Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие классовой борьбы и революционного движения в Болгарии 1917—1944 гг. М., 1967, 53 с.

Яблоньский Г., Кручковский А. Великая Октябрьская социалистическая революция и Польша. Политиздат, 1967, 120 с.

Яжборовская И. С. Коммунистическая партия Польши и идеи Октября 1918—1923 гг. «Наука», 1967, 300 с.

4. Культура

Артамонов С. Д. и др. История зарубежной литературы XVII—XVIII вв. Изд. 3-е. «Просвещение», 1967, 855 с.

Бабич И. Отражение идей Октябрьской революции в революционной хорватской публицистике в первые годы Советской власти. М., 1967, 22 с.

Будагова Л. Н. Витезслав Незвал (1900—1958). Очерк жизни и творчества. «Наука», 1967, 384 с.

Великий Октябрь и мировая литература. Сб. статей. Художеств. литература, 1967, 423 с.

Вербицкий П. П. Болеслав Прус. Творчість. Вид-во Харьк. ун-ту, 1967, 352 с.

Георгиевская Е. Б. Прага. «Искусство», 1967, 192 с.

Горно-Поплавски С. (Польша). Каталог выставки. Сов. художник, 1967, 11 с. с илл.

Лавренев Цанко. Каталог (Выставка произведений). Сов. художник, 1967, 20 с. с илл.

Марков Д. Ф. Типологические тенденции в развитии художественных форм революционных литератур после Октября. М., 1967, 19 с.

Маркулан Я. К. Кино Польши. «Искусство», 1967, 291 с.

Медерский Л. А. Варшава. Л., 1967, 72 с.

Радволина И. Рассказ о Юлиусе Фучине. Сов. писатель, 1967, 312 с.

Слов'янське літературознавство і фольклористика (36 статей). Вып. 3. «Наукова думка», 1967, 211 с.

Соболев Р. Встреча с польским кино. М., 1967, 102 с.

Современная болгарская графика. Каталог выставки. Предисл. М. Кирова. Сов. художник, 1967, 19 с. с илл.

Современные буржуазные концепции истории всемирной литературы. «Наука», 1967, 175 с.

Токсина И. В. Витезслав Незвал. Библиограф. указатель. «Наука», 1967, 95 с.

Тупицын И. К. Иван Мештрович. «Искусство», 1967, 49 с.

Художественный опыт литератур социалистических стран. «Наука», 1967, 367 с.

5. Языкознание

Бурдин С. М. и др. Старославянский язык. Учебн. пособ. для студентов-заочников ун-тов и пед. ин-тов. Ташкент, 1966, 275 с.

Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь. Около 75 000 слов. М., Сов. энциклопедия; Варшава, «Ведза повшехня», 1967, 1344 с.

Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. Фрагмент индоевроп. ономастики. «Наука», 1967, 199 с.

Горбачевский А. А. К вопросу о путях возникновения сушплетивных форм в славянских языках. Душанбе, 1967, 51 с.

Иванович С. Д., Петранович И. М. Русско-сербскохорватский словарь. 38 000 слов. Изд. 3-е, стереотип. Сов. энциклопедия, 1967, 784 с.

Калнынь Л. Э. Типология звуковых диалектных различий в нижнелужицком языке. «Наука», 1967, 250 с.

Карпатский диалектологический атлас. Т. 1—2, М., 1967.

Коллар Д. и др. Карманный словацко-русский словарь. 9800 слов. Изд. 3-е, стереотип. Сов. энциклопедия, 1967, 416 с.

Леонидова М. А. Карманный болгаро-русский словарь. 10 400 слов. Изд. 4-е, стереотип. Сов. энциклопедия, 1967, 534 с.

Леонидова М. А. Карманный русско-болгарский словарь. 8200 слов. Изд. 6-е, стереотип. Сов. энциклопедия, 1967, 477 с.

Львов А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. «Наука», 1967, 320 с.

Митронова И. Н., Синицына Г. В., Липкес Г. Карманный польско-русский и русско-польский словарь. Изд. 5-е, стереотип. Сов. энциклопедия, 1967, 563 с.

Нестерович М. Г., Шварц В. В. Чешско-русский словарь по технологии машиностроения. Около 16 000 терминов. Сов. энциклопедия, 1967, 264 с.

Павлович А. И. Чешско-русский словарь. 52 000 слов. Изд. 5-е, испр. и доп. Сов. энциклопедия, 1967, 845 с. Празжский лингвистический кружок. Сб. статей. Сост., ред. и предисл. Н. А. Кондрашова. «Прогресс», 1967, 559 с.

Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии. Международный симпозиум. Программа. Тезисы докладов. М., 1966, 52 с.

Ревзин И. И. Метод моделирования и типология славянских языков. «Наука», 1967, 298 с.

Резолюция совещания по Общеславянскому лингвистическому атласу. Львов, 1967, 4, 3 с.

Сербско-хорватско-русский политехнический словарь. Около 37 000 терминов. М. Сов. энциклопедия; Белград, «РАД», 1967, 574 с.

Скупский Б. И. Старославянский язык. Учебник для студентов ун-тов и пед. ин-тов. Ч. 2. Махачкала, 1967, 191 с.

Слав'янське лінгвістичне знання. Т. 5. Структура і розвиток слов'янських мов. Київ, 1967, 218 с.

Тезисы докладов на совещании молодых специалистов «Вопросы изучения средневекового славянского и греческого рукописного наследия в советских собраниях (текстология, палеография, кодикология, источниковедение и др.)», Л., 1967, 25 с.

Типология и история славянских языков и взаимосвязь славянских литератур. Тезисы докл. и сообщ. Минск, 1967, 164 с.

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ,
ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ
В 1967 г. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика

Владимиров Ю. Визит И. Лепарта в Париж (23—26 октября 1967 г.). *Междунар. жизнь*, 1967, № 12, с. 149—150.

Коммюнике о совещании министров иностранных дел европейских социалистических стран (Варшава, 19—21 декабря 1967 г.). *«Правда»*, 1967, 23 декабря.

Кундюба И. Д. Великий Жовтень і характер радянсько-польських відносин. «Штанга нової та новітньої історії», Київ, 1967, вип. 5, с. 35—44.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

Алексич М. Прогрессивное развитие экономического сотрудничества между СФРЮ и СССР. *Бюл. иностр. коммерч. информации*. Прилож., М., 1967, № 9, с. 97—99.

Ангелов А. В едином строю. (Экономическое сотрудничество Болгарии в рамках СЭВ.) *Экономич. газета*, М., 1967, № 46, с. 40.

Андронов В. Экономическая реформа и материальное стимулирование в промышленности СФРЮ. *«Труд и заработная плата»*, 1967, № 4, с. 82—90.

Бегишев В. В русле технического прогресса. Некоторые тенденции современного станкостроения в Чехословакии. *Экономич. газета*, 1967, № 45, с. 42—43.

Беляев А. Сессия СЭВ в Будапеште (декабрь 1967 г.). *Экономич. газета*, 1968, № 1, с. 42.

Будинов И. Братское экономическое сотрудничество (Болгария — СССР). *Внешн. торговля*, 1967, № 11, с. 27—30.

В обстановке дружбы и взаимопонимания. Коммюнике о 32-м заседании Исполкома СЭВ (Будапешт, 15—19 декабря 1967 г.). *Экономич. газета*, 1967, № 52, с. 36.

Василев Д. Торговые отношения Болгарии с Советским Союзом и их роль в строительстве социализма в НРБ. *Бюл. иностр. коммерч. информации*. Прилож., М., 1967, № 9, с. 71—76.

Витак Я. За лучшее обслуживание потребителя. (О мероприятиях по улучшению обслуживания населения сел и поселков Чехословакии.) *Советск. пот-*

ребит. кооперация, 1967, № 12, с. 48—49.

Витт М. Земля и стройка. (О порядке отчуждения сельскохозяйственных земель для строительства и компенсации потерь в европейских социалистических странах.) *Экономич. газета*, 1967, № 49, с. 41.

Владов Д. Творческое применение ленинского кооперативного плана в Болгарии. *Эконом. сельск. х-ва*, 1967, № 11, с. 94—100.

Влава С. Некоторые проблемы экономического сотрудничества стран — членов СЭВ. *Экономич. газета*, 1967, № 52, с. 36.

Гамоуз Ф. Плодотворное сотрудничество. (О советско-чехословацкой торговле.) *Внешн. торговля*, 1967, № 11, с. 50—53.

Городинская И. С. Распределение результативного фонда заработной платы на промышленных предприятиях Народной Республики Болгарии. *«Труд и заработная плата»*, 1967, № 4, с. 76—82.

Гурвич Ф. Г. Проблемы изучения потребительского спроса в социалистических странах. *Экономика и математ. методы*, 1967, т. 3, № 6, с. 942—945.

Гуцва С. Опыт Советского Союза и развитие сельского хозяйства Польши. *Междунар. с.-х. журнал*, 1967, № 6, с. 8—11.

Драчка И. Кооперация в Чехословакии. *Советск. кооперация*, М., 1967, № 12, с. 45—47.

Дьяченко В. Основные направления совершенствования цен во взаимной торговле стран — членов СЭВ. *Вопр. экономики*, М., 1967, № 12, с. 64—74.

Евстигнеев Ю. Г. Оплата труда в госхозах и единых сельскохозяйственных кооперативах Чехословакии. *«Обзор литературы»* (Всесоюз. ин-т научн.-техн. информации по сельск. х-ву), М., 1967, вып. 34, с. 67—89.

Еремаш В. Настоящее и будущее сельского хозяйства Чехословакии. *Эконом. сельск. х-ва*, 1967, № 11, с. 110—112.

Иванов И., Ганчев К. Тарификация труда в кооперативных хозяйствах (Болгария). *Междунар. с.-х. журн.*, 1967, с. 31—37.

Иноземцев Н. Н. Координация народнохозяйственных планов и внешняя торговля стран — членов СЭВ. *Бюл. иностр. коммерч. информации*. Прилож., М., 1967, № 9, с. 63—70.

Козлов В., Перельман М. Хозяйственные реформы в строительстве в европейских странах — членах СЭВ.

Вопр. экономики, 1967, № 12, с. 108—116.

Котов Г., Русаков Г. Вопросы экономики и организации сельского хозяйства на Международном совещании экономистов-аграрников стран — членов СЭВ. (Москва, 1967.) Междунар. с.-х. журн., 1967, № 6, с. 40—45.

Маергойз И. М. К типологии промышленных районов социалистических стран зарубежной Европы. Вестн. Моск. ун-та. География, 1967, № 6, с. 57—65.

Некоторые итоги работы воздушных линий, связывающих страны — члены СЭВ за 1966 год. Бюл. экономич. информации (СЭВ), М., 1967, № 5, с. 110—112.

Нечаева Р. Объединения промышленных предприятий в ГДР и Польше. Вопр. экономики, 1967, № 11, с. 116—122.

Пирогов П. 20 плодотворных лет. (Научно-техническое сотрудничество ЧССР и СССР.) Экономич. газета, 1967, № 49, с. 40—41.

Розенберг М. Централизованная система механизации учета в торговле ЧССР. Бухгалтерск. учет, 1967, № 11, с. 66—69.

Рончковски С., Ланцукки З. Роль польско-советской торговли в развитии экономики ПНР. Бюл. иностр. коммерч. информации. Прилож., М., 1967, № 9, с. 89—90.

Руденко Н., Митрюшкин К., Степанов И. Государственные хозяйства Польши на подъеме. Эконом. сельск. х-ва, 1967, № 11, с. 104—108.

Сергеев Ю. Морской торговый флот социалистических стран. «Морской флот», 1967, № 11, с. 38—39.

Сотрудничество ПНР со странами — членами СЭВ и СФРЮ. Бюл. экономич. информации (СЭВ), М., 1967, № 5, с. 43—68.

Сотрудничество ПНР со странами — членами СЭВ в развитии отдельных отраслей народного хозяйства. Бюл. экономич. информации (СЭВ), М., 1967, № 5, с. 69—98.

Сторожев В. Сотрудничество стран — членов СЭВ в повышении интенсификации сельского хозяйства. Вопр. экономики, 1967, № 12, с. 99—107.

Тромпчинский В. Польско-советские торговые и экономические отношения. Внешн. торговля, 1967, № 11, с. 43—46.

Усневич М., Шабунина В. Пути повышения эффективности общественного производства в странах — членах СЭВ. Вопр. экономики, 1967, № 11, с. 98—108.

Усневич М., Микульский К. Темпы роста мировой социалистической экономики: проблемы современного эта-

па. Мировая эконом. и междунар. отношения, 1967, № 12, с. 79—88.

Ферфецки О. Новая система взаимоотношений и ответственности. (Порядок финансирования капитального строительства Чехословакии.) Эконом. строит-ва, 1967, № 12, с. 50—52.

Химическая промышленность Советского Союза и сотрудничество со странами — членами СЭВ в области химии. Бюл. экономич. информации (СЭВ), М., 1967, № 5, с. 21—28.

Шмельц Р. Экономическое сотрудничество ЧССР с Советским Союзом. Бюл. иностр. коммерч. информации. Прилож., М., 1967, № 9, с. 94—96.

Шпидлер-Гловацки В. Эксперимент «Польфа». (О производстве и внешнейторговой деятельности в фармацевтической промышленности Польши.) Экономич. газета, 1967, № 48, с. 41.

Экономическое и техническое сотрудничество СССР с социалистическими странами. (Информация СССР.) Бюл. экономич. информации (СЭВ), М., 1967, № 5, с. 9—20.

3. Партийная жизнь

Александр Дубчек — первый секретарь ЦК КПЧ. «Правда», 1968, 6 января. Пленум ЦК Коммунистической партии Чехословакии (3—5 января 1968 г.). «Правда», 1968, 6 января.

4. Государственное строительство и право

Карпович М. Большие дела маленьких городов. (Конкурс маленьких городов ПНР.) Сов. деп. трудящихся, 1967, № 11, с. 103—108.

Кнапп В. Советская правовая наука и развитие социалистической правовой мысли в Чехословакии. Советск. гос-во и право, 1967, № 12, с. 94—102.

Лясс Н. В. Общая тенденция развития уголовного права социалистических государств. Вестн. Ленингр. ун-та, 1967, № 17. Эконом., философ., право, вып. 3, с. 125—128.

Недович Б. Общинная скупщина и ее дела. (Югославская система местного самоуправления.) Сов. деп. трудящихся, 1967, № 12, с. 95—98.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Бурмака М. М. Братерство і бойова співдружність радянського і чехословацького народів на сторінках газети «Naše vojsko v SSSR». (Газета выходила с 26 августа 1942 г.) Вісн. Київськ. ун-ту, 1967, № 9. Серія журналістики, с. 54—60.

Бычваров М. Л. Из истории борьбы за ленинский этап марксистской

философії в Болгарії. *Вопр. філософії*, 1967, № 12, с. 61—70.

Востокова С. Письмо Ярослава Гашека председателю Центрального Чехословацкого Бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП (б) Я. Салату-Петрлику. (В полном объеме письмо от 17 сентября 1920 г. публикуется впервые.) *Иностр. литература*, 1967, № 11, с. 250—252.

Гендрих И. Воплощение идей Великого Октября в социалистической Чехословакии. *Пробл. мира и соц.*, Прага, 1967, № 11, с. 18—19.

Гостинська В. Польско-радянські переговори в червні-грудні 1919 р. та їх значення в розвитку подій громадянської війни. *Укр. істор. журн.*, 1967, № 11, с. 71—78.

Гудимов А. Поиски и драгоценные находки (связанные с пребыванием В. И. Ленина в Праге в 1900 г. и 1912 г.). *Экономич. газета*, 1967, № 45, с. 28.

Джурич М. М. Великая Октябрьская социалистическая революция и образование единого многонационального государства Югославия. *Вестн. Моск. ун-та. Право*, 1967, № 6, с. 19—31.

Зайцев В. В. Англійська буржуазна історіографія балканських воєн 1912—1913 рр. «Питання нової та новітньої історії», 1967, вип. 5, с. 162—173.

Калениченко П. М. З історії Рад робітничих депутатів у Польщі (1918—1919 рр.). «Питання нової та новітньої історії», 1967, вип. 5, с. 45—57.

Кернес И. Дружба, рожденная в боях. (Библиография по истории боевого содружества Советской Армии с народами и армиями стран Восточной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны.) *Воен.-истор. журн.*, 1967, № 11, с. 98—103.

Кізченко А. Ф. Чехословацьчина і національно-революційна війна іспанського народу 1936—1939 рр. «Питання нової та новітньої історії», 1967, вип. 5, с. 129—141.

Николов М. Великий Октябрь и революционное движение в Болгарии. *Вопр. истории*, 1967, № 11, с. 63—73.

Сідельников С. І. Національно-визвольний рух болгарського народу проти турецького панування у радянській історичній науці за п'ятдесят років. «Питання нової та новітньої історії», 1967, вип. 5, с. 142—147.

Струкова К. Л. Визвольний рух балканських народів на початку ХХ ст. у висвітленні російської періодичної преси. «Питання нової та новітньої історії», 1967, вип. 5, с. 148—161.

Тодоров С. Победа Октября и борьба болгарских коммунистов за социализм. *Пробл. мира и соц.*, Прага, 1967, № 11, с. 12—14.

Чернявський Г. И. З історії боротьби Болгарської комуністичної

партії за підтримку радянської держави (святкування 10-ї річниці Великої Жовтневої соціалістичної революції в Болгарії). «Питання нової та новітньої історії», 1967, вип. 5, с. 73—90.

Яковлев Н. Н. Против антинаучных упреждений С. Костича. (По поводу книги: Kostić S. N. Međunarodni odnosi i međunarodno pravo. Zagreb, 1966, 555 s. *Вопр. истории*, 1967, № 9, с. 42—64.

2. Культура

Бойко Ш. Плакаты Тадеуша Гроновского. *Декорат. искусство СССР*, 1967, № 11, с. 36—39.

Булаховська Ю. Л. Із спостережень над післявоєнною творчістю Тадеуша Брезні. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1967, вип. 3, с. 3—16.

Василев Х. Г. Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие педагогической мысли в Болгарии после 9 сентября 1944 года. *Советск. педагогика*, 1967, № 11, с. 104—108.

Водозов Н. В. Ян Коллар и его поэма «Дочь Славь». (К очерку приложен перевод поэмы на русский язык и комментарии к ней.) *Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та*, 1967, № 287. (О взаимосвязях славянских литератур), с. 9—31.

Гайдай М. М. Західнослов'янська та українська балада про турецький полон. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1967, вип. 3, с. 108—114.

Ганев Г. Навстречу Великому 50-летию. (Юбилейные мероприятия, проводившиеся в школах и институтах Болгарии.) *Советск. педагогика*, 1967, № 11, с. 100—103.

Гашекова-Львова О. О. Спогади про Ярослава Гашека. Розповідь записана чеським журналістом Іржі Часткою. (Воспоминания относятся к периоду 1919—1922 гг.) «*Всесвіт*», 1967, № 11, с. 105—108.

Гончаров Н. К. Великий гуманист. Доклад на Международной конференции, посвященной Яну Амосу Коменскому (Оломоуц, 20—22 сентября 1967 г.). *Советск. педагогика*, 1967, № 12, с. 75—80.

Димитров-Рудар П. Пламя от пламени. (О болгарской периодической печати для детей. XIX в.—1944 г.) *Детск. литература*, М., 1967, № 11, с. 46—48.

Захаржевська В. О. Людмил Стоянов — публіцист. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1967, вип. 3, с. 17—30.

Кирчів Р. Ф. Теофіл Ленартович і українська пісня. (Українське заимствования в творчестве известного польского поэта Т. Ленартовича. 1822—

1893.) «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1967, вип. 3, с. 115—130.

Кишкін Л. С. Йозеф Вацлав Сладек — поборник міжслов'янського літературного співробітництва. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», Київ, 1967, вип. 3, с. 49—59.

Кравцов Н. И. Антун Густав Матош (1873—1914). (Хорватский критик, прозаик и поэт). Научн. докл. высш. школы. Филол. науки, М., 1967, № 6, с. 29—42.

Кріль О. П. Осип Маковей — славист. Публікація статті «Причинки до джерел Гундуличевого „Османа“». «Слов'янське літературознавство фольклористика», 1967, вип. 3, с. 169—188.

Кузнецова Р. Чешский роман 30-х годов. Вопр. литературы, 1967, № 12, с. 137—152.

Мазуркевич О. Інтернаціональні зв'язки школи і педагогічної науки соціалістичних країн. «Радянська школа», 1967, № 11, с. 92—99.

Марко М. Великая Октябрьская социалистическая революция и печать Чехословакии. Вестн. Моск. ун-та. Журналистика, 1967, № 5, с. 77—85.

Мисяк М. Объединение практиков и ученых. (Подготовка экономистов в Польше.) Экономич. газета, 1967, № 50, с. 43.

Михайлов В. Развитие высшего образования в Польской Народной Республике. Сов. педагогика, 1967, № 12, с. 101—108.

Мишкова О. Л. Вільне товариство любителів російської словесності та чесько-російські літературні зв'язки в ХІХ ст. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1967, вип. 31—48.

Мручинський Т. Десять лет «Аргументов». (Орган Общества атеистов и свободомыслящих Польши.) «Наука и религия», 1967, № 10, с. 47.

Пискунов А. И. Пансофические идеи Я. А. Коменского и отношение к ним прогрессивных русских педагогов конца ХІХ—начала ХХ в. Доклад на Международной конференции, посвященной Я. А. Коменскому (Оломоуц, 20—22 сентября 1967 г.). Сов. педагогика, 1967, № 12, с. 80—86.

Поул Дж. Д. Современное значение проектов Коменского об испрв-

нии вещей в «Панортозии». Доклад на Международной конференции, посвященной Я. А. Коменскому (Оломоуц, 20—22 сентября 1967 г.). Сов. педагогика, 1967, № 12, с. 96—100.

Рабочий класс, общество, литература. (Публикация материалов дискуссии на тему: «Рабочий в современном обществе и в современной литературе». Участвовали критики и писатели из социалистических стран.) Иностран. литература, 1967, № 10, с. 211—251.

Ревякин А. И. К вопросу о взаимосвязях славянских литератур. Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та, 1967, № 287, с. 3—8.

Русенов М. Популярная профессия. (Подготовка экономистов в Болгарии). Экономич. газета, 1967, № 50, с. 43.

Стеклова Ф. І. Густав Зелінський та його романтична поема про казахів. (О поэме «Киргиз», опубликованной в 1842 г.) «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1967, вип. 3, с. 60—71.

Стемпень М. Первый съезд советских писателей в передовой польской критике 30-х годов. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1967, № 6, с. 18—27.

Трегуб С. Павел Корчагин в Чехословакии. (О публикациях книги Н. Островского с 1936 г.) «Октябрь», 1967, № 12, с. 192—195.

Шкарка А. «Ciamores eliae» — вариант «Общего совета». Доклад на Международной конференции, посвященной Я. А. Коменскому. (Оломоуц, 20—22 сентября 1967 г.) Сов. педагогика, 1967, № 12, с. 93—96.

Шумада Н. С., Юзвенко В. А. Славистичне дослідження в галузі фольклористики на Україні (1917—1966). «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1967, вип. 3, с. 131—139.

Ющук І. П. Український струмів у словенській поезії кінця ХІХ — початку ХХ ст. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1967, вип. 3, с. 72—89.

3. Я з к о з п а н н е

Квачадзе В. Об ударениях в сербско-хорватском языке. Тр. Тбилисск. гос. пед. ин-та, 1967, т. 20, с. 195—202.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1967, № 4—5

Х. Христов. Октябрьская революция и болгаро-советская дружба; Ж. Натан. Марксистская мысль в Болгарии и некоторые вопросы Октябрьской революции и болгаро-советской

дружбы; Б. Джорджевич. Октябрьская революция и сербское рабочее движение (1917—1919 гг.); В. Чичовская. Создание и деятельность болгаро-советских обществ (1944—1946 гг.); П. Панайотов. Новые данные и уточнения об участии болгар в

борьбе за Советскую власть; В. И. Киселев. Октябрь и болгарские сельскохозяйственные коллективы на Украине; М. Д. Дыхани. Деятельность болгарских политических эмигрантов на юге Украины в 1925—1929 годах; Д. Г. Пещаный. Советско-болгарское сотрудничество в области гидромелиорации и ирригации (1948—1958); Д. Стоянов. Выступление населения Пловдива и окрестностей в защиту Советской России (1921—1922 гг.); Г. В. Димитров. Выступление населения Пиринского района в защиту Советской России (1918—1922 гг.); Г. Цолов. Первые отклики на Февральскую и Октябрьскую революции в Шуменском округе; М. Маринова. Роман Петков Аврамов; К. Халачев. Мои воспоминания о влиянии Октябрьской революции на наш флот; К. Д. Димитров (Божиков). Братание болгарских и русских солдат на Южном фронте; Г. Ганев. Документы из архива румынской полиции об аресте Георгия Димитрова в 1920 году; Н. Крysteвa. Интересный документ о положении в Болгарии накануне Октябрьской революции.

«Литературна мисъл», 1967, № 5

Л. Стоянов. Воздействие Октября на развитие болгарской литературы; Х. Радевски. Октябрь в моей жизни; Ламар. Размышления о свободе; Н. Марангозов. Россия вождественная; К. Григоров. Она вошла в мою жизнь еще с детских лет; Е. Манов. Мой праздник; Г. Стоев. Любовь, принятая по наследству; П. Зарев. Октябрьская революция и изменения в художественном сознании в болгарской литературе 20-х годов; А. Натев. Методологические дилеммы в современном литературоведении. Параллельные проблемы в развитии советского и болгарского литературоведения; Г. Цанев. Октябрьская революция и поиски новых критериев в болгарской литературе; М. Храпченко. Октябрьская революция и творческие принципы социалистической литературы; Л. Павлов. Октябрь и проблема литературных связей; В. Кунчев. Ленинский подход Георгия Димитрова к литературе и искусству; А. Анчев. Николай Хрепков и распространение советской литературы у нас в 20-х годах.

«Български език», 1967, № 4

Л. Андрейчин. Съезд (работников) болгарской культуры и родной язык; Т. Минчев. Назревшая общественная необходимость; Н. Дылевский. К вопросу о происхождении Сборника Германа 1359 г.; Х. Ожеовска. Удвоение дополнения в некоторых болгарских текстах первой половины XIX в.;

В. Станков. Категории индикатива в современном болгарском языке-Р. Бернар Скóрбџ — 'часть мельницы'; И. Гылыбов. Этимологические заметки; Е. А. Захаревич. Признаки неделимости слов типа *помощник-аптекарь*; С. Ивanchев. Транскрипция и произношение словачских имен в болгарском языке; Л. Андрейчин. Почему «*притуали*»?; Л. Андрейчин. *Дом на «младоженеца»?* В. Попова. О правильном восприятии иностранных названий; М. Выгленов. Нежелательная вновь образованная форма прилагательного имени.

«Kwartalnik Historyczny», 1967, № 4

С. Шахерская. Оливское аббатство и экспансионистские устремления Дании в отношении Пруссии; С. Сальмонович. Вацля. Анатомия народной контрреволюции; Т. Ковалек. Немецкая националистическая печать в Быдгоще в межвоенный период; Е. Топольский. Экономическое развитие Польши в X—XX вв. Методические замечания и попытка подсчета; К. Бучек. Вопрос о локационном праве г. Полоцка; В. Маевский. Спор о потопе; Е. Скавронек. История и социология. Замечания в связи с исследованиями общественной мысли на рубеже XVIII—XIX вв.; Л. Хасс. Деятельность польских масонов в 1908—1915 гг.

«Przegląd Historyczny», 1967, № 4

З. Эпперлейн. «Клиторский миф» немецких цистерцианских монастырей и сообщение любенжского монаха XIV ст.; Я. Тазбир. Общественное мнение Польши XVI—XVII вв. об испанцах; Я. Вшолэк. Политическая деятельность группы Чарторыйского среди поляков в Риме в 1832—1843 гг.; М. Вжосек. Борьба корпуса генерала Довбор-Мусницкого против Советской власти (ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г.); Э. Межва. По поводу издания английского сообщения о Польше от 1598 г.; М. Горн. К дискуссии об экономическом кризисе шляхетской Речи Посполитой в XVI—XVII вв.; С. Мельчарский. О правильном анализе хлебного рынка Малой Польши во второй половине XVIII в.; А. Выробиш. Александр Гвагин и иностранные специалисты на польских стекольных заводах в XVI—XVII вв.

«Slavia Orientalis», 1967, № 3

Р. Пшибыльский. О «Разгроме» Александра Фадеева; С. Поляк. В поисках мифа героя. Первое десятилетие творчества Тихонова; А. Володзько. Поэты из Оберо; Р. Сливовский.

К изучению литературного наследия Андрея Платонова; Я. С а л а й ч и к. О «Конармии» Исаака Бабеля; С. П о р е м б а. Литературный дебют Лидии Сейфулиной; Я. Ш и м а к. Охотничьи рассказы Юрия Нагибина; Ф. Н е у в а ж н ы й. У истоков украинской советской поэзии. Лирика Чумака и Элла-на.

«Pamiętnik Literacki», 1967, № 3

С. Ж у л к е в с к и й. Проблемы социологии литературы; М. Р а в и н ь с к и й. Споры о модели идейной литературы. В кругу литературных полемик 1918—1932 годов; Г. З а в о р с к а. Футуристические концепции искусства для масс; М. С т е м п е ь. Польская литературная критика в Советском Союзе. 1917—1937 гг.; Д. К а ц н е л ь с о н. Герои январского восстания в польских народных и солдатских песнях; Ю. К о з л о в с к и й. О судьбах рабочей «Варшавянки» и ее авторе; Ф. Л и х о д з е в с к а. История трех стихотворений Владислава Броневского.

«Język Polski», 1967, № 4

М. К а р а с ь. *Uniwersytet Jagielloński*. 1. Название и его история; Б. К р е я. Названия помещений на -*arnia* в польском языке; В. М а н ь ч а к. Склонения фамилий на -*o*; А. З а р е м б а. Замечания о диалектных патронимических образованиях.

«Historický časopis», 1967, № 4

Л. Г о л о т и к. Октябрьская революция и революционное движение в Словакии в конце 1918 г.; А. Ш п и с. Развитие аграрных отношений в Центральной и Восточной Европе в новое время и проблема существования «второго закрепощения крестьян в наших землях»; Дискуссия. К чешско-словацким отношениям; В. З у б е р е ц. К вопросу о возникновении аграрной партии в Словакии (1918—1921 гг.).

«Přispevky k dějinám KSČ», 1967, № 5

В. Д у б с к и й. Формирование политической линии КПЧ в период руководства Шмерала (1); З. С н и т и л. О двухлетнем плане и его месте в политике КПЧ в 1946 г.; К. К а п л а н. Размышления по поводу первой пятилетки; И. М о ж н а. Развитие централизма в чешском рабочем движении в начале XX в.; Ф. Г е л е ш и ц. Действительные главные редакторы газеты «Руде право» в 1920—1938 гг.; Й. Г р ж и б е к,

Я. К р ж е н. Дискуссионный вечер: «Гейдрихада и чешское движение Сопротивления».

«Slavia», 1967, № 4

В. Ф. М а р е ш. Историческое развитие славянского склонения существительных. I; Е. К р ж и ж к о в а. Адвербиальная детерминация со значением времени и причины; Г. Ш у с т е р - Ш е в ц. О современном состоянии памятников сербо-лужицкого языка и об их издании; М. З а г р а д к а. Конец и трансформация русской литературы дворянских гнезд; Ю. К р ж и ж а н о в с к и й. Сенкевич и Виткевич; М. А л ь т б а у э р. О критериях определения первоисточников библейских переводов (на примере восточнославянского перевода книги Руфь); М. В. Щ е п к и н а. Исследование лицевого греческого кодекса IX в. (Хлуд. 129-д); Ф. В о л ь м а н. Советская полемика о структурности в литературоведении; А. К а м н е в. Русский перевод французских текстов Л. Н. Толстого (К столетию первого издания «Войны и мира»); В. В л а ш и н о в а. В. Г. Короленко в чешской литературе конца XIX столетия.

«Slovo a slovesnost», 1967, № 4

Б. Г а в р а н е к. К шестидесятилетию П. Троста; Ф. Д а н е ш. О понятии «языковосредство»; К. Г о р а л е к. Изображение в языке и в тексте; В. С к а л ч и к а. О преемственности слов; П. С г а л л. К характеристике формальных свойств синтаксических отношений; Й. В а х е к. Заметка о современном состоянии изучения языковой диахронии; И. К р а м с к и. Позиция слова в системе языка; Й. Ф и л и п е ц. К вопросу об отношениях в языке и особенно об отношении подобия; К. Г а у з е н б л а с. Новый перевод «Евгения Онегина»; А. Е р х а р т, Й. Л а м и р е х т. К вопросу об отношении индоевропейских языков к другим языковым семьям; Ф. К о п е ч н ы. Несколько замечаний о предложениях с этимологической точки зрения; А. М а р в а н. К вопросу об основах склонения в современном литовском языке; И. Л и п а. О склонении в цыганском языке; Э. Б е н е ш. Немецкие предложения с *man* и их стилистическое использование; Б. Т р н к а. *Alfred—Alured*; И. Т е ш и т е л о в а, М. В а н ч а т о в а. Маргинальные заметки о слове Ф. Кафки; К. С в о б о д а. Два соображения в связи с работой К. Вельке о «модальных» глаголах в немецком языке; Я. П о в е й ш и л. Двуязычие в западной Чехии; С. У т е ш е н ы. К методике изучения социальной стратификации языка.

Х СЕССИЯ СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

29 января — 2 февраля 1968 г. в Ленинграде состоялась X сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. На сессии присутствовали представители различных научно-исследовательских институтов, университетов и других высших учебных заведений Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Свердловска, Вильнюса, Таллина, Риги, Вологды, Калининграда, Пскова и других городов.

Программа сессии была содержательной и разнообразной.

На пленарном заседании сессии с интересными докладами выступили: А. Л. Шапиро (Ленинград) — «О природе феодального землевладения»; И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов (Москва) — «О методологии и методике изучения аграрного всероссийского рынка (XVIII — начало XX в.)»; И. А. Анцупов (Кишинев), С. Я. Боровой, А. С. Коцневской (Одесса), А. П. Пронштейн (Ростов-на-Дону), С. А. Чекунов (Пятигорск) — «О некоторых закономерностях развития аграрных отношений в южных колонизируемых окраинах Европейской России (2-я половина XVIII — 1-я половина XIX в.)».

Затем работали три секции: I секция (XVI — первая половина XVIII в.), II секция (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.), III секция (1861—1917 гг.). На секциях были заслушаны доклады и сообщения по важным вопросам аграрного развития России и других восточноевропейских стран. Проблематике аграрной истории польского и соседних с ним народов были посвящены доклады и сообщения: И. В. Созина (Москва) — «История и состояние аграрных исследований в Польше

(XVI—XVIII вв.)», В. А. Якубского (Ленинград) — «Сдвиги в структуре феодального землевладения Западной Люблинщины в период господства фольварочной системы», А. М. Карпачева, П. Г. Козловского (Минск) — «Динамика численности населения Белоруссии во второй половине XVII — XVIII вв.», М. А. Ючас (Вильнюс) — «„Добровольная“ отдача себя в крепостные в Литве в XVII—XVIII вв.», В. И. Меленко (Минск) — «Положение крестьян Кричевского староства во II половине XVII—XVIII вв. (до воссоединения с Россией)»; Ю. М. Юргиниса (Вильнюс) — «„Приемная земля“ и ее роль в аграрных отношениях феодальной Литвы»; Ю. Ю. Каха (Таллин) — «О роли помещичьей винокуренной промышленности в генезисе капитализма в Прибалтике», В. А. Маркиной (Киев) — «Сельскохозяйственное производство Правобережной Украины и рынок в XVIII — начале XIX вв.». По докладам развернулись оживленные прения.

Бюро Отделения истории АН СССР, одобрив научные итоги X сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, рекомендовало: 1) более настойчиво выдвигать на обсуждение важнейшие научные проблемы аграрной истории Восточной Европы, обращая особое внимание на развертывание творческой дискуссии; 2) закрепить и расширить контакты с проблемными научными советами; 3) включить в программу работы секций важнейшие сообщения о новых, основанных на документальных данных, результатах исследований по актуальным вопросам аграрной истории Восточной Европы.

К. И.

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ

18 января 1968 г. на открытом заседании Ученого совета исторического факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова состоялась защита диссертации на соискание степени доктора исторических наук доцентом ЛГУ Стецкевичем С. М. В качестве диссертации была представлена книга «Рабочее движение в Польше в 1918—1919 гг.», Л., 1966 с приложением расширенного историографического очерка, обзора источников и списка литературы.

В диссертации рассматривается рабочее движение на территории б. Королевства Польского и Западной Галиции с ноября 1918 г. по июнь 1919 г., та борьба между буржуазией и пролетариатом, в результате которой в основном определился характер возрождающегося польского государства и дальнейшие пути его развития. Широко показывается деятельность Советов рабочих депутатов, анализируется роль в рабочем движении и тактика как революционных — СДКПиЛ, ППС-левицы, КРПП, так и реформистских партий — ППС, ППСД. Причинами поражения рабочего класса в его борьбе с буржуазией автор считает ослабление пролетариата в результате мировой войны и австро-германской оккупации, его политический раскол, отсутствие союза с непролетарскими массами, а также отсутствие партии нового типа, способной

выдвинуть такую программу решения общедемократических задач, осуществление которой под руководством пролетариата проложило бы путь к социалистической революции.

Книга С. М. Стецкевича получила положительную оценку в рецензиях ряда советских и польских историков, опубликованных на страницах журналов «Новая и новейшая история», 1967, № 4, «Украинский исторический журнал», 1967, № 12, «Z pola walki» 1967, № 2, «Kwartalnik Historyczny», 1967, № 3, «Przegląd Historyczny», 1967, № 3, «Kwartalnik historii Ruchu Zawodowego», 1967, № 3.

На заседании Ученого совета исторического факультета ЛГУ были зачитаны отзывы сектора истории стран социализма Института славяноведения АН СССР, IV отдела Института истории Польской академии наук, научного сотрудника Института истории партии при ЦК ПОРП Г. Малиновского и др. Официальные оппоненты — доктора исторических наук И. А. Хренов, В. А. Дьяков и З. В. Степанов дали высокую оценку диссертации, отметив в то же время и ряд ее частных недостатков.

Ученый совет исторического факультета ЛГУ присудил С. М. Стецкевичу звание степеней доктора исторических наук.

Э. И. Лезуров

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

ЮБИЛЕЙНАЯ СЕССИЯ ПОЛЬСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

23—24 ноября 1967 г. в Варшаве состоялась сессия Польской академии наук, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В ней приняли участие видные польские ученые, представители различных областей знания, а также гости из СССР.

В яркой вступительной речи президент ПАН акад. Я. Грошковский подчеркнул огромное значение Октябрьской революции как в истории народов Советского Союза, так и в историческом развитии польского народа. Он отметил, что это величайшее событие не только обеспечило социальное, экономическое и политическое возрождение России, но и создало важнейшие предпосылки для восстановления политической независимости Польши.

Выступивший с приветствием от имени АН СССР акад. Б. А. Рыбаков охарактеризовал Октябрьскую революцию как начало новой эры в истории человечества. Он подчеркнул, что данное

событие было обусловлено сложившимся в период империализма соотношением классовых сил в Российской империи и на международной арене и явилось закономерным результатом перемещения центра революционного движения в Россию. В своей борьбе за социализм, — отметил Б. А. Рыбаков, — советский народ получал поддержку со стороны международного рабочего движения. Мы гордимся тем, что в исторические дни нашей революции в когорте наших друзей были весьма многочисленные представители польского народа; мы гордимся тем, что в настоящее время польский народ является нашим ближайшим соратником в строительстве новой жизни, начало которой положила Октябрьская революция.

Затем с докладом «Проблемы генезиса Великой Октябрьской революции» выступил проф. Г. Ловмянский. Характеризуя задачу своего доклада, проф. Ловмянский сказал: «Из перспективы да-

леких веков мы можем лучше познать условия, в которых родилась революционная инициатива и разворачивалась борьба революционного пролетариата; мы в еще большей степени убеждаемся в том, что Октябрьская революция была результатом усилий многих поколений трудового народа, борющегося за лучшие условия жизни и за лучшее будущее...» В связи с этим Г. Ловмянский подверг глубокому анализу те социально-экономические условия феодальной и капиталистической России, которые, по его мнению, оказали решающее влияние на складывание революционных традиций. Особенно подробно он остановился на двух моментах: 1) рано наметившемся застое в экономическом развитии русских земель и 2) на обнаружившемся несколько позднее отставании политической структуры государственной власти от начавшегося бурного экономического прогресса.

В докладе проф. Ю. Ковальского был подробно освещен вопрос о влиянии Октябрьской революции на польское рабочее движение. Проф. Т. Цесляк остановился на значении Октябрьской револю-

ции для образования польского государства. Проф. С. Завадский на большом фактическом материале показал существенные сдвиги в законодательстве ряда капиталистических стран под воздействием октябрьских событий 1917 года в Петрограде.

По докладам развернулись оживленные прения, в которых принял участие и советский историк А. А. Соловьев, выступивший с сообщением «Октябрьская революция и интернационализм».

Научная сессия ПАН, посвященная 50-летию Октябрьской революции, явилась значительной вехой в развитии сотрудничества советских и польских историков.

Советские историки, присутствовавшие на сессии, 25 ноября 1967 г. приняли участие в совместном заседании советско-польской исторической комиссии, на котором обсуждался план научного сотрудничества, была выработана общая программа деятельности и намечен календарный план совместной работы на 1968—1971 гг.

И. Б. Греков

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ О СЕРБСКОЙ ОМЛАДИНЕ

С 12 по 14 декабря 1967 г. в г. Нови Сад (Югославия) состоялась международная научная конференция, посвященная 100-летию со времени образования Объединенной сербской молодежи (Омладины). Согласно замыслу организаторов конференции (Матицы сербской и Института истории Сербской академии наук и искусства), последняя была призвана обсудить важнейшие вопросы политической, общественной и культурной деятельности Омладины (1866—1872).

На конференцию были приглашены историки и философы, историки и теоретики литературы, а также историки культуры из всех научных центров Югославии и ряда зарубежных стран — Болгарии, Венгрии, Канады, Польши, Румынии, Советского Союза, США, Чехословакии. В ее работе приняло участие около 100 ученых.

С краткими приветствиями к участникам конференции обратились председатель Матицы сербской Радомир Райков и директор Института истории Сербской академии наук и искусств Йорьо Тадич. Затем с проблемным докладом на тему: «Историческая роль и значение сербской Омладины» выступил проф. Никола Петрович (Белград), осветивший основные узловые вопросы темы.

Выступления 38 участников конференции с докладами и сообщениями, являясь и плодотворной дискуссией, в которой приняло участие свыше 30 человек, позволили глубоко и всесторонне осветить

столь сложное и многогранное явление, каким было сербское молодежное движение второй половины 60-х — начала 70-х годов XIX в.

Анализу идеологических и философских предпосылок движения был посвящен ряд интересных и содержательных докладов. Д-р Димитрие Джорджевич (Белград) в своем докладе говорил об историко-философской основе омладинского движения; проф. Андрия Стойкович рассмотрел вопрос о морально-этической программе идеологов Омладины — Владимира Йовановича и Светозара Марковича; акад. Душан Неделькович посвятил свое выступление анализу различных философских течений в омладинском движении, уделив особое внимание характеристике взглядов вождя его революционно-демократического крыла — Светозара Марковича.

Истории сербского омладинского движения было посвящено наибольшее количество докладов. Значительный интерес у присутствующих вызвал доклад доц. В. Г. Карасева (Москва): «Живоиш Жуевич и Омладина», построенный на новых материалах и отличавшийся оригинальной и убедительной интерпретацией ряда сложных моментов в истории Омладины.

Д-р Джордже Игнатович (Белград) посвятил свой доклад отношениям двух выдающихся деятелей Омладины — Светозара Милетича и Любена Каравелова; В. Н. Кондратьева (Москва) познакомил

ла участников конференции с новыми документами об Омладине, почеркнутыми ею из советских архивов. С большим интересом был выслушан содержательный доклад Васы Войводича (Нови Сад), посвященный деятельности Омладины по подготовке восстания в Боснии и Герцеговине в начале 70-х годов XIX в. Д-р Василие Крестич (Белград) рассказал об отношении хорватских политических партий к Восточному вопросу в период деятельности Омладины; д-р Василий Мелнк (Любляна) говорил об отношении словенцев к проблеме югославинства в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в.; д-р Ян Сиратский (Братислава) рассмотрел вопрос об отношении сербской Омладины к воеводинским словакам; д-р Арпад Лебл (Нови Сад) выступил с докладом: «Омладина и сербский вопрос в Венгерском парламенте».

Ряд докладов был посвящен важному вопросу о связях сербской Омладины с другими народами и их прогрессивными деятелями. Проф. С. А. Никитин (Москва) сделал доклад на тему: «Сербская политическая жизнь 60-х — начала 70-х годов в освещении русской периодической печати», в котором содержался анализ новых фактов об отношении различных кругов русского общества к сербскому оmlадинскому движению; Милош Иванович (Нови Сад) говорил об откликах на оmlадинское движение в общественной жизни Франции; д-р В. Д. Маклеллан (США) — о связях сербской Омладины с русской революционной эмиграцией; Крумка Шарова (София) — о связях Омладины с болгарским национально-освободительным движением 70-х годов д-р Владимир Стоянчевич (Белград) — об отношении Омладины к болгарскому революционному движению; д-р Ружена Гавранкова (Прага) — об отношении чешской общественности к Восточному вопросу в период деятельности Омладины; д-р Эндра Аранто (Будапешт) — рассказал о связях венгерской общественности с Омладиной, а акад. Людевит Голотик и д-р Милан Крайчевич (оба из Братиславы) посвятили свои доклады общественным связям словаков с сербской Омладиной. Об отношении чехов к Омладине говорил д-р Вацлав Жачек (Прага), а румынский ученый Николь Чакир (Бухарест) посвятил свое сообщение румынско-сербским отношениям в период деятельности Омладины.

Много интересных и содержательных докладов и сообщений сделали литературоведы и историки культуры.

Д-р Милорад Найданович (Крагуевац) выступил с докладом о роли Омладины в развитии сербской литературы; известный сербский писатель Драган Еремич (Белград) говорил о литературных теориях 60-х годов, уделил особое внимание творчеству Йована Андриевича; проф.

Драгиша Живкович (Нови Сад) — о зарождении жанра новеллы в сербской литературе в период деятельности Омладины; д-р Илия Конев (София) посвятил свой интересный доклад роли Любена Каравелова в развитии сербского реализма; д-р Васо Миличевич (Белград) осветил вопрос об Омладине и сербской драматургии 60-х годов XIX в.; Живоин Бошков (Нови Сад) — исследовал вопрос о роли оmlадинского журнала «Даница» в развитии сербского романтизма, а проф. Башко Новакович (Нови Сад) показал место оmlадинского журнала «Матица» в развитии сербской литературы в целом; значению известного оmlадинского журнала «Млада Србадия» в развитии сербской литературы был посвящен доклад д-ра Джордже Банча (Нови Сад); связям оmlадинской литературы с литературами других народов были посвящены доклады: д-ра Божидача Ковачека (Нови Сад) — «Оmlадинские журналы и венгерская литература»; д-ра Яна Кмеча (Нови Сад) — «Отклики оmlадинских национальных идей в словацкой литературе», проф. Джордже Живановича (Белград) — «Объединенная сербская молодежь и польская литература».

С большим вниманием участниками конференции был выслушан доклад д-ра Витомира Вулетича (Нови Сад) — «Объединенная сербская молодежь и русская литература». На основе глубокого анализа огромного фактического материала докладчик убедительно показал роль русской литературы в развитии сербского реализма. Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Салтыков-Щедрин и другие русские писатели, по словам докладчика, оказали благотворное влияние на таких оmlадинских писателей как И. И. Змай, Лаза Лазаревич, Милован Глишич и другие. Особое внимание в докладе было уделено раскрытию и показу воздействия русской революционно-демократической эстетики на Светозара Марковича, а через него и на сербскую литературу.

Три доклада были посвящены историко-культурной проблематике времени Омладины: д-ра Бранислава Вранешевича (Нови Сад) — роли прессы в деятельности Омладины; Живана Милисавца (Нови Сад) и Кальмана Чехака (Нови Сад) — связям и преемственности в деятельности сербской Омладины 60-х годов и молодежного общественного движения 80-х годов XIX в.

Среди ученых, принявших активное участие в дискуссиях по обсуждавшимся на конференции вопросам, необходимо отметить яркое выступление проф. Франа Цвиттера (Любляна), посвятившего свое сообщение анализу сложной международной обстановки, в которой протекала деятельность Омладины.

Итоги деятельности Новисадской международной научной конференции подвел ее председатель д-р Витомир Вулетич.

Он отметил исключительно плодотворный, творческий характер столь представительного ученого форума, прошедшего в атмосфере дружбы и взаимопонимания. «Новосадская конференция показала, — заявил он, — сколь важны и плодотворны научные связи и контакты ученых разных стран в деле изучения значительных общественных явлений, вышедших за рамки одной страны, каким несомненно являлось движение Объединенной сербской молодежи 60—70-х годов прошлого столетия». От имени организаторов конференции В. Вулечич поблагодарил всех ее участников за интересные и содержательные доклады, которые помогут глубже понять и оценить роль Омладины. Председатель конференции заявил, что все материалы конференции будут изданы

отдельной книгой. Он выразил согласие с пожеланием участников конференции о том, чтобы подобного рода интернациональные симпозиумы проводились и впредь.

Международная научная конференция о сербской Омладине наглядно показала, что г. Нови Сад является не только крупным научным центром в рамках Воеводины и Социалистической Республики Сербии, но и в масштабах всей Югославской Социалистической Федерации. Нельзя не отметить исключительно хорошую организацию конференции, теплоту и сердечность, с которой гостеприимные хозяева встречали своих многочисленных югославских и зарубежных гостей.

В. К.

КУРСЫ СЛАВИСТОВ В ВАРШАВЕ

С 27 августа по 25 сентября 1967 г. проходили занятия международных летних курсов славистов при Варшавском университете. В работе принимали участие 120 человек из 20 стран Европы, Америки и Азии. В составе советской группы было 18 человек: сотрудники Института славяноведения и Института русского языка АН СССР, Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, Издательства АН СССР, Института языковедения АН УССР, Главного архивного управления, издательства «Советская энциклопедия», а также преподаватели Ленинградского, Одесского, Горьковского и Вильнюсского университетов. Занятия проходили в Варшаве и Кракове. На два дня участники курсов выезжали в Закопане.

В программу курсов входили практические занятия польским языком (для начинающих, кроме того, были организованы конверсации — разговорные группы, которые были очень интересны методически и насыщены материалом; лекции по польскому языкознанию, литературоведению, истории, экономике, музыке, искусству. Работали языковедо-стилистические и историко-литературные семинары.

Лекции читали крупнейшие специалисты по польскому языку и литературе — профессора В. Дорошевский, Ф. Славский, З. Клеменевич, С. Урбаньчик, М. Карась, И. Сафаревич, Ю. Кшижановский, С. Фишман и др. В лекциях по языкознанию освещались вопросы фонетики, морфологии, фразеологии, диалектологии, этимологии, ономастики польского языка. Доц. Курковская прочла цикл лекций «Основные сведения по фонетике и морфологии польского языка», доц. М. Шимчак вел занятия по анализу старопольских и диалектных текстов.

В лекциях по литературе характеризи-

вались различные периоды польской литературы (ренессанс, барокко, просвещение) и творчество отдельных писателей (С. Выпянского, В. С. Реймонта, С. Жеромского). Тексты современной польской прозы интерпретировались на занятиях А. Маковецкого и д-ра И. Рогозиньского, а поэзии — на занятиях д-ра А. Лама.

Состоялась интересная лекция по актуальным проблемам экономики ПНР (доц. И. Паестка) и об участии поляков в Октябрьской революции (д-р А. Слиш).

Лекции по искусству проводились, как правило, не в аудиториях, а в музеях, и сопровождалась осмотром экспозиций. Так, осмотр Национального музея в Кракове сопровождался докладом доц. Х. Блюмувны о польском современном изобразительном искусстве, осмотр Вавеля — докладом проф. И. Шабловского о значении Вавеля для истории, культуры и искусства Польши. Осмотр коллекций музея Ягеллонского университета в Коллегиум Майус предварялся лекцией проф. К. Эстрейхера о традициях и современном состоянии университета. В национальной библиотеке в Кракове сделал доклад проф. И. Гулевич.

Для участников курсов были организованы встречи с сотрудниками Варшавского и Краковского университетов, с польскими писателями и переводчиками.

Организаторы курсов стремились как можно лучше и разностороннее познакомиться своих гостей с Польшей, ее историей и современной жизнью, ее музыкой и изобразительным искусством, театром и кино. Участники курсов выезжали в Виланов, Песковую Скалу, Желязово Волю (где слушали концерт из произведений Шопена), на металлургический комбинат в Новую Гуту, в село Кадзидло, в котором с большим интересом ознакомились

с польским народным творчеством. Была организована поездка в Освенцим.

Посещение оперного и нескольких драматических театров дало возможность увидеть разные творческие манеры, режиссерские почерки, актерское мастерство.

Поездка на курсы была очень полезна. Участники курсов смогли за короткий

срок пополнить свои знания в области полонистики и польского языка, ознакомились со страной, ее народом, наукой и культурой. Плодотворны были и научные контакты с польскими учеными и славистами других стран.

И. Можаява

НА ЛЕТНЕМ СЕМИНАРЕ В ПРАГЕ

В этом году славистический семинар в Праге был особенно популярен. Побывать на родине патриарха славяноведения И. Добровского накануне VI Международного съезда славистов — мечта каждого, кто интересуется историей, культурой, языком славян. Вот почему в работе XI семинара (28 VII—25 VIII 1967 г.) приняло участие 168 человек из 27 стран. По сравнению с прошлым годом число слушателей возросло на одну треть.

Из Советского Союза прибыла группа студентов и преподавателей Московского, Ленинградского и Львовского университетов, научные сотрудники Академии наук и литературные работники.

Богатая программа семинара включала интересные языковые и стилистические занятия, курсы лекций по языкознанию, лингвистоведению, истории Чехословакии и других славянских стран. Лекции читали известные слависты — профессора и доценты Карлова университета и других вузов ЧССР, сотрудники Чехословацкой академии наук.

Очень содержательным и тематически целенаправленным был лингвистический цикл. Достаточно назвать математически строгие лекции проф. А. Достала «Сравнительный и сопоставительный метод в лингвистике» и доц. В. Барнета «Методологические проблемы развития славянских языков», богатую новыми примерами лекцию проф. К. Горалки «Кальки в славянских языках», насыщенную библиографическими материалами лекцию проф. Й. Курца «Церковнославянский язык и его типы», лекция доц. П. Сгалла «Генеративное описание языка» и доц. В. Грабе «Трансформационное описание русского предложения». Особый интерес слушателей вызвала лекция акад. Б. Гавранка о пражской лингвистической школе. Лектор не только изложил принципы этой школы, но и поделился своими воспоминаниями о деятельности Пражского лингвистического кружка.

Ряд лекций по чешскому и словацкому языкам прочитали: проф. Я. Белич — «Взаимоотношение чешского и словацкого языков», проф. Й. Вахек — «Периферийные элементы в фонологической системе чешского языка», проф. М. Ромпортл — «Чешская орфоэпия и сценическое произношение», проф. В. Шмилауэр — «Окрестности нашего факультета (микро-

топонимика)», проф. В. Скаличка — «Тип чешского языка», д-р М. Даровец — «Словацкое языкознание с 1945 г. до наших дней», д-р С. Утепены — «К дифференциации современного чешского языка по сферам употребления» (с диалектологической точки зрения) и др.

Несмотря на информативный характер, эти лекции представляли собой развернутые теоретические доклады, вызывавшие оживленное обсуждение. Так, в лекции проф. Я. Белича были освещены общетеоретические проблемы языковых и диалектных границ и подчеркнута роль влияния экстралингвистических факторов на языковое членение.

Литературоведческий цикл был посвящен в основном вопросам чешской и словацкой литературы и критики. На нем выступили: акад. Я. Мукаровичский — «Чешская литературная критика от Возрождения до второй мировой войны», проф. Ф. Бурианек — «Петр Безруч», доц. В. Штепанек — «К истории современного чешского стиха», д-р К. Розенбаум — «Славянская идея в творчестве Я. Коллара, П. Шафарика и Я. Голлого», д-р М. Червенка — «Чешский стих XX века», д-р Я. Ворачек — «Основные тенденции развития чешской юношеской литературы» и др.

Курс исторических лекций охватывал вопросы культурно-исторических связей Чехословакии с другими славянскими странами. С докладами выступили: проф. Й. Полищенский — «Прерывность и непрерывность в историческом развитии чешского просвещения», проф. Й. Харват — «Две главы из современной чешской историографии», проф. А. Клима — «Национальный вопрос в революции 1848 г.», доц. Т. Силлаба — «Т. Г. Масарик и Октябрьская революция», доц. Р. Ковачек — «Международное положение Чехословакии в послевоенной Европе (после первой мировой войны)» и др.

Большой популярностью у слушателей, не знающих чешского языка, пользовался цикл лекций по основным проблемам русского языка и литературы, организованный на семинаре впервые. Их читали известные чехословацкие русисты: проф. Б. Илек, проф. Р. Паролек, доц. С. Матгауза, доц. М. Грала, доц. М. Егличка и др.

Слушателям была также любезно пре-

доставлена возможность работать в библиотеках, архивах, карточках Карлова университета и институтах ЧСАН.

Почти ежедневно проводились прекрасные организованные разнообразные экскурсии по городу, посещения музеев, выставок, соборов, исторических мест Праги и окрестностей. Инициатором культурных мероприятий был д-р В. Гунячек, которому помогли студенты Карлова университета.

Незабываемы путешествия в Южную Чехию и Крконоше, экскурсии в бывшую резиденцию Карла IV — замок

«Карлштейн», в Карловы Вары, Домаждицы, Мельник, Чешский рай и другие чудесные уголки Чехии.

XI славистический семинар прошел плодотворно. В этом большая заслуга его организаторов — членов секретариата семинара во главе с проф. А. Досталом. Благодаря их превосходной работе слушатели смогли не только углубить свои знания, но и увезти с собой приятные воспоминания о Чехословакии и ее сердечном народе.

В. М. Мокиенко

СЕМИНАР СЛОВЕНСКОГО ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ

28 августа — 9 сентября 1967 г. в Любляне (Югославия) в 3-й раз проходил семинар словенского языка, литературы и культуры, организованный философским факультетом Люблянского университета. В работе семинара приняли участие лингвисты, литературоведы, историки, переводчики (36 человек) из Австрии, Болгарии, Венгрии, ГДР, Дании, Италии, Польши, СССР, Чехословакии, ФРГ, Франции, Югославии.

Программа семинара включала практические занятия языком и цикл лекций, посвященный различным вопросам языкознания, культуры Словении, ее истории, литературы. Вниманию слушателей было предложено около 20 докладов и сообщений.

В докладах лингвистического цикла наиболее полное освещение получила проблема становления и развития словенского литературного языка. А. Баец показал, что словенский литературный язык, родоначальником которого является П. Трубар, складывался на основе длительного и сложного взаимодействия горенских и доленских наречий с привлечением некоторых особенностей из восточных диалектов Словении. Значение И. Цанкара, одного из крупнейших словенских писателей, в истории словенского литературного языка было рассмотрено Б. Погорелец. Ретроспективный анализ словенской лексики в плане выявления общего праславянского фонда и различных слоев заимствований дал в своем докладе Я. Юранчич.

Большой интерес вызвали доклады, посвященные некоторым вопросам сравнительно-исторического изучения словенского языка. Ф. Безлай, определяя место словенского языка в кругу славянских языков, подчеркнул особую архаичность словенской лексики и убедительно показал, что она представляет собою смешение различных пластов, отражающих словенско-балтийские, словенско-восточно- и западнославянские языковые связи. Тонкий лингвистический

анализ развития, преобразования и расчленения древнего указательного местоимения *тъ* в словенских диалектах дал Т. Логар.

Особое внимание привлек к себе доклад Й. Топоришича, представляющий собой большое оригинальное исследование. В нем сделана попытка экспериментального изучения тонемической системы словенского языка. Автор считает, что оппозицию акута и циркумфлекса следует изучать в рамках фонетики предложения и что ее релевантным признаком является различие в высоте слога, являющегося носителем тонемы.

Некоторые частные вопросы акцентных и морфологических колебаний в поэзии от Прешерна до наших дней были затронуты в докладе Ф. Якопина.

Цикл литературоведческих лекций открыл доклад Ф. Задравца «Словенские писатели и Октябрьская революция», показавший влияние социалистической революции в России на творчество словенских писателей. Некоторые из них, как было отмечено, приветствовали в ней провозвестницу новой общечеловеческой культуры, другие видели в ней «болезнь русской души» и «кровавый хаос». Б. Патерну осветил в своем интересном докладе два вида словенского реализма: гармонический и диссонантный, которые развивались параллельно в словенской прозе XIX в. В конце XIX в. в творчестве И. Тавчара и Я. Кершика обе эти струи значительно сблизились в жанре новеллы.

Значительный интерес представил доклад М. Кмецла о современной словенской прозе. Докладчик подробно осветил различные направления в литературе Словении на широком фоне идеологической борьбы в разные исторические периоды. Э. Штампар затронул в своей лекции важную проблему словенско-хорватских литературных связей, возникших в эпоху реформации (XVI в.) и особенно широко развившихся в XIX в., в период распространения идей иллиризма и юго-

славизма. Эти связи и сотрудничество словенских и хорватских писателей еще более укрепились в новой Югославии.

Ряд лекций был посвящен творческому пути отдельных словенских писателей. М. Боршник рассказал о творчестве И. Тавчара, о его политической деятельности, борьбе с клерикализмом. Я. Кос остановился на анализе прозы крупнейшего словенского пролетарского писателя, тесно связанного с социалистическим движением в Словении, И. Цанкара, для творческой манеры которого характерно сочетание психологического реализма и импрессионизма с социальной заостренностью. В докладе А. Слоднякашла свое освещение проза П. Воранца, в произведениях которого показан рост словенского рабочего и крестьянина от покорного подданного до сознательного революционера. Х. Глушич-Криспер охарактеризовала творчество одного из крупнейших современных писателей Словении Цирила Космача; речь шла о его художественном методе, мировоззрении, стиле. Как отличительные особенности творческой манеры Ц. Космача докладчик выделила субъективизм и лирический стиль прозы. Произведения Космача, рассказывающие о крестьянах, рабочих, партизанах, полны оптимизма.

Очень интересную тему затронул в своем докладе Ф. Петре. На примере творчества писателей Б. Пахора и А. Ребулы Петре рассказал о современной словенской литературе Триеста и его округи. В их произведениях находит отражение проблема безработицы и вынужденной эмиграции словенцев из Триеста, поставлен вопрос о праве малого народа на свой язык, свою историю и культуру.

К литературоведческой тематике тесно примыкает доклад Б. Крефта о словенском театре и драматургии от их возникновения и до создания Словенского драматического общества (1867). Крефт подчеркнул, что история словенского театра тесно связана с национальной борьбой словенцев, особенно с борьбой за права словенского языка.

На семинаре были прочитаны также

доклады на исторические темы. Обстоятельный доклад М. Микужа был посвящен специфике национально-освободительной борьбы в Словении. Докладчик подчеркнул, что национально-освободительная борьба словенцев развивалась как составная часть национально-освободительной борьбы всех народов Югославии, но вместе с тем имела ряд особенностей (выдвижение наряду с лозунгом изгнания оккупантов лозунга Объединенной Словении и др.). Микуж подчеркнул ту роль, которую нападение фашистской Германии на СССР сыграло в развитии антифашистской борьбы в самой Германии. Доклад Микужа был дополнен и проиллюстрирован интересной экскурсией в Музей национально-освободительной борьбы, хранящий уникальные материалы о словенском партизанском движении.

Б. Графенауер прочитал участникам семинара лекцию о судьбах словенской нации.

Семинар имел своей задачей как можно шире ознакомить слушателей со словенской культурой, искусством, живописью. Специальные лекции были посвящены современной словенской живописи (Н. Шуми), народной песне (В. Водушек), развитию музыкального искусства Словении (Д. Цветко). Доклады иллюстрировались репродукциями и фрагментами из музыкальных произведений. Знакомство с культурой Словении продолжалось на вечерах музыки, в театре, в народной галерее, галерее современного искусства.

Работа семинара проходила в дружественной, деловой обстановке. Слушатели имели возможность общаться с крупнейшими учеными и писателями Словении. Семинар принес неоценимую пользу не только специалистам по языку и культуре Словении, но и славистам широкого профиля.

Большую организационную работу по подготовке и проведению семинара проделали Я. Юранчич, Й. Коруза, М. Пишкур, Б. Погорелец, Ф. Задравец и др.

*Л. В. Куркина,
И. В. Чуркина*

CONTENTS

- L. A. Gibiansky*. The defeat of the bourgeois opposition and the confirmation of the victory of the People's Revolution in Yugoslavia (1945, June — 1946, January). *V. V. Cistiakov*. Rose Luxemburg's struggle against militarism and war danger at the beginning of the XX century. *V. A. Djakov*. New materials on Piotr Sciegienny. *G. K. Venediktov*. On the history of some of the words of Modern Literary Bulgarian 3

COMMUNICATIONS

- T. S. Karskaja*. Three months in Prague (A. N. Pypin's note-books). *F. Steklova*. A. I. Odoevskij and Adolf Januszkiewicz. *T. P. Agapkina*. From the history of the creation of the book «The day of the world». *G. Pokrovskaja*. Leonid Leonov in Yugoslavia 49

PEOPLE, EVENTS, FACTS

- K. L. Strukova*. On the biography of K. P. Misirkov. *V. D. Koroliuk*. Bulgarian national awakening in N. I. Kalita's engravings. *A. I. Rogov*. Ivan the Terrible's cup in a Serbian monastery 70

BIBLIOGRAPHY

- S. P. Bobrova*. A manual on the history of the Southern and Western Slavs. *F. G. Zuev*. Materials of the Session on the 20th anniversary of the Polish Army. *S. Sidelnikov*. Иван Н. Удджиев. Васил Левски. *F. I. Firsov*. A publication of the Czechoslovak and Soviet historians. *E. P. Naumov*. New collective work by the Yugoslav historians: «The History of Montenegro». *G. J. Ilyina*. Ivo Frangeš. Studije i eseji. *I. K.* The second edition of a book on the liberation struggle of the Polish people. *E. Lvova*. A book on the artists of the Bulgarian national awakening

- A. Lipatov*. New materials in the study of I. Krasicki's work. *Johannes Schultheiss* (GDR). 20 volumes of «The studies in German-Slavic toponymics» *R. M. Zeitlin*. «Речник на македонскиот јазик со српско-хрватски толкуванња» 81

Bibliography

- Books on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the USSR during 1967. The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in Soviet periodicals in 1967. The content of foreign periodicals 102

SCIENTIFIC LIFE

- K. I.* Xth Session of the Symposium on the study of the history of Eastern Europe. *E. I. Legurov*. The defence of dissertation these 112

Scientific life abroad

- I. B. Grekov*. An anniversary session of the Polish Academy of Sciences. *V. K.* The International scientific conference on the Serbian Omladina. *I. Možajeva*. Courses of Slavists in Warsaw. *V. M. Mokienko*. At the Summer Seminar in Prague. *L. V. Kurkina*, *I. V. Čurkina*. The Seminar on the Slovene language, literature and culture 113

Технический редактор *Т. А. Михайлова*

Сдано в набор 16/II-1968 г. Т. 05749 Подписано к печати 15/IV-1968 г. Тираж 1215 экз. Зак. 157
Формат бумаги 70×108²/₁₆ Усл. печ. л. 10,5 Бум. л. 3³/₄ Уч.-изд. листов 11,8

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Ж 17

Б ОРЛЫНКА

Л 34/38 КВ 40

ТОЛСТОМУ Н И

70891

5-12

Р

Цена 1 руб.

Индекс 70891